

ОГОНЁК

№ 3 ЯНВАРЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЗИМОЙ В ИЛЬИЧЕВО. Дом-музей В. И. Ленина в Ильичево, Ленинградской области. В. И. Ленин, скрываясь от преследований контрреволюционного Временного правительства, жил и работал в этом доме в сентябре 1917 года.

Фото И. Фетисова.

На первой странице обложки: В. И. ЛЕНИН. Скульптор П. П. Яцыно.

На четвертой странице обложки: Группа альпинистов на склоне пика имени Ленина.

Фото М. Ануфриева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 3 (1336)
18 ЯНВАРЯ 1953
31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЗОДЧИЕ КОММУНИЗМА
Рисунок Е. А. Кибрика

БЕССМЕРТНОЕ ЛЕНИНСКОЕ СЛОВО

Двадцать девять лет прошло с того дня, как перестало биться сердце Владимира Ильича Ленина. Он ушел, когда только закладывались гранитные устои новой, коммунистической жизни. Но гением его были начертаны планы построения социализма, планы строительства коммунистического общества. Его великий соратник И. В. Сталин повел миллионные массы трудящихся нашей страны на это великое строительство. И миллионы, воодушевленные идеями ленинизма, под руководством своей родной Коммунистической партии достигли всемирно-исторических побед.

В бессмертном наследии Ленина нам дорого каждое слово. Тридцать лет тому назад написал В. И. Ленин свои последние статьи: «Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше».

В этих работах Владимир Ильич подводит итоги деятельности партии и советской власти, намечает планы построения в нашей стране социализма путем вовлечения в это строительство самых широких масс трудящихся. Ленин развивает идеи индустриализации страны, всесторонне обосновывает гениальный кооперативный план социалистического строительства, план перевода миллионов мелких и мельчайших крестьянских хозяйств на рельсы социализма. Он выдвигает неотложные задачи в области культурной революции, определяет практические меры по дальнейшему укреплению Советского государства, по реорганизации государственного аппарата. В. И. Ленин говорит в этих работах об основных принципах внешней политики советской власти, показывает пути развития международного революционного движения.

Велико идейное богатство, оставленное человечеству Лениным.

В сокровищнице ленинских трудов, подлинной энциклопедии творческого марксизма, особое место занимают эти произведения Ленина, созданные им в последний год его благородной жизни, жизни, отданной без остатка народу, его освобождению, его счастью.

Ленин всегда учил партию, что в деле успешного строительства социализма решающую роль должна играть тяжелая индустрия — основ-

ная база социализма,— что без тяжелой индустрии невозможно обеспечить экономическую самостоятельность нашей страны, что без тяжелой индустрии может погибнуть сам советский строй.

2 марта 1923 года в статье «Лучше меньше, да лучше» Владимир Ильич ставил перед партией самые насущные для того времени вопросы: всемерное укрепление Советского государства, решительное обновление государственного аппарата, чистка его от враждебных элементов, реорганизация Рабкрина, величайшая экономия посредством максимального сокращения всего, что не абсолютно необходимо.

Он писал, что при условии выполнения этих задач «...мы в состоянии будем удержаться наверняка. И притом мы будем в состоянии удержаться не на уровне мелкокрестьянской страны, не на уровне этой всеобщей ограниченности, а на уровне, поднимающемся неуклонно вперед и вперед к крупной машинной индустрии». Это означало также и путь к развитию электрификации всей страны.

Ленинские положения об индустриализации страны легли в основу решений партии о строительстве социализма. Развивая эти положения, великий продолжатель дела Ленина товарищ Сталин разработал грандиозную программу социалистической индустриализации СССР. Сталинские пятилетки превратили некогда отсталую в технико-экономическом отношении Россию в могущественную индустриальную державу, которая выдержала все суровые испытания. Могущество нашей страны с особой силой проявилось в годы Великой Отечественной войны, закончившейся всемирно-исторической победой СССР.

В послевоенные годы наша страна в исключительно короткие сроки залечила тяжелые последствия войны, в течение первой послевоенной пятилетки не только восстановила, но и двинула далеко вперед развитие своей промышленности. Объем продукции всей промышленности СССР в 1950 году был уже на 73 процента выше, чем до войны, причем достигнуто это исключительно за счет внутренних ресурсов, без какой бы то ни было помощи иностранных государств.

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза в своих директивах по пятому пятилетнему плану наметил повышение уровня промышленного производства за пятилетие примерно на 70 процентов. Таких невиданно высоких темпов развития промышленности никогда не знала история!

Ленинская формула «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны» претворяется в жизнь. К концу второй послевоенной пятилетки намечено увеличение производства электроэнергии примерно на 80 процентов по сравнению с 1950 годом.

В статье «О кооперации» Ленин выдвигал первоочередную задачу: «...научиться практически строить этот социализм так, чтобы **всякий** мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении. Этой-то ступени мы и достигли теперь».

Владимир Ильич настойчиво требовал всемерно поддерживать и развивать кооперативный строй. Он подчеркивал, что «...строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма».

По ленинскому кооперативному плану самые широкие массы трудящегося крестьянства вовлекались в дело социалистического строительства через кооперацию. По этому плану принципы коллективизма постепенно внедрялись вначале в области сбыта, а затем и в области производства сельскохозяйственной продукции. Реальность этого плана определялась наличием социалистической промышленности и руководящей ролью рабочего класса по отношению к крестьянству. Опираясь на этот неоценимый вклад в сокровищницу творческого марксизма, товарищ Сталин разработал и осуществил на практике гениальную программу коллективизации сельского хозяйства. Сплошная коллективизация сельского хозяйства нашей страны, а на этой основе и ликвидация кулачества как класса сделали возможным исторический переворот в деревне, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года.

Троцкистско-бухаринские реставраторы капитализма всеми силами пытались сорвать коллективизацию сельского хозяйства страны, сорвать ленинско-сталинский план социалистического преобразования деревни. Коммунистическая партия разоблачила все происки этих злобных врагов народа, разгромила их осиные гнезда. Как и предвидел Ленин, трудящееся крестьянство, убедившись в неоспоримых выгодах коллективного ведения хозяйства, прочно стало на путь социалистического развития, на колхозный путь.

В своем гениальном труде «Экономические проблемы социализма в СССР» И. В. Сталин разработал ясную программу дальнейшего развития колхозного строя в период перехода от социализма к коммунизму.

Победа колхозного строя есть победа ленинизма, воплощение в жизнь бессмертных ленинских идей.

В статье «О кооперации» В. И. Ленин указывал: «Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы, все-таки, теперь стоим.

Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной...»

Такая культурная революция в нашей стране свершилась. Канула в прошлое культурная отсталость России. Советский Союз — это страна самой высокой, передовой культуры, страна сплошной грамотности, страна, где невиданное развитие получили литература и искусство, где выросла многомиллионная армия новой, советской интеллигенции.

Овладев культурным наследием прошлого, народные массы нашей страны создали культуру нового мира, национальную по форме, социалистическую по содержанию. Буржуазная культура, особенно растленная американская «культура», чужда народу. Она — прислужница эксплуататорских классов, она затуманивает сознание трудящихся, отвлекает их от гнетущей действительности капиталистического мира. Советская культура всецело служит народу, помогает ему решать грандиозные задачи строительства коммунистического общества. И сама она составная и неотъемлемая часть этого строительства. На наших глазах сбывается гениальное предвидение Ленина, что «...социализм таит в себе гигантские силы и что человечество перешло теперь к новой, несущей необыкновенно блестящие возможности стадии развития».

Эти силы развернулись, растут, множатся.

Вглядитесь в нашу сегодняшнюю жизнь! Как прекрасный сад, цветет наша Родина, страна побеждающего коммунизма! Она шествует все к новым и новым победам. Она располагает всем, что необходимо для построения полного коммунизма.

Еще не так давно Советский Союз был единственной страной, освободившейся от оков капитализма.

Трудящиеся всего мира, восхищаясь отвагой и успехами Коммунистической партии Советского Союза, присвоили ей звание «Ударной бригады» мирового революционного и рабочего движения. Этим они выразили надежду, что успехи нашей страны облегчат положение народам, томящимся под гнетом капитализма.

Указывая пути строительства социализма, Ленин говорил: «А дорога наша — верная, ибо это — дорога, к которой рано или поздно неминуемо придут и остальные страны».

Сбылись пророческие слова великого вождя трудящихся. Ныне по опыту Советского Союза успешно строит социализм целый ряд стран, вырванных из империалистического мира.

В исторической речи на XIX съезде партии товарищ Сталин отметил, что наша Коммунистическая партия с честью выполнила роль «Ударной бригады».

Мудрый продолжатель великого дела Ленина И. В. Сталин, развивая и двигая дальше ленинизм, обогащает сокровищницу творческого марксизма новыми гениальными трудами, вооружает трудящихся знанием законов борьбы за освобождение новых и новых миллионов людей от ненавистных оков капиталистического рабства, вооружает советский народ, трудящихся стран народной демократии знанием законов коммунистического строительства.

Великий преобразователь мира В. И. Ленин исключительную роль отводил революционной партии, ее деятельности. В. И. Ленин и И. В. Сталин создали, закалили в боях за освобождение нашей страны от цепей капитализма такую партию — героическую партию коммунистов, ум, честь и совесть нашей эпохи.

Ленин учил партию постоянно укреплять свои связи с народом, вовлекать в дело социалистического строительства самые широкие слои населения, добиваясь того, чтобы Коммунистическая партия стала подлинным вождем народа, не отрывалась от него, а все более и более сближалась с ним, поднимая его к революционному сознанию и революционной борьбе.

Терпеливо и настойчиво В. И. Ленин разъяснял, что партия — это боевой авангард народа.

Коммунистическая партия Советского Союза, верная учению Ленина, руководимая своим гениальным вождем И. В. Сталиным, никогда ни на минуту не ослабляла своих связей с народом, не отрывалась от него. Она сильна своей неразрывной связью с народом, она сильна его безграничным доверием, его любовью и преданностью.

Сила нашей партии состоит в том, что она вооружена знанием законов общественного развития и во всей своей деятельности руководствуется революционной теорией марксизма-ленинизма. XIX съезд, гениальный сталинский труд «Экономические проблемы социализма в СССР» вооружили партию величественной программой работ по строительству коммунизма. Решения съезда, Устав КПСС, принятый им, еще выше подняли звание члена партии, еще более сплотили ее вокруг сталинского Центрального Комитета, вокруг товарища Сталина.

И в самом сердце народа неугасимо горят бессмертные слова Сталина:

«Помните, любите, изучайте Ильича, нашего учителя, нашего вождя.

Боритесь и побеждайте врагов, внутренних и внешних,— по Ильичу.

Стройте новую жизнь, новый быт, новую культуру,— по Ильичу.

Никогда не отказывайтесь от малого в работе, ибо из малого строится великое,— в этом один из важных заветов Ильича».

Вся жизнь и деятельность нашего народа, его героическая борьба озарены светочем ленинизма.

Под знаменем бессмертного Ленина, под мудрым водительством великого Сталина Коммунистическая партия уверенно ведет советский народ вперед, к победе коммунизма.

Вл. ЛЕБЕДЕВ

С Выборгской стороны

Всеволод **ВОЕВОДИН**

С Георгием Александровичем Бугровым мы разговорились впервые у него дома, на Выборгской стороне. Хозяин сидел за столом без пиджака, по-домашнему, и цветными карандашами раскрашивал чертежик, как оказалось, план плодового сада. Красные кружки означали вишневые саженцы, цепочка зеленых вдоль синей прямой — кусты смородины, высаженные по ограде. В большой, привычной к тяжелой работе руке пожилого рабочего дочкины карандашики выглядели очень хрупкими.

Сбивчивой поначалу была наша беседа. То она касалась работы Георгия Александровича над новой гидротурбиной, то этого вот плодового сада, точнее, двухсот маленьких садиков, разбитых на пригородном пустыре товарищами Бугрова по заводу. Турбины неслыханных мощностей и культивация вишни, воспитание молодых кадров, ремесленников, приходящих на стажировку к Георгию Александровичу в цех, и уход за пчелами (несколько желтых квадратиков на плане означали ульи)...

Георгий Александрович Бугров и сын его Борис в цехе.
Фото Р. Мазелева

Мигал свет в окне: это ветер, пронзительный, шквалистый ветер со взморья, раскачивал фонари на Тимофеевской улице. Такие вечера настраивают на воспоминания, и вот без малого на целое столетие вспять обернулась наша беседа. Та же Выборгская сторона открывалась мысленному взору, но угрюмая, мрачная... Окраина старого Петербурга.

Год 1865-й...

В 1865 году от нищеты, от мужицкой нужды пришел в Петербург бывший крепостной неизвестно каких господ, бог весть какой губернии — Иван Бугров, плотник по ремеслу.

На другом конце Тимофеевской улицы, там, где она упирается прямо в Неву, уже дымил незадолго до того построенный Санкт-Петербургский металлический завод. Делали тогда на этом заводе всякую всячину. Крупным, например, считался такой заказ: изготовление металлических конструкций для куполов собора Спаса-на-Крови. Иван Бугров стал на заводе модельщиком.

Он был хороший мастер и выносливый на работе человек. И хотя не шибко ладил с начальством (кое-какие воспоминания об этом сохранились), но свыкся с заводской жизнью и прижился на Выборгской стороне.

В 1883 году модельщик Бугров привел на завод своего сына Александра обучаться токарному мастерству.

Прошли годы. Токарь из Александра Бугрова вышел превосходный.

Семейный уже человек, он поселился на этой же, Тимофеевской улице, в самом ее конце, минутах в двадцати от завода пешим ходом. Есть старая фотография: на фоне озера редчайшей красоты сидит сам Александр Иванович Бугров, с усами, с бородкой, очень благообразный, в черном пиджачке. По левую руку от него супруга, Евгения Александровна, а за спиной у них стали в ряд старшие — две дочери и два сына; у ног же расположился самый младший мальчуган. В действительной жизни, разумеется, никакого лебединого озера не было и в помине. Окна тесной квартирки выходили на бесконечные огороды — собственность оптовиков-овощеторговцев. С января сугробы подваливали к окнам. Жители по утрам шли на работу и валенками протаптывали вдоль улицы снежную целину, а с марта люди месили рыжую навозную грязь на перекрестке, где рядом с баней и казенкой был двор для извозопромышленников.

Размеренно текла жизнь — день за днем, год за годом и внешне одинаковая: что у отца, то и у сына.

Но нет, жизнь сына вовсе не была похожа на отцовскую. Нет, тысячу раз нет! Старый модельщик Иван Бугров, пришедший в город из деревни, ничего не видел перед собой. Сын его рос и мужал в дружной рабочей семье, сроднился с заводом. Подобно миллионам своих товарищей по труду, токарь Бугров, коренной питерский мастеровой, по-иному чувствовал свою силу и по-иному видел мир.

В жизнь рабочих тогда уже вошел Ленин.

Скажем точно: в ту пору токарь Бугров, представитель второго поколения петербургских мастеровых Бугровых, не принадлежал к числу тех, кого Владимир Ильич называл «народными героями», к числу тех, «...которые встали во главе вооруженной массовой борьбы против царского самодержавия, когда кризис наступил, когда революция разразилась, когда миллионы и миллионы пришли в движение». Но он был в числе миллионов простых тружеников России, которые по ленинскому призыву вступили на путь организованной революционной борьбы.

Зрелые годы отцов — это детство их сыновей. Георгий Бугров, мальчик Гошка,— третье поколение Бугровых, тоже родившихся и выросших на Выборгской стороне, все на той же Тимофеевской улице.

Георгий Александрович вспоминает:

— Под вечер соседка по квартире прибежала: «Полиция! Ходят с обысками. Один квартирант уже взят!». Матери дома не было. Отец только что вернулся с работы. Он сразу шапку в охапку, схватил какой-то пакет и — в дверь. Только и успел шепнуть: «Я — на огороды, отсижусь там пока что». А на огородах сараи, канавы, сторожки и сторожа — свой народ. Потом, когда суматоха улеглась, вернулся домой, а мать в страхе к нему: «Господи, где ж ты был? Тут все вверх дном перевернули в квартире». А он хохочет: «В огороде водку пил, пьяный в бочку залез». Веселый был человек!

Он прятал и распространял литературу, собирал деньги для выброшенных за ворота «по черным спискам». С обысками к ним приходили не раз.

Пятиклассное училище некоего Лебедева, где дети учились, помещалось как раз рядом с заводом (теперь в этом доме партийный комитет). Напротив него, через Тимофеевскую, двор с железными воротами. Как-то раз дают с завода знать: дескать, ребята, мы нынче на демонстрацию идем, а там, во дворе, наверное, будет засада.

В самом деле, двор тайно занял отряд конной полиции. А ребята, сыновья рабочих, улучили минуту, прихватили эти ворота болтами и укрепили гайками. Тут из проходной и повалила толпа: кончай работу! Конные к воротам, а ворота ни взад, ни вперед. Отец же с товарищами идут по Тимофеевской. Идут, поют... Смелый народ!

Кто придумал всю эту штуку? Кто научил ребят одурачить полицейских? Все он — отец, отчаянная голова.

Вся жизнь этой семьи была пронизана ожиданием революции. Дети токаря Бугрова часто слышали имя Ленин. В разговорах о лучшем будущем, о справедливой жизни, какая должна наступить, когда победит рабочий класс, всегда упоминалось это имя.

В февральские дни 1917 года ребята ходили вместе с отцом открывать царские тюрьмы, ходили за Литейный мост громить и жечь областной суд. Из дома убегали спозаранку, иногда возвращались увешанные оружием; потом приходил отец, тоже вооруженный, отбирал у ребят наганы и винтовки и — чего уж греха таить!— крепко драл за уши за этакое «геройство». Но на другой или на третий день повторялось то же самое.

А потом были сумерки, синие, высокие, какие бывают только в Ленинграде ранней весной, когда желтый свет фонарей как бы нерастворим в незатухающем закатном небе. Этих сумерек 3 (16) апреля никогда не забыть. В цехах, в рабочих квартирах Выборгской стороны еще с утра началось волнение. Передава-

Вечером за самоваром.

ли друг другу: «Сегодня выборгским поездом приедет Ленин».

Никогда не забыть густую, черную в сумерках толпу, обступившую вокзал. Стояла тишина, в которой отчетливо был слышен рокот ворочавшегося перед входом в вокзал броневого автомобиля. По небу, все еще ясному, светящемуся синим светом, то вспыхивая, то угасая, полосами бродили сполохи: это гарнизон Петропавловской крепости включал и отключал прожектора, которые несколько часов спустя должны были осветить путь Ленина в штаб коммунистов на Петроградской стороне. А потом, ночью, послышался шум подходящего поезда, надвинулись на перрон два ослепительных фонаря, и вот на площадке вагона ребята увидели его. Пальто было распахнуто, он стоял с непокрытой головой и махал кепкой. Ленин! Какие-то важного вида люди в шубах, в офицерских шинелях и папахах тоже стояли на вокзале (позже Гошка Бугров узнал, что это были эсеры и меньшевики, члены Петросовета). Ленин не пошел к ним, не стал слушать их. Он легко шагнул с подножки поезда на перрон и направился туда, в толпу, к солдатам, к матросам, к токарю Бугрову, ожидавшему его вместе с товарищами. И тотчас его подхватили на руки. Мальчики видели, как, подхваченный десятками рук, он был поднят на башню броневика. Ветер раскидывал полы его пальто. Стремительным движением он выбросил одну руку вперед и заговорил. Натолкнувшись в толпе на отца, Гошка потянул его за рукав. Тот, не оборачиваясь, крепко взял сына за плечи и поставил впереди себя. Они слушали Ленина. Они слушали ту правду, которая на века вперед открывала будущее всего мира.

Вот таким, отлитым из бронзы, Ленин и теперь стоит на Выборгской стороне перед Финляндским вокзалом.

...И был другой день, зимний, хмурый. Трудно дышалось — такой был мороз. Или это горе, поразившее всю страну, теснило грудь каждому? На Выборгской стороне, на всех улицах города пылали костры, зажженные для того, чтобы люди, стекавшиеся с окраин к центру, к Марсову полю, могли обогреться на ходу, и черные дымы костров отвесно стояли в морозном безветрии и не таяли. Пламя и черные дымы костров и алые с черным траурные флаги! На невских набережных, на Марсовом поле неподвижно стояла многотысячная толпа. В этот час страна хоронила Ленина, прощалась с Лениным. Стояли без шапок. Над головами клубился чуть видимый на морозе туман — дыхание тысяч. Люди стояли на Марсовом поле, на набережных, на мостах через Неву, а мысль их была там — в Москве, у Кремлевских стен...

В этот час стояли на Марсовом поле, прощаясь с Лениным, токарь Бугров и рядом с ним его сын Георгий, уже не мальчик, а юноша, молодой рабочий-машиностроитель, член Коммунистического союза молодежи.

В эти дни токарь Бугров, пожилой уже человек, подобно десяткам тысяч таких же, как он, заводских тружеников, по ленинскому призыву вступил в партию, созданную Лениным.

Год назад он привел своего среднего сына на завод, как ровно сорок лет назад модельщик Иван Бугров привел его самого на тот же двор, в те же стены. Не история повторялась — продолжалась традиция. Теперь жизнь складывалась так, что молодой Георгий Бугров, подхваченный общим трудовым порывом, через несколько лет из слесаря-ученика стал бригадиром, слесарем высшей квалификации.

Он работал вместе с отцом над турбинами Волховстроя (готовил отдельные детали) — первенца в великом плане индустриализации родной страны. Участие в создании этих турбин радовало. Ведь это осуществлялись ленинские планы! Становилось реальностью то, что давно предвидел Ильич, о чем он давно мечтал.

Старый завод на Выборгской стороне уже не умещался в своих прежних пределах, тянулся вширь, ввысь. Росла вся страна, вступившая в эпоху великих сталинских пятилеток. Страна требовала мощных турбин отечественного производства. А где же их было конструировать, где делать? В цехах, построенных еще во времена модельщика Бугрова? Было решение правительства строить новый цех, но какие-то непонятные силы тормозили выполнение этого решения. Рабочие волновались и послали делегатов в Москву, к товарищу Серго. Поехали трое, в том числе и бригадир слесарей Бугров. Он подходил для такого дела. На заводе знали его страстную в труде натуру, его настойчивость, его смелость.

Из Москвы, разумеется, вернулись с победой. Орджоникидзе распорядился и насчет материалов и насчет средств. Тайные, еще не разоблаченные враги потерпели полное поражение. Простой рабочий паренек с Выборгской стороны, ходатай по государственным делам, и его товарищи оказались сильней бандитов, пробравшихся к руководству народным хозяйством. Рабочие люди помогли партии разоблачить врагов и смести их со своего пути.

Когда несколько лет спустя новый гидротурбинный цех поднялся из лесов во всем своем великолепии, старики (Александра Ивановича, токаря Бугрова, в ту пору уже не было в живых) ахали: три таких завода, каким был их прежний, могли бы поместиться на территории только одного нового цеха! А рядом уже стоял паротурбинный — почти такая же громадина. Все росло, все менялось на глазах, и прежде всего люди.

Что мог бы сказать о себе в те годы Георгий Бугров? ...На груди у него орден. Орден за строительство канала имени Москвы. Там, на канале, уже работали собранные им, под его началом могучие механизмы, дающие движение и свет. Он был там, своими глазами видел красоту и размах этого строительства, и сознание, что и он что-то сделал у себя в цехе для этой стройки, было счастьем.

Нет, он не стоял на месте в своем труде. Вместе со всеми он двигался к великим общенародным целям.

И вдруг... Об этой зиме 1941—1942 года не хочется вспоминать, но ее надо помнить. Надо помнить, как, измученные, без сна, они ремонтировали у себя в цехе тяжелые танки, как по тревоге скрывались в них же; осколки снарядов царапали броню, а они ругались: жалко было терять время. Надо помнить долгий путь по Тимофеевской через сугробы и развалины домов. И когда он уже сам воевал, получил письмо жены о том, что пятнадцатилетний Борис ушел во флот добровольцем.

Нет, в тот тихий вечер Георгий Александрович Бугров не хотел вспоминать эти суровые годы. Перед ним был план плодового сада, дочкиными цветными карандашами он обводил кружочки: крыжовника 26 кустов, яблонь 15, вишен 16... Он мысленным взглядом окидывал свою жизнь, жизнь своего отца, своего деда. Теперь он с увлечением рассказывал об этом садике тут, в получасе езды трамваем. Их двести человек — машиностроителей, с легкой руки его, старшего мастера Бугрова, сделавшихся садоводами. Последние годы он никуда не уезжал со своей Выборгской стороны: ни на дачу, ни в санаторий. Зачем? На участке беседка, речка рукой подать, а ягод... И ведь как у них дело поставлено! Над ними, машиностроителями-садоводами, шефствуют ВИР — Всесоюзный институт растениеводства,— Павловская опытная станция.

Он рассказывал о дружбе с учеными-растениеводами, а я смотрел на него и думал: как изменилась в поколениях жизнь, самый облик человека как изменился! Наступит завтрашнее утро, и вот час в час, минута в минуту пойдет по Тимофеевской к Неве старший мастер Бугров. Без малого тридцать лет шагает он тем же самым путем, которым пятьдесят лет шагал к заводу его отец, токарь Бугров, и на который дед его, модельщик Иван Бугров, вступил почти девяносто лет назад... Вот он только что рассказал о ребятах-ремесленниках, о том, как точно надо определить, кто к чему имеет способность, кого поставить на фрезерный, кого на токарный станок. Пусть каждый человек идет, куда влечет его призвание. К этому зовет и решение XIX съезда партии — о политехническом обучении. И вот он, мастер, отдает будущим мастерам весь свой опыт, весь свой талант.

Если бы этот разговор о жизни, широкой и щедрой, услышал его дед!

Так в этот вечер мы кратко проследили путь этой коренной рабочей семьи от «освобождения крестьян» до постройки турбин Цимлянской ГЭС. Мы встречались со старшим мастером Бугровым и у него в цехе. Георгий Александрович рассказывал мне о новой технологии, о сокращении производственных сроков обработки деталей турбин. На четырнадцатиметровой в диаметре планшайбе карусельного станка вращалась крышка будущей гидротурбины Горьковской ГЭС. Это будет механизм! То, что они делали для Цимлянской,— в конце концов пройденный в турбостроении этап. Худощавый, невысокий паренек, глаза которого скрывали защитные очки, обрабатывал электрическим аппаратом «нажимную втулку» турбины. Он даже не оглянулся на нас, когда мы проходили мимо. «Борис!» — окликнул его мастер. Парень выключил аппарат и снял очки. «Вот вам наше четвертое поколение»,— сказал Георгий Александрович. Это был его сын Борис.

Месяц назад он демобилизовался из флота и пришел в цех. Он думает учиться в техникуме, тут же на заводе, потом... Словом, впереди у него широкая дорога, как у всякого молодого советского рабочего. А он, Георгий Александрович, верный всю жизнь своему призванию слесаря, сам-то он не отстает? Нет,

он не отстанет. Он изучает экономику производства.

Жива традиция Бугровых!

Георгий Александрович смеется: дескать, вы все о поколениях! Вот вечером придем домой — пятое поколение закричит: «Деда! Папа!»

Пятому поколению Бугровых, сыну Бориса, полтора года.

Прощаясь, я спросил Георгия Александровича, как поживает его сад, на что, собственно, и не ждал ответа: зима ведь, все под снегом. А он ответил:

— Нет-нет, да и съездишь. Надо же проведать пчел! Постоишь, послушаешь, как они там жужжат, и — к дому.

И ничуть не странен был этот разговор о пчелах под скрежет металлорежущих, обдирающих и обтачивающих металл станков. Мастер Бугров говорил о природе, о том, какие у них есть на заводе натуралисты-знатоки, выборгские старожилы... И будто бы каждую осень как раз против набережной, близ их завода, на Неве, садится перелетная утиная стая, числом ровно одиннадцать. «Всегда одиннадцать?» «Будто бы так». Мы посмеялись. Вот и легенда о птицах на заводе тяжелого машиностроения!

Я поверил этой легенде. Поверил потому, что хорошо было под конец беседы о жизни мастера Бугрова представить себе рассвет над Невой и поднимающуюся с легкой утренней волны птичью стаю. Летят птицы отсюда на юг, вглубь необъятных просторов Родины. Проследить их полет — и все разом открывается взору: славный завод над Невой, и сердце Родины, разум ее, воля ее — Москва, порт пяти морей, и огни плотин на канале имени Ленина, и огни новостроек на Волге. При этой мысли жизнь семьи Бугровых как бы зрима не только во времени — от крепостного деда до маленького Бугрова, будущего гражданина коммунистического общества,— но зрима и в пространстве, в жизни всего народа, всей страны.

Тридцать пять лет назад Георгий Бугров, тогда еще подросток, видел Ленина, слышал его голос. Но разве все, что он рассказывал про себя, про отца, про сына своего, все, что говорил он о Выборгской стороне — нищей окраине царского Петербурга,— о строительстве новых гигантских механизмов, которые дадут стране, народу новые сотни и сотни тысяч киловатт электроэнергии, о ягодных кустах, высаженных его руками, о новых мастерах-машиностроителях, воспитанных им,— разве это все не продолжение в веках великой ленинской жизни? Миллионы таких тружеников, каким был токарь Александр Бугров, шли за Лениным, за его партией. И миллионы и миллионы таких тружеников, как Георгий Бугров, старший мастер завода имени Сталина, как сын его Борис, рабочий этого же завода, живут, выполняя великую программу Коммунистической партии.

От завода я пошел по Выборгской пешком. День был пасмурный, подтаивало, как часто бывает в начале зимы в Ленинграде.

Выборгская сторона!

Вот он стоит здесь, против Финляндского вокзала, на башне броневика,— Ленин, отлитый из бронзы. Стоит с непокрытой головой, в распахнутом пальто, простирая руку вперед, как бы в грядущее — в грядущее, которое стало нашим днем, и еще дальше, в те светлые дали, куда ведет нас гений Сталина.

Г. А. Бугров на сборочном участке гидротурбинного цеха со своими учениками: П. П. Двойнишниковым, В. А. Ненастьевым, Н. В. Власовым и В. В. Водянниковым.

ИЗ ЦИКЛА „ВЕЛИКИЕ ДАТЫ"

Мих. МАТУСОВСКИЙ

Встреча

Были ясными закаты и студеными рассветы.
На верхушках финских сосен рдела зимняя заря.
Крепким утренним морозцем пахли свежие газеты.
Это было в Таммерфорсе в середине декабря.

Люди спать ложились рано, жгли дрова, топили печи,
Обметали снег с окошек, с лестниц скалывали лед
И не знали, что сегодня где-то здесь свершилась встреча
Тех, кто видел судьбы мира на столетия вперед.

Третьи сутки бастовали все железные дороги,
Был заклеен каждый угол манифестами царя,
Снег валил с утра до ночи на казармы и остроги.
Это было в Таммерфорсе в середине декабря.

Молодой, темноволосый, от стола поднялся Коба.
Ленин шел ему навстречу, устремив пытливый взгляд.
И, подав друг другу руки, так они стояли оба,
Словно встретились не нынче,— много лет тому назад.

И за ним увидел Ленин южных гор крутые выси,
Адреса секретных явок и подпольную печать,
Демонстрации в Батуми, выступления в Тбилиси —
Все, что будут поколенья в институтах изучать.

И за ним — снега Сибири, пересыльные метели,
Сумрак тайных типографий, тюрем тяжкие замки,
Споры с вечными врагами, годы дружбы с Кецховели,
Авлабарских подземелий вдохновенные листки.

Эта встреча в Таммерфорсе — нашей юности начало,
Время первых испытаний и раскаты первых гроз.
Кто поймет, какая буря в их сердцах тогда звучала!
— Ну так вот какой вы, Коба! — Ленин тихо произнес.

В те года во славу бури Горький складывает песню,
Покидает порт «Потемкин», гордо выбрав якоря.
В Курске прячут пулеметы, пахнет порохом на Пресне...
Это было в Таммерфорсе в середине декабря.

Словно молния сверкнула и просторы грозовые
Распахнулись перед ними на один какой-то миг!..
Так они стояли рядом, познакомившись впервые,
Так вот рядом на знаменах и сейчас рисуют их.

Агитатор

Здесь нефть из-под камня сочится, здесь вышки стоят вдалеке...
Ведет агитатор беседу в рабочем партийном кружке.
Плечист, как бакинские парни, и так, как они, смуглолож,
В рабочей брезентовой куртке, он с ними и обликом схож.
Ни пышною фразой, ни жестом — ничем не прикрашена речь,
Но каждое слово способно сердца за собою увлечь,
Но каждое слово прозрачно, как горные реки до дна.
Такой безыскусной и ясной бывает лишь мудрость одна.
Кончается время затишья, и век наступает иной.
Бушует Каспийское море густою мазутной волной.
И юноша речь продолжает. Слова его гневно звучат
С порывами южного ветра, с морскими раскатами в лад...

Склонился ли ты над конспектом, открыл ли ты ленинский том,
Мой друг, рядовой агитатор, ты помнить обязан о том,
Что с юношей этим из Гори вступаешь в прямое родство,
На скромном пути продолжая великое дело его.

ЭЛЕКТРОМАШИНЫ НА КОЛХОЗНЫХ ПОЛЯХ

Электропахота на полях колхоза имени Сталина, Зеленчукского района.

Интервью «Огонька»

Академик В. А. ЖЕЛИГОВСКИЙ

Мысль о применении электрической энергии в сельском хозяйстве, особенно на полях, всегда увлекала Владимира Ильича Ленина. В классическом произведении «Развитие капитализма в России», написанном в 1896—1899 годах, Ленин указывал: «Прогресс в употреблении плуга выдвинул даже вопрос о применении электричества».

Наша страна обязана Владимиру Ильичу появлением электрического плуга на пашне. 22 октября 1921 года В. И. Ленин и сопровождавший его Михаил Иванович Калинин увидели в действии электрический пахотный агрегат канатной тяги на пашне Бутырского хутора под Москвой.

Когда происходили испытания, я по счастливому случаю участвовал в них. Владимир Ильич с живым интересом наблюдал за работой плуга. Две лебедки с помощью тросов тянули плуг по полю. И, хотя конструктивные недостатки электрифицированного орудия бросались в глаза, Владимир Ильич искренне радовался каждой вспаханной борозде.

Важно было одно: дело начато и при всех трудностях будет доведено до решающего конца. Жизнь это подтвердила. Сейчас у нас появился электрический трактор, созданный на базе обычного теплового. Вместе с ним на поля вышел и электрический комбайн.

Советские электротракторы работают на колхозных полях уже три сезона. Теперь совершенно отчетливо можно определить их достоинства.

Прежде всего экономия жидкого топлива. Электротрактор получает энергию от гидростанции. Недаром колхозники, оценивая экономические преимущества электрического пахотного агрегата, образно говорят, что эта машина «пашет на воде»: она сберегает за сезон 20—25 тонн жидкого топлива и до 100 килограммов смазочного масла.

Электрический агрегат гораздо удобнее водить. Простое нажатие кнопки — машина пошла или остановилась.

Эти и некоторые другие преимущества очевидны. Тем не менее электрический трактор, а с ним заодно и электрический комбайн имеют общий существенный недостаток: их маневренность на поле скована кабелем, через который моторы получают питание от высоковольтной сети.

Однако наука в наше время дает все новые технические решения. Несомненно, будет создан транспортабельный аккумулятор для электротрактора или найден другой приемлемый способ подачи тока.

С быстротой поистине фантастической Советское государство насыщает все отрасли сельского хозяйства совершенной техникой. Лишь в послевоенные годы колхозы и совхозы получили 160 новых типов и марок машин различного назначения.

«Дело тут не только в технике вообще,— говорит товарищ Сталин,— а в том, что техника не может стоять на одном месте, она должна все время совершенствоваться, что старая техника должна выводиться из строя и заменяться новой, а новая — новейшей. Без этого немыслим поступательный ход нашего социалистического земледелия, немыслимы ни большие урожаи, ни изобилие сельскохозяйственных продуктов».

Новейшим этапом развития техники в сельском хозяйстве явилась электрификация. В этом деле Советский Союз опередил намного весь мир. Сравним! Наши колхозы и совхозы имеют гораздо больше электромоторов, чем американские фермы. Но сопоставление цифр не вскроет всей картины. Дело в том, что моторы, которыми пользуются фермеры, маломощны и предназначены преимущественно для мелких работ на усадьбе. Фермеру не по карману мощный мотор. Вообще применение электроэнергии в капиталистическом земледелии наталкивается на всяческие препятствия. Например, фермер платит за электроэнергию в два — три раза дороже, чем крупный промышленный потребитель. Чтобы включиться в сеть, фермер должен платить ренту за столбы, поставленные на чужой земле. Семьсот тысяч ферм, расположенных непосредственно вблизи линий электропередач, лишены электрической энергии: для их хозяев это непосильная роскошь. Не то что электрического трактора, даже электрической лампочки не имеют сотни тысяч американских фермеров.

У нас же огромные районы переходят к сплошной электрификации сельскохозяйственного производства. В недалеком будущем могучие гидростанции Волги, Дона, Днепра, Аму-Дарьи и других больших рек начнут давать электроэнергию колхозам и совхозам. Она приведет в действие исполинские насосы. Десятки миллиардов кубических метров воды, перехваченной у речных паводков, разольются по степям и пустыням, досыта напоят посевы и скот, сады и выращенные человеком леса.

В нынешнее время существуют МТС, которые владеют электрическими тракторами: Рыбновская под Рязанью, Корсунь-Шевченковская на Киевщине и Баженовская на Урале. Их будет все больше и больше. В директивах XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану говорится:

«Считать одной из важнейших задач внедрение электротракторов и сельскохозяйственных машин, работающих на базе использования электроэнергии, особенно в районах крупных гидроэлектростанций».

План осуществляется! Предстоящей весной на орошаемые Волго-Донским судоходным каналом земли Ростовской области выйдут электрические тракторы и комбайны. В Семи-

каракорском и Романовском районах строятся электромашинно-тракторные станции. Энергию им подаст Цимлянская ГЭС. Такие же ЭМТС в недалеком времени появятся на обширных пространствах нашей Родины — от Днепра на западе до Оби на востоке, от Камы на севере до Аму-Дарьи на юге.

Заодно с энергогигантами будет действовать множество межколхозных и колхозных электростанций, строительство которых развернулось сейчас в стране. Малые реки, торф, бурый уголь, ветер — все местные источники энергии используются с выгодой. Разве можно, например, сбрасывать со счета «голубой уголь», когда он почти нетронутый и практически неисчерпаемый источник механической и электрической энергии? По подсчетам академика А. Винтера, Советский Союз мог бы в степях, пустынях и тундре создать сеть ветроэлектростанций суммарной мощностью в 7—10 миллионов киловатт.

В нашей необъятной стране есть места, где ветер незаменим как источник энергии. Вот Кулундинская степь — 3 миллиона гектаров плодороднейшей каштановой почвы. Но здесь нет воды, и, казалось бы, неоткуда ее взять. Между тем геологи обнаружили, что в этих местах под землей течет, питаясь потоками талых вод Салаирского и Алтайского хребтов, могучая многоярусная река. Ее с избытком хватило бы для орошения миллионов гектаров. И выкачивать воду на поверхность для орошения Кулунды мы заставим ветроэлектрические станции.

Трудно перечислить все те области социалистического хозяйства, где уже нашло и найдет применение электричество. На практике доказана высокая эффективность использования электроэнергии во многих процессах. Электрификации поддается весь трудоемкий комплекс в полеводстве, вся работа в животноводстве, начиная от заготовки кормов и кончая хранением сливочного масла в холодильнике.

Применение электроэнергии в животноводстве дает поразительный экономический и технический эффект. Мы приведем лишь один факт. Простое дело — стрижка овец. Но стригаль, чтобы снять шерсть с овцы, должен сделать до тысячи сильных нажимов рукой на ножницы. Стрижка овцы вручную отнимает у мастера полчаса, а электрическая длится всего 3—5 минут. Легко и быстро! Кроме того электромашинка срезает шерсть ближе к коже животного, чем ручные ножницы. Это дополнительно увеличивает настриг шерсти с овцы на 150—300 граммов.

В 1951 году в колхозах остригли электромашинками 5 миллионов овец. В 1953 году будет острижено 35 миллионов. Благодаря электростижке потребитель получит добавочно 11—12 миллионов метров шерстяной ткани.

Можно назвать, по крайней мере, 200 способов использования электричества в сельском хозяйстве. В сущности, весь богатый опыт, который накопила промышленность в применении электричества, сейчас в обширных размерах воспринимает колхозное производство. Электроэнергия неизбежно несет с собою в сельское хозяйство и автоматику — реле, фотоэлементы, электронные аппараты. Образцом автоматизации назовем оригинальный советский инкубатор «Рекорд» для выведения цыплят. Полная его загрузка составляет 40 тысяч куриных яиц за 21 день. Автоматы поддерживают в инкубаторе постоянную температуру и влажность воздуха. Автоматы поворачивают инкубируемые яйца. Приборы четко контролируют весь технологический процесс. Электрическая «наседка» работает идеально: она дает 100-процентный вывод цыплят. Кстати вспомним, что знаменитый американский инкубатор «Петерсайм» дает не больше 60 процентов вывода.

В последние годы все шире распространяется способ орошения, близко напоминающий естественный дождь. Мы имеем в виду дождевальные машины, которые в обиходе колхозники называют «механическим дождем». Впервые идею «механического дождя» осуществил наш соотечественник Г. Аристов (1875 год). Советский дождевальный аппарат представляет собой огромный пульверизатор, который разбрызгивает воду в радиусе 50—60 метров. В сущности, этот способ искусственного орошения самый приемлемый для растений. Искусственный дождь увлажняет не только почву, но и воздух, от сухости которого растение страдает не меньше, чем от засухи почвенной. Вот почему «механический дождь» дает более высокие урожаи, чем самотечный полив по бороздам.

Колхозы, обеспеченные электроэнергией, могут применять новейшее техническое оборудование и в строительном деле. Ручную пилу и дрель, топор и рубанок плотника вытеснят электрифицированные станки и инструменты. Серьезного внимания заслуживает «механический плотник» — электрифицированный агрегат из четырех станков, созданный коллективом инженеров Выборгского завода. С помощью «механического плотника» два колхозника за день обрабатывают бревна для сруба жилого сельского дома.

Легко и быстро! Электростижка овец в Таджикистане. Машинки получают энергию от передвижной электростанции.

* * *

В 1920 году, когда нашу молодую республику терзали враги, когда страну душили голод и холод, Владимир Ильич Ленин заявил: «Электрификация переродит Россию». Так сказал Владимир Ильич в беседе с корреспондентом английской газеты «Дейли экспресс».

Прошло немногим более 32 лет — в масштабах истории очень короткое время. Под мудрым руководством товарища Сталина советский народ успешно осуществляет величественный замысел Ленина — электрификацию. Свершилось его предсказание: электрическая энергия перерождает Россию!

Каракумские пути-дороги...

Километр за километром проходят советские люди по безбрежной пустыне, исследуя каждую пядь земли вдоль трассы Главного Туркменского канала.

Верными друзьями и помощниками изыскателей являются шоферы. Преодолевая огромные трудности, они доставляют экспедициям все необходимое.

...На механической буровой, расположенной среди сыпучих барханных песков, произошла авария: из-за поломки детали остановился двигатель бурового агрегата. Погода выдалась нелетной, доставить самолетом запасную часть не удавалось. Как же выйти из положения?

В нелегкий путь из штаба экспедиции отправляется автомашина. Сначала она идет по укатанной песчаной дороге, но вот начались грозные барханы, поросшие у основания саксаулом. Надсадно гудит мотор, крупная дрожь потрясает кузов. Колеса машины уходят в песок и буксуют. Водитель спрыгивает на землю, подбрасывает под задние скаты длинное бревно; колеса быстро вращаются, от сильного трения дерево обугливается.

Наконец машина вырывается на бархан. Но впереди вырастает новый холм, потом еще и еще один. В одном месте автомобиль глубоко зарылся в пухляк — порошковидную солончаковую почву. Пришлось натаскать из песков целый воз саксаула, прежде чем машина освободилась и пошла дальше. Весь день продолжалась отважная борьба шофера с пустыней. Только поздним вечером он добрался до буровой. Зато сколько было радости!

Для водителей автомашин в Кара-Кумах нет теперь непроходимых участков. Они так изучили пустыню, что безошибочно добираются до любой точки каракумскими путями-дорогами.

В. БЕКЕТОВ

На снимке: машина в барханных песках.
Фото М. Салмина

Избиратели советского Заполярья

На стенах многоэтажного дома по проспекту Ленина в Мурманске красуются две новые вывески: «Областной институт усовершенствования учителей» и «Агитпункт».

Рассказывая избирателям о росте хозяйства и культуры советского Заполярья, агитаторы всегда обращают внимание на это знаменательное соседство. Просторные аудитории института, куда съезжаются педагоги со всего Кольского полуострова, и нарядное помещение агитпункта расположены в новом, недавно отстроенном доме. Новоселами чувствуют себя и избиратели, живущие в прилегающих домах по проспекту Ленина. Во время предыдущих выборов в местные Советы депутатов трудящихся на этом месте была огромная строительная площадка, а еще раньше, в первые годы после войны, пустыри и развалины — следы варварских бомбардировок Мурманска гитлеровской авиацией. Теперь в новых комфортабельных домах живут рабочие и специалисты рыбной промышленности, моряки, врачи, инженеры.

Приметы нового ощущаются в Мурманске повсюду. В городе образовано 30 новых избирательных округов по выборам в городской Совет.

Там, где городские улицы переходят в загородное шоссе, в низине меж сопок расположено Ледовое озеро. Здесь из года в год проводились зимние спортивные соревнования, а летом мурманчане собирали морошку. Теперь на берегах Ледового озера раскинулся большой рабочий поселок строителей. Люди, чьим трудом воздвигаются новые кварталы города, сами живут в благоустроенных домах, с водопроводом и электрическим освещением. Два новых избирательных округа по выборам в Микояновский райсовет созданы в поселке строителей.

Если отъехать от Мурманска два — три километра по направлению к городу Коле, обязательно бросятся в глаза правильные ряды двухэтажных зданий, тянущихся по обеим сторонам шоссе. Это поселок Нагорный, выросший за последние два года по соседству с крупным кирпичным заводом. В Нагорном создан новый округ по выборам в областной Совет депутатов трудящихся. В Ура-Губе, на берегу студеного Баренцова моря, несколько сот колхозников рыболовецкой артели «Энергия» будут впервые участвовать в выборах в местные Советы на Крайнем Севере.

Немало мурманчан встретят день 22 февраля вдали от берегов Родины. Наряду с командами траулеров, которые ловят треску, в этом году впервые идет зимний промысел сельди в водах Северной Атлантики. Десятки судов, оснащенных по последнему слову техники, пополнили рыболовный флот Мурмана за последние два года. На каждом судне создается свой избирательный участок. Суда, промышляющие в Атлантике, находятся вдали от берегов по нескольку месяцев. Два избирательных округа образованы на пловучей базе «Памяти Ильича» — большом океанском пароходе, недавно вышедшем из Мурманска. В составе окружных избирательных комиссий немало знатных моряков.

По инициативе экипажа передового траулера «Киров», которым командует депутат Верховного Совета РСФСР капитан П. И. Баев, началось соревнование за досрочное — ко дню выборов — выполнение двухмесячной программы добычи рыбы.

С. МОРОЗОВ

Далеко от берегов ведет промысел трески траулер «Капитан Демидов». Свободные от вахт моряки слушают предвыборную беседу помполита Д. Е. Скорнякова.

Фото Я. Рюмкина

Этот осушительный канал, проходящий по землям колхозов Петриковского района, Полесской области, сооружает бригада экскаваторщиков Альберта Лозовского.

Зима на Полесье

В селе Куритичи, куда со станции ведет автомобильная дорога, надо стать на лыжи и затем, взяв курс на северо-запад, пересечь просторные колхозные пашни. Тогда вы окажетесь в заснеженном сосновом бору. Еще несколько километров останутся позади, прежде чем сосны станут редеть и уступят наконец место ольховым зарослям. Лыжи то и дело натыкаются на кочки, скрытые в глубоком, рыхлом снегу. Теперь вы на болоте, в самом центре белорусского Полесья, на границе Копаткевичского и Петриковского районов, Полесской области.

Остановитесь и прислушайтесь... В морозном воздухе отчетливо звучит металлический стрекот. Провожатый, тронув вас за локоть, добродушно подмигнет и скажет:

— Вот вы и у цели. Слышите? Работает мелиорация!

Сквозь белесую сетку ветвей блеснула залитая солнцем полоска воды, небо перечеркнула стрела экскаватора, а вслед за тем показался и он сам. Синевато-черный, с красным флажком в окошке машиниста, экскаватор нес высоко над болотом ковш, полный торфяной жижи, взятой со дна безыменной болотной речушки, превращаемой теперь в магистральный осушительный канал.

Здесь работает бригада Домановичской машинно-экскаваторной станции. Бригадир Альберт Лозовский охотно рассказывает о назначении сооружаемого им канала. Предстоит осушить большие болотные массивы, принадлежащие трем колхозам. В одном из них, в колхозе «Большевик», уже освоены полторы тысячи гектаров земель, давших обильный урожай и зерновых, и картофеля, и кормовых корнеплодов. Полторы тысячи гектаров, отвоеванных у болот, увеличили доход артели на два с половиной миллиона рублей! В колхозе идет строительство новых жилых домов, общественных зданий. Накануне 1953 года дала ток собственная электростанция, заработал колхозный радиоузел.

Рассказывая об этом, Лозовский частенько взглядывает на свой экскаватор. Весь год проработала машина без поломок, грунта ею вынуто намного больше, чем задавалось планом, и зимовать она осталась на трассе нового канала, работая день и ночь...

И так на Полесье повсюду. Некогда мелиоративные работы считались сезонным делом, теперь они ведутся круглый год. На покорение болот двинута мощная техника.

На реке Ипа работают пловучие экскаваторы. Ипа, несколько лет назад превращенная в канал, должна будет принять в себя воды с осушаемых земель. Поэтому русло ее дополнительно расчищается.

По утрам, когда непроглядный туман еще скрывает и противоположный берег и даже понтон, на котором установлен экскаватор, к воде подходит девушка. Она садится в лодку и, управляя одним веслом, отваливает от берега. Это машинист экскаватора Лена Шинкаренко.

В этом году зима на Полесье необычно мягкая. Реки не спешат покрыться льдом, и мелиораторы торопятся сделать как можно больше. Бригада, в которой работает Лена Шинкаренко, занимает первое место в коллективе 6-го участка «Белорусской машинно-экскаваторной станции. На расчистке русла Ипы ею вынуто около полутораста тысяч кубометров грунта.

На реке Више, близ поселка Озаричи, трудятся плотники. Здесь сооружаются шлюзы, с помощью которых на осушаемых землях будет регулироваться уровень грунтовых вод. Такие же шлюзы строятся в Василевичском, Петриковском и других районах.

С наступлением лета на болота вновь выйдут мощные канавокопатели. Фронт работы для них подготавливается уже сейчас.

Геодезистов, гидрологов, почвоведов приветливо встречают в каждой деревушке. В помощники к ним вызывается всякий. В состав изыскательских групп почти всегда входят и проектировщики. На плотном ватмане планшетов уже обозначено много новых каналов, синеют контуры будущих водохранилищ.

«Провести работы по осушению болот в Белорусской ССР...» — требуют директивы XIX съезда партии.

Планы становятся действительностью. В республике свыше ста тысяч гектаров болот было осушено в минувшем году. Впереди еще больший размах работ.

А. ДИТЛОВ

Дневник **ОГОНЬКА**

Хорошеют города Закавказья

Центральная площадь имени В. И. Ленина в Ереване. Дом правительства Армянской ССР, спроектированный известным архитектором А. И. Таманяном. На противоположной стороне полукружья высится дом Управления армянской промысловой кооперации и треста «Арарат»; этот дом спроектирован С. А. Сафаряном. В южной части площади, по обе стороны от памятника Владимиру Ильичу,— Дом Совета профессиональных союзов и гостиница. В центре — выложенный из разноцветных кубиков гранита большой пестрый ковер.

Все это мы видим на проекте реконструкции центральной площади Еревана. Но если выйти из Дома архитекторов Армении, где выставлен проект, и пройти на настоящую, «живую» площадь, можно убедиться, как быстро осуществляется замысел зодчих. Дом правительства уже сооружен полностью; его достроил сын А. И. Таманяна архитектор Г. А. Таманян. Последние удары камнерезов завершают художественный орнамент на здании Управления армянской промысловой кооперации и треста «Арарат». Когда весь ансамбль завершится, площадь будет так хороша по своей общей композиции, по нежнейшим краскам строительного материала, что станет одной из лучших городских площадей в нашей стране.

В Доме архитекторов можно познакомиться с проектами многих сооружений Армении, Грузии, Азербайджана.

В залах, где выставлены работы грузинских архитекторов, отражено бурное строительство городов Сухуми, Рустави, Гори, Цхалтубо. Азербайджанцы показывают проект архитектурного комплекса зданий Академии наук в Баку (проект академика архитектуры М. А. Усейнова).

Строятся и хорошеют советские города Закавказья!

Н. МЕСХИ

Посетители выставки архитектурных достижений закавказских республик знакомятся с проектом центральной площади имени В. И. Ленина в Ереване.

Фото С. Коротнова

Они стоят у входа в аудиторию, в которой выступал В. И. Ленин...

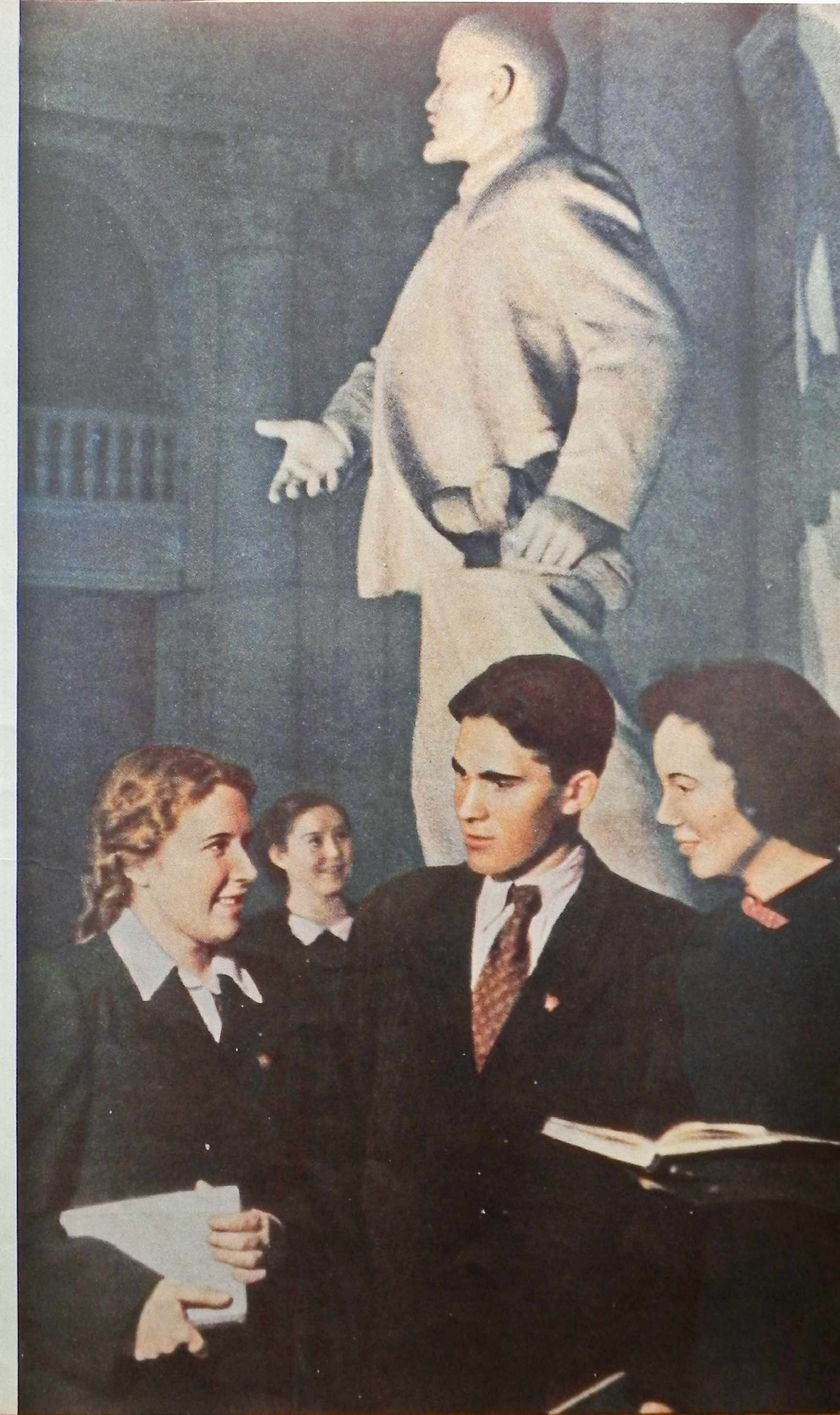
28 августа 1918 года Владимир Ильич обратился здесь с речью к участникам I Всероссийского съезда по просвещению. То была пора, когда молодая Красная Армия вела неравные и напряженнейшие бои с полчищами американских, англо-французских и японских интервентов, с внутренней контрреволюцией. В эти тяжкие для молодой Советской республики дни Владимир Ильич говорил учителям о том, что трудящиеся тянутся к знанию, ибо оно необходимо им для победоносного окончания той борьбы, которую они ведут. «Все, что сочувствует народу не на словах, а на деле, — убежденно говорил В. И. Ленин, — лучшая часть учительства, придет на помощь, — и в этом для нас верный залог того, что дело социализма победит».

Призывные слова вождя пролетарской революции прозвучали в аудитории одного из старейших в нашей стране педагогических высших учебных заведений. И сейчас эти ленинские слова зажигают сердца юношей и девушек, решивших посвятить жизнь трудному и благородному делу народного просвещения, воспитания молодого поколения строителей коммунизма.

...Через минуту прозвучит звонок, и студенты педагогического факультета Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина Лора Веселова (на снимке слева), Флюра Ахунова, Александр Чернов, Айсылу Исхакова и их товарищи займут места в аудитории. Учебный день в институте продолжается.

...Незаметно течет время в напряженной учебе, и придет момент, когда председатель государственной экзаменационной комиссии пожмет руки Лоре Веселовой, Флюре Ахуновой, Александру Чернову, Айсылу Исхаковой и поздравит их с окончанием института. Затем наступят для них радостные минуты, когда войдут они в классы и, приветствуя их, поднимутся из-за парт дети, вывести которых на широкий жизненный путь страна доверила молодым педагогам.

Много воспитанников Педагогического института имени В. И. Ленина работает в школах и педагогических училищах. Они свято хранят в памяти слова Владимира Ильича, сказанные в 1918 году учителям в аудитории, ставшей исторической, они высоко держат честь советского педагога.

В Педагогическом институте имени В. И. Ленина.

Фото М. Савина

Растет богатство колхоза имени Ленина в селе Калиновке, Николаевской области. Общественный доход достиг трех миллионов рублей в год. Личный доход членов артели удвоился по сравнению с прошлым годом. Колхозники заканчивают сооружение электрифицированного и полностью механизированного животноводческого городка. В центре села воздвигнут Дом сельскохозяйственной культуры. Колхозные хлеборобы, применяя высокую агротехнику, добились устойчивых урожаев зерновых: в этом году на всей площади колхозных полей выращен урожай в 25,4 центнера с гектара. В центре внимания сейчас подъем производства технических культур. Этой теме посвящено выступление в колхозной радиостудии передовых звеньевых по хлопку Нины Михайловны Шкуренко (у микрофона) и Надежды Федоровны Пазенко. Они обращаются к колхозникам с призывом повысить урожаи хлопка. На втором плане — радиотехник В. И. Матвеенко.

Фото С. Фридлянда

В Ленинградском Русском музее. Посетители музея у картины «Прорыв блокады».
Фото И. Фетисова

Через 10 лет в Петрокрепости

Десять лет назад, 18 января 1943 года, радио передало волнующее известие: войска Ленинградского и Волховского фронтов, прорвав долговременную полосу укреплений противника, соединились в районе Шлиссельбурга, прорвали блокаду Ленинграда и восстановили наземное сообщение между Ленинградом и страной.

Почти семнадцать месяцев Ленинград соединяли с «Большой землей» только небо и небольшая излучина Ладожского озера, по которой в зимние месяцы пролегала ледовая дорога, справедливо названная ленинградцами «дорогой жизни». И все же на протяжении всей блокады город-герой был тысячами нитей связан с великой Советской страной, поддерживавшей его и вдохновлявшей на самоотверженную борьбу. И ленинградцы, борясь, твердо знали: настанет день, когда по сталинскому плану будет разорвано кольцо, сжимающее город.

Так это и случилось. 18 января, смяв и отбросив врага, крепко обняли друг друга солдаты Ленинградского фронта, двигавшиеся с запада, и солдаты Волховского фронта, наступавшие с востока.

Встреча эта произошла близ старинной русской крепости Орешек, построенной еще новгородцами в 1323 году, а при Петре I названной Шлиссельбургом (ныне Петрокрепость).

Когда рядовой Василий Губанов водрузил над освобожденным Шлиссельбургом красное знамя, город представлял собою груду развалин; 85 процентов зданий было разрушено. Не было электричества, не работал водопровод. Не осталось ни одного неискалеченного дерева.

Но людей тянуло на родное пепелище, потому что нет лучшей земли, чем та, на которой вырос. В разрушенные цехи вернулся бывший в эвакуации Невский судоремонтный завод. Речная пристань Петрокрепости начинала свою работу буквально на голом месте.

Ныне, сойдя с борта пароходика «Арзамас», курсирующего по долго не замерзающей здесь Неве, вы прежде всего замечаете светлые корпуса новых домов. А пройдя по городу, убеждаетесь, что весь он новый.

На улицах, где десять лет назад проходила линия фронта, уютные домики окружены молодыми березками и тополями. Ожила совершенно уничтоженная Затонная улица. Здесь выделяется красивое здание с большими окнами и верандами — это детский сад Невского завода. Возродились улицы Александра Ульянова, Комсомольская, имени С. М. Кирова и другие. Выстроен речной вокзал. Над каналом высятся здания новых цехов Невского завода.

Петрокрепость все время строится. Накануне Нового года были сданы четыре жилых дома, и 85 семейств встретили 1953 год в новых квартирах. Только что сняли леса с трехэтажного здания школы ФЗО. Еще в лесах двухэтажная городская больница...

Город становится опять зеленым. На берегу Невы, напротив пристани, заложен большой сквер. Два широких бульвара пересекают город. Аллеи молодых саженцев протянулись вдоль Старо-Ладожского и Мало-Невского каналов.

М. РИТ

Испытания моделей кораблей

Испытание модели в бассейне Горьковского института инженеров водного транспорта.
Фото Н. Капелюша

В Горьковском институте инженеров водного транспорта открылся новый бассейн для испытания моделей кораблей. Он оснащен самой передовой техникой.

Вот нажата кнопка — и модель дизельэлектрохода устремляется вперед по водной глади бассейна. В несколько секунд модель преодолевает расстояние в 25 метров. Однако приборы уже успели зафиксировать все моменты испытания. На вращающийся барабан каждую четверть секунды наносились отметки. По расстоянию между соседними отметками в любой момент можно определить скорость движения миниатюрного корабля. Другим прибором с точностью до 1 грамма определяется сопротивление, испытываемое корпусом судна.

Исследования, проводимые в этом бассейне, будут использованы на заводах, строящих корабли для Большой Волги.

В. БАТАКОВ

Машины-гиганты

Наша страна теперь производит самые сложные агрегаты и машины-гиганты для металлургов, горняков, энергетиков, нефтяников, строителей. Блуминги, рельсо-балочные и трубопрокатные станы, металлургические краны грузоподъемностью до 350 тонн, высокопроизводительные установки для бурения нефтяных скважин, шагающие экскаваторы, мощные шахтные подъемники — не перечесть всего, что дают народному хозяйству коллективы заводов тяжелого машиностроения СССР. В 1953 году они внесут новый вклад в развитие социалистической индустрии.

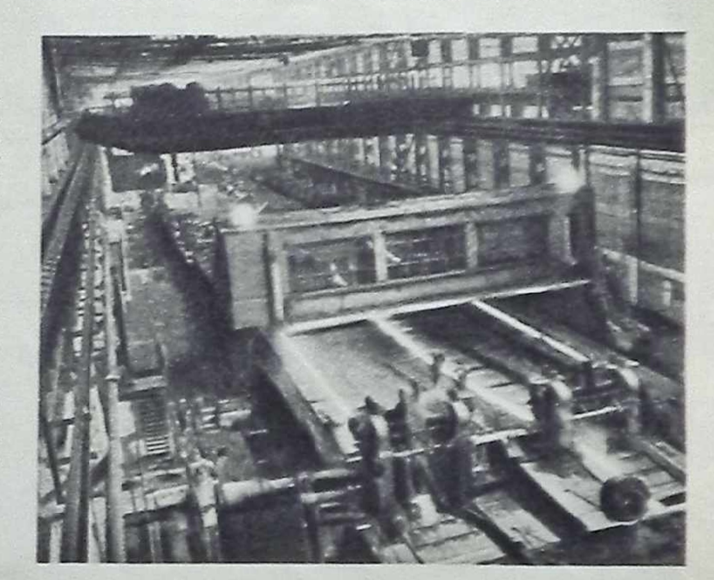
В беседе с корреспондентом «Огонька» заместитель министра тяжелого машиностроения СССР тов. В. Н. Яковлев сообщил:

— Выпуск продукции предприятий тяжелого машиностроения непрерывно увеличивается, совершенствуется конструкция агрегатов. Теперь заводы нашего министерства производят из года в год все больше продукции. Страна ежегодно получает металлургического оборудования, паровых турбин и котлов, дизелей и подъемных кранов в несколько раз больше, чем в 1940 году.

Новые машины вносят коренные изменения во многие отрасли промышленности, избавляя рабочих от тяжелого физического труда, способствуя улучшению производственных процессов и удешевлению стоимости изделий. Несколько лет тому назад предприятия нашего министерства изготовили рельсо-балочный стан, который получил высокую оценку металлургов. По мнению специалистов, это лучший стан в мире. По своей производительности он на десять — пятнадцать процентов превосходит подобные иностранные конструкции. Но сейчас создается еще более совершенный прокатный стан, который даст возможность изготовить балки тяжелого типа высотой в один метр. Новый стан — сложнейшее сооружение и состоит из уникального оборудования: специальных ножниц, прессов, дисковых пил и других машин. Агрегат приводится в движение моторами общей мощностью в тридцать тысяч киловатт. Прокатный стан будет обслуживаться двадцатью пятью электрическими мостовыми кранами грузоподъемностью от десяти до двухсот тонн.

Крупным достижением советского тяжелого машиностроения является освоение производства гигантских землеройных машин. Только на днях выпущен очередной шагающий экскаватор с емкостью ковша в четырнадцать кубических метров. От своего младшего брата, который действовал на строительстве Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина, он отличается повышенной производительностью. Длина его стрелы достигает семидесяти пяти метров — это намного улучшает эксплуатационные качества экскаватора. Землеройный гигант уже отправлен на стройку Южно-Украинского канала. Для его погрузки понадобилось свыше ста железнодорожных платформ.

Важно подчеркнуть, что каждая подобная машина не копирует прежние образцы. Советская техническая мысль всякий раз вносит в них существенные коррективы. Наши инженеры спроектировали, в частности, еще более мощный экскаватор, ковш которого вместит двадцать кубических метров грунта. В 1953 году предусмотрен выпуск опытного образца дизельэлектрического шагающего экскаватора с объемом ковша в четыре кубических метра. Он предназначается для работы в условиях пустыни на трассе Главного Туркменского канала.

Построенный группой заводов тяжелого машиностроения рельсо-балочный стан. Он установлен на одном из металлургических предприятий страны.

В новой пятилетке значительно возрастает производство гидротурбин. Мы должны выпустить в течение трех — четырех лет для Куйбышевской и Сталинградской ГЭС тридцать семь гидротурбин мощностью по сто двадцать шесть тысяч киловатт каждая. Проектирование этих уникальных машин завершается. Диаметр рабочего колеса турбины превысит девять метров. Общий вес всего агрегата достигнет тысячи шестисот тонн. Такие машины будут создаваться впервые в практике мирового гидротурбостроения.

Наша промышленность освоила выпуск серии подъемно-транспортных машин, которые применяются на стройках и крупных предприятиях. Выпуск таких машин за нынешнее пятилетие увеличится в два — три раза.

— Тяжелое машиностроение,— сказал в заключение тов. Яковлев,— быстро двигается вперед по пути технического прогресса, обеспечивая неуклонный рост индустрии Советской страны, строящей коммунизм.

ВСЕСОЮЗНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА 1952 ГОДА

А. П. Левитин, Ю. П. Тулин. СВЕЖИЙ НОМЕР ЦЕХОВОЙ ГАЗЕТЫ.

По установившейся традиции итоги работы советских художников за год были подведены на очередной Всесоюзной выставке. Семьсот с лишним произведений, вошедших в экспозицию, созданы представителями различных поколений нашего искусства. Особенно отрадны успехи молодых мастеров, представивших немало значительных полотен и скульптур. На выставке демонстрируются работы живописцев, графиков и скульпторов многих республик, краев и областей страны.

Выставка открылась 30 декабря 1952 года, в знаменательный день тридцатилетия Советского государства. Идеям дружбы и сотрудничества социалистических наций, возглавляемых Коммунистической партией и ее гениальным вождем, посвящены многие произведения, показанные на выставке.

«Наш мудрый вождь, учитель дорогой» — так называется монументальное полотно, выполненное Б. Иогансоном, Л. Танклевским и А. Хоменко, изображающее товарища Сталина в окружении представителей различных народов страны. Авторы стремились создать картину, которая звучала бы как торжественная здравица в честь великого вождя.

О ярчайших страницах летописи нашей революции напоминают произведения живописцев В. Серова, В. Подковырина, Д. Беляева «Выступление В. И. Ленина на Путиловском заводе 12 мая 1917 года», Н. Бабасюка «За власть Советов», В. Задорожного «Клятва» и скульпторов М. Манизера, Д. Епифанова, В. Риттера, Г. Гликмана «За власть Советов». Этой же теме посвящены композиции графика Е. Кибрика «Вся власть Советам» и «Зодчие коммунизма». Названные произведения рисуют напряженную, полную драматизма обстановку в момент осуществления великого переворота, повествуют о направляющей воле вождей революции Ленина и Сталина, об их духовной близости с народом.

В небольшом жанровом по своему характеру холсте Н. Осенева «Первое слово Советской власти» рассказано об октябрьских днях со своеобразной лирической интонацией, как о заре новой жизни, осветившей всю землю.

Молодой украинский художник В. Задорожный повествует в своем большом полотне об исторической клятве, данной товарищем Сталиным в траурные ленинские дни. Образ Сталина — вождя народов мира, зодчего коммунизма — запечатлен в работах скульпторов Н. Томского, А. Бриедис, в произведениях мозаики и графики. Истории революционной борьбы закавказского пролетариата посвящена картина Д. Налбандяна «Накануне Батумской демонстрации в 1902 году».

За последние годы общественность не раз отмечала отставание жанровой живописи, призывала художников глубже вдумываться в повседневность, шире и многообразнее отражать труд и быт простых советских людей. На Всесоюзной выставке 1952 года жанровые произведения представлены довольно широко. Наиболее примечательны в этом смысле трогательная, небольшая, будто выхваченная из жизни картина Ф. Решетникова «Опять двойка», полотно Б. Неменского, напоминающее о годах Отечественной войны, — «Медсестра Машенька». Привлекают внимание картина Ю. Подляского «Клевер убирают», скульптурная группа Н. Максимченко и С. Ковнера «На берегу Узбоя», отдельные листы графического цикла В. Цигаля «Люди колхоза». Остро и своеобразно построен сюжет в кар-

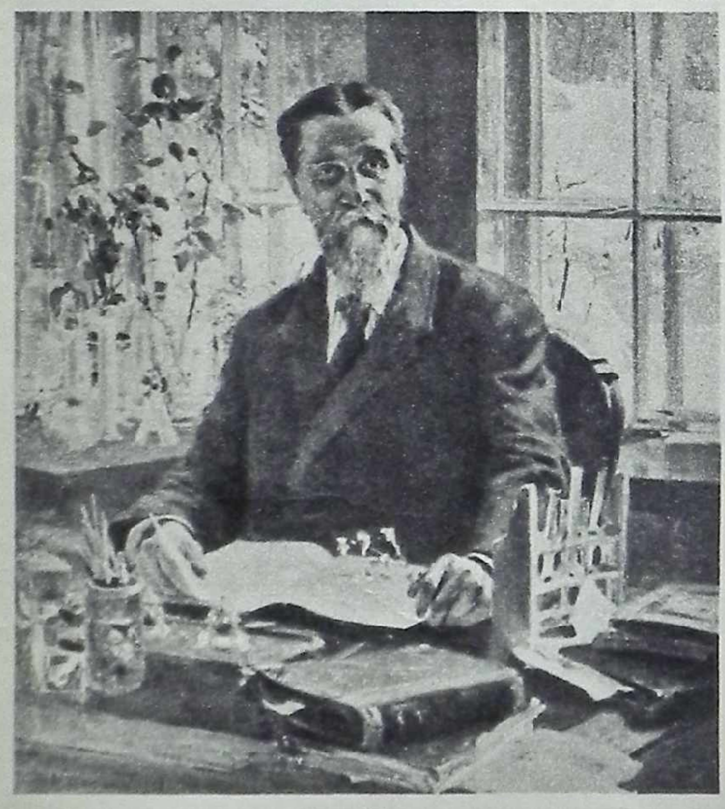
тине молодых ленинградцев А. Левитина и Ю. Тулина «Свежий номер цеховой газеты», дающей представление о жизни большого советского завода. О великих стройках коммунизма и других новостройках послевоенных сталинских пятилеток рассказывают в своих графических циклах В. Богаткин, А. Пащенко, В. Ветрогонский. Надо, однако, отметить, что в их работах техника заслоняет порой подлинного героя наших дней — человека труда. Отсутствие живых и красочных рассказов о людях строек коммунизма — общий недостаток выставки.

Есть в экспозиции полотна, посвященные жизни советской молодежи. Сердечность и теплота лирики есть в произведениях молодых художников В. Гаврилова «На рассвете. (Молодые изыскатели)» и С. Шильникова «Студенты». О нашем спорте, о гармоничном развитии духовных и физических сил советских людей рассказывают картины Т. Яблонской «На Днепре», Н. Веселовой, А. Пушнина, Е. Рубина «Штрафной назначен», Б. Федорова «После лыжного перехода», А. Гуревич и И. Юхно «На колхозном стадионе».

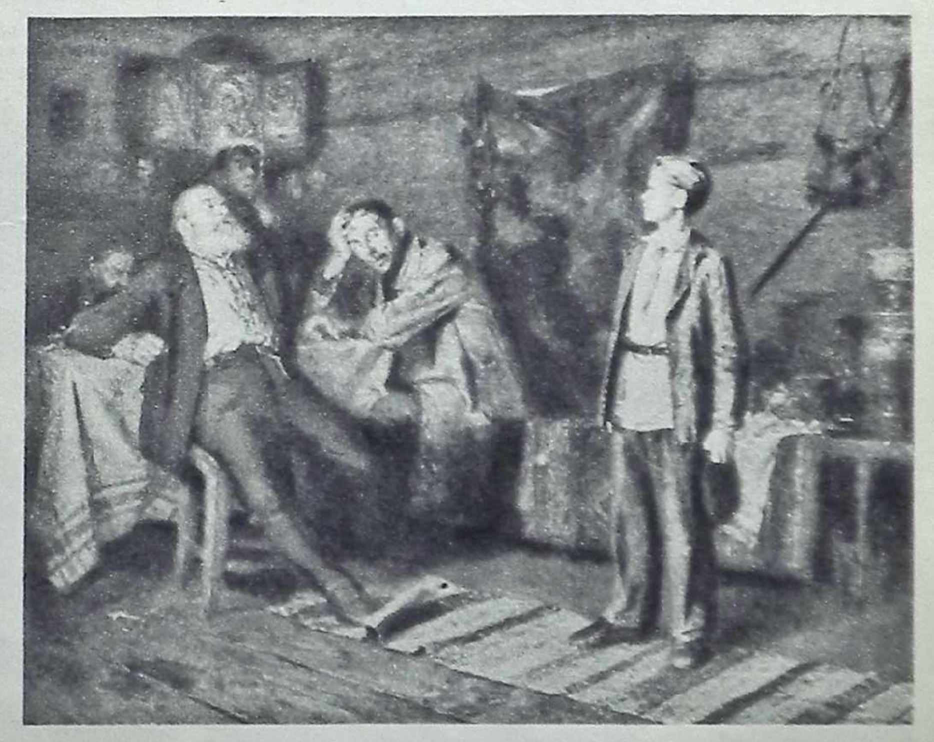
Интересны индустриальные пейзажи Н. Кузнецова, А. Бурака и

Л. И. Бродская. ВДАЛИ МОСКВА.

К. М. Максимов. ПОРТРЕТ К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

Н. Н. Чебаков. ПАВЛИК МОРОЗОВ.

А. М. Грицай. НАД ВОЛГОЙ.

Ф. П. Решетников. ОПЯТЬ ДВОЙКА.

некоторые работы Б. Ряузова. Немало на выставке и лирических пейзажей, тонко и проникновенно раскрывающих поэзию родной природы. Это работы старейшего советского пейзажиста В. Бакшеева «Какое приволье!», А. Грицая «Над Волгой», серия полотен С. Герасимова, работы Л. Бродской «Соловьиная ночь», «Вдали Москва», марина В. Пузырькова «Прибой» и другие вещи.

Среди произведений портретного жанра отметим содержательные, глубокие по характеристике работы: Д. Налбандяна «Мао Цзэ-дун», портреты советских людей, созданные А. Герасимовым, В. Орешниковым, Н. Мещаниновым, Б. Щербаковым, «К. А. Тимирязев» К. Максимова. Особое место на выставке занимают портреты известных борцов за мир Жоржи Амаду (автор — В. Иванов), Назыма Хикмета (С. Урановой), а также бюст Сун Цзин-лин, вылепленный И. Карачаковой. Бесспорен успех скульптора Н. Никогосяна: его фигура армянского философа и поэта Микаэла Налбандяна, бюсты академика Н. Д. Зелинского и актрисы Т. Макаровой принадлежат к лучшим в скульптурном разделе выставки.

В жанре героического портрета выступают скульпторы, воссоздавшие образы славных руководителей «Молодой гвардии» — Вани Земнухова (В. и Е. Ярош), Ульяны Громовой (В. Мухин, В. Агибалов, В. Федченко). Привлекают внимание скульптурные портреты: М. Е. Салтыкова-Щедрина (П. Мовчун), К. Э. Циолковского (Г. Гутман), писателя Б. А. Лавренева (Л. Кербель).

Б. В. Щербаков. ПОРТРЕТ НАРОДНОЙ АРТИСТКИ СССР Е. Н. ГОГОЛЕВОЙ.

Н. А. Пономарев НОВЫЙ МУНДИР

Несомненным вкладом в сложное и своеобразное искусство диорамы является большая работа мастеров Студии имени Грекова «Альпийский поход Суворова» (авторы — Ф. Усыпенко, А. Интезаров, П. Мальцев).

Советские художники-живописцы С. Чуйков и В. Ефанов, график В. Климашин, побывавшие в Индии, показали на выставке работы — плод индийских впечатлений и наблюдений. Обогащая наше представление о природе страны, ее городах, селениях, памятниках архитектуры, произведения советских художников в то же время с глубоким сочувствием рассказывают о тяжелой жизни и борьбе индийского народа.

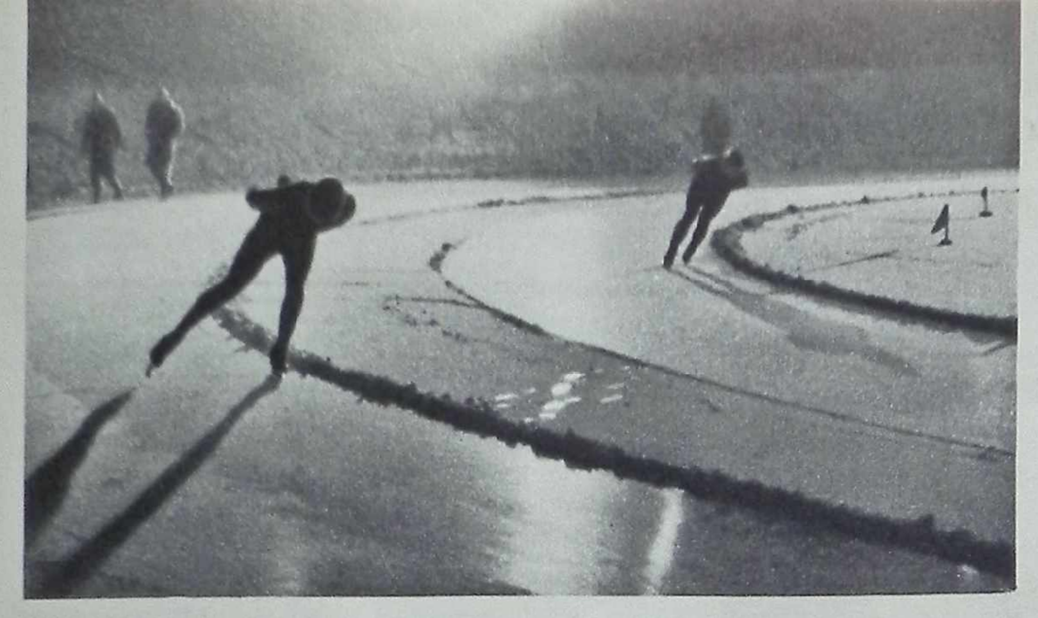
Жизни зарубежных народов, борьбе за мир посвящены многие графические циклы, среди которых выделяются серии «В Европе американцы» Б. Пророкова, «Там, где хозяйничают американцы» П. Пинкисевича, «Молодежь в борьбе за великое дело мира» К. Клементьевой и Т. Жирмунской.

Сюжетное многообразие экспозиции, стремление многих художников решать важные темы современности и истории — характерные черты Всесоюзной художественной выставки 1952 года. Надо думать, она будет обсуждаться зрителями живо, остро и всесторонне.

Ал. КАМЕНСКИЙ

П. Н. Пинкисевич. В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ. (Из серии «Там, где хозяйничают американцы»).

Состязания начинались вечером.

УБЕДИТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА

Встреча конькобежцев Швеции и СССР

В центре катка московского стадиона «Динамо» высятся два государственных флага — Советского Союза и Швеции.

На этом катке два дня продолжалась международная товарищеская встреча конькобежцев СССР и Швеции.

Состязания привлекли на стадион много зрителей. Впервые после семилетнего перерыва к нам приехали скороходы из-за рубежа. Но не только это вызвало такой большой интерес. У гостей давно утвердившаяся слава первоклассных мастеров ледяной дорожки. Это одна из лучших команд в мире. У них большой опыт международных встреч. Незадолго до приезда в Москву шведские спортсмены выступали в Норвегии, а вскоре они у себя на родине будут принимать зарубежных гостей.

Жеребьевка.

О. Гончаренко (слева) после победы в беге на 10 тысяч метров. Рядом — К. Асплунд.

У. Дальберг (Швеция) и В. Чайкин (СССР) после забега.

В составе команды, приехавшей в Москву, преимущественно молодежь. Лучший из них — Сигге Эриксон, чемпион Швеции. Тренирует команду известный конькобежец Гёте Хеглунд. Семь лет назад Хеглунд встречался с советским конькобежцем Константином Кудрявцевым на норвежском катке. Теперь же они снова встретились на ледяной дорожке, но уже не как участники, а как тренеры.

Команду Советского Союза возглавили два молодых спортсмена — конструктор Кировского завода ленинградец Борис Шилков и москвич Олег Гончаренко, воспитанник Харьковского пожарно-технического училища.

Их имена стали известны любителям конькобежного спорта совсем недавно.

Шилков выдвинулся в число сильнейших в прошлом году, а Гончаренко — двумя годами раньше. Теперь, когда встреча со шведами осталась позади, мне хотелось бы поделиться впечатлениями о том, как эти состязания прошли и какие результаты показаны.

Победили советские конькобежцы. Ни одному из шведских конькобежцев не удалось быть первым ни на одной из четырех дистанций.

В беге на 500 и 1500 метров преимущество наших скороходов было бесспорным. Для сравнения укажем, что лучший результат шведа Эриксона в беге на 500 метров равнялся 45,9 секунды, а советского спортсмена В. Чайкина — 44,3 секунды. Характерно, что у Эриксона выиграли все советские конькобежцы, за исключением Красильникова.

Тут следует оговориться, что лучшее время дня на дистанции 500 метров показал бежавший вне зачета Ю. Сергеев (43,2 секунды).

Та же картина повторилась в беге и на 1 500 метров. Четверо наших конькобежцев на семь с лишним очков опередили шведскую команду. А это значит, что каждый советский спортсмен выигрывал у шведского спортсмена около 50 метров!

Невиданного для московских катков результата в беге на 1 500 метров добился Шилков — 2 минуты 18,5 секунды.

Более уверенно гости чувствовали себя на длинных дистанциях. Эриксон вновь был сильнейшим из шведов и занял четвертое место на 5 тысяч метров и второе на 10 тысяч метров.

До последней пары на дистанции 10 тысяч метров результат Эриксона (17 минут 44,4 секунды), бежавшего в паре с Шилковым (17 минут 46,8 секунды), оставался лучшим.

И только Гончаренко, блестяще пробежав 25 кругов, отвоевал первое место. Его результат — 17 минут 29 секунд.

По сумме четырех дистанций первым стал Борис Шилков, вторым — Олег Гончаренко, третьим — Валентин Чайкин, четвертым — Сигге Эриксон.

Несколько слов о технике и тактике бега шведских конькобежцев.

Насколько длинные дистанции наши гости бегут хорошо, как технически, так и тактически, настолько несовершенна их техника при беге на 500 метров.

Видимо, шведы, часто встречавшиеся с знаменитым норвежским конькобежцем Ялмаром Андерсеном, увлекаются его умением бегать на длинные дистанции. Может быть, этим и объясняется их невнимание к коротким дистанциям.

Состязания прошли в дружественной атмосфере.

Мастер спорта
А. ПИСКАРЕВ

Фото Е. Умнова
и А. Бочинина

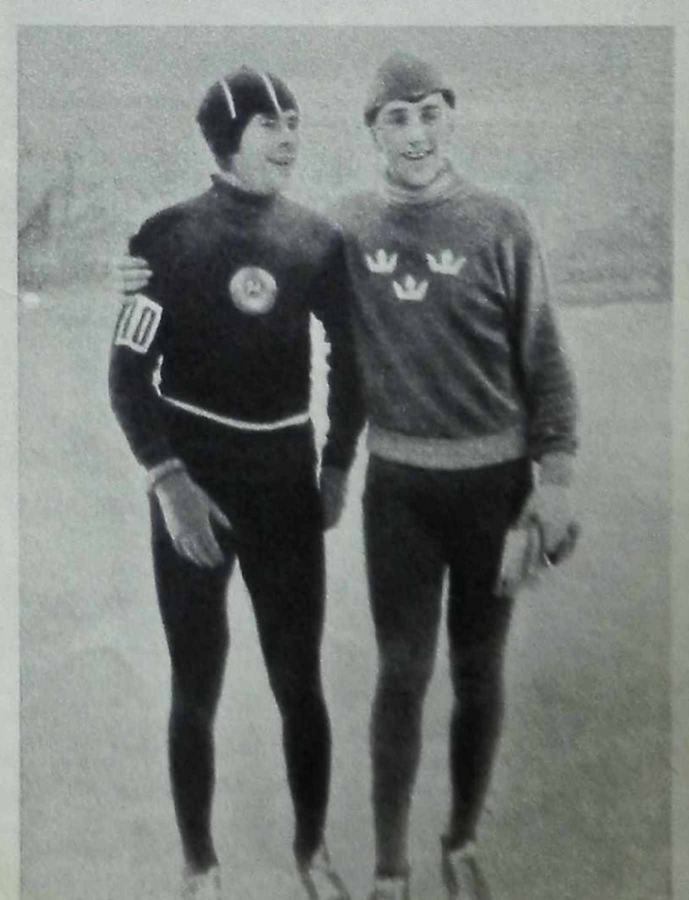

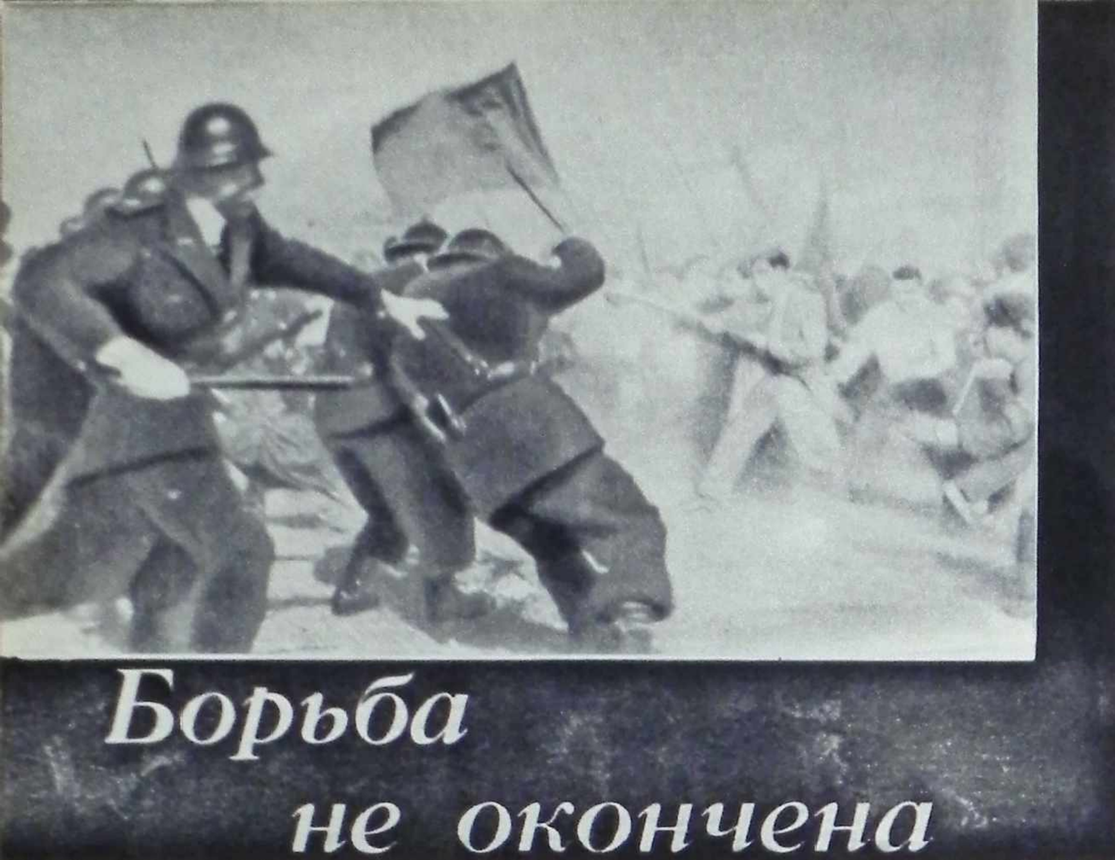
В раздевалке шведской команды.

Отдых...

Победитель соревнований Б. Шилков (слева) и С. Эриксон.

Борьба не окончена

В. АЛЕКСЕЕВ

Бастующие электрики выключают ток на токийской электростанции.

Низко над Токио пролетает двухместный самолет. Пилот одну за другой бросает в воздух пачки розовых прокламаций. Они, рассыпаясь, медленно опускаются на площади, мостовые города.

Это прокламации профсоюза шахтеров. В них говорится:

«Предприниматели отказываются удовлетворить наши требования. Они ссылаются на экономические трудности, которые переживает страна. Но эти трудности ложатся тяжелым бременем на простой народ. Мы, шахтеры, получаем в среднем двенадцать тысяч иен в месяц. Молодые рабочие получают от трех до пяти тысяч. Это только половина довоенной, тоже мизерной, заработной платы. Разве можно жить по-человечески на эти деньги? Разве не справедливы и не законны наши требования?

Предприниматели же, которые жалуются на экономические трудности, наживают огромные барыши. Например, компании Мицуи и Мицубиси только за шесть месяцев получили шесть миллиардов иен прибыли. В ответ на наши требования владельцы шахт заявили, что они отказываются повышать заработную плату и увеличивают нормы выработки. После этого нам остается одно: продолжать борьбу. Мы не сомневаемся в том, что японский народ отнесется с глубоким сочувствием к нашим требованиям и поддержит нас в эти трудные дни борьбы за наши жизненные права».

Этот документ — свидетельство упорства и настойчивости, с какими трудящиеся Японии и поныне продолжают борьбу за улучшение жизненных условий. Два с лишним месяца назад на отдельных угольных шахтах острова Хоккайдо вспыхнули разрозненные стачки. Через несколько дней они переросли во всеобщую забастовку рабочих угольной промышленности. Забастовка парализовала основные угольные районы Хоккайдо, Хонсю и Кюсю, где находятся главные угольные разработки страны. Около трехсот тысяч шахтеров потребовали от предпринимателей повысить заработную плату до минимального прожиточного уровня. Добыча угля в стране резко сократилась.

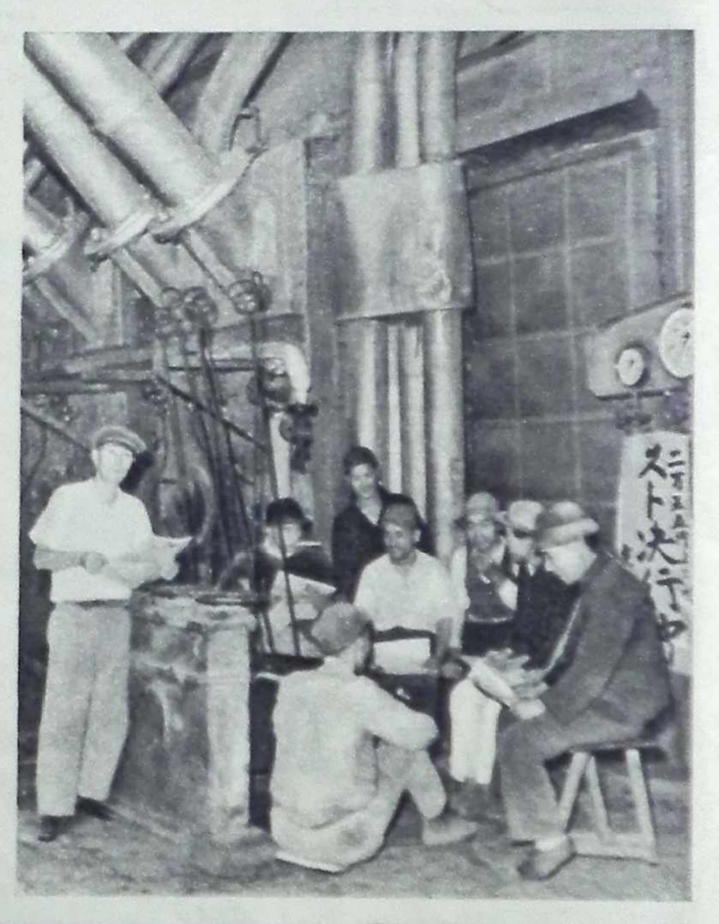
Вскоре к шахтерам присоединились рабочие гидро- и теплоэлектростанций. Систематически выключался ток на большинстве электростанций страны. Производство электроэнергии сократилось на сотни тысяч киловатт. Прекратилась подача электроэнергии на многие крупные заводы и фабрики.

Эта крупнейшая забастовка японских трудящихся явилась продолжением борьбы, которая началась еще весной и летом нынешнего года. Выступлению шахтеров и электриков предшествовала крупная стачка моряков торгового флота, когда во всех портах страны и в море остановились несколько сот крупных и мелких судов. Почти в то же самое время бастовали рабочие гаражей города Иокогама, обслуживающих американские оккупационные войска. Эта стачка закончилась кровавой схваткой с полицией, явившейся по приказу правительства усмирять рабочих.

Однако последняя забастовка шахтеров и электриков по своим масштабам, по организованности, упорству и бдительности японских рабочих превосходит все их выступления в защиту своих прав за минувшие годы. Эта забастовка не на шутку перепугала капиталистов и правительство. Печать сообщала, что кабинет министров разработал экстренные меры для того, чтобы заставить рабочих отказаться от борьбы. Были пущены в ход шайки фашистских молодчиков. Они пытались вытеснить с предприятий пикеты забастовщиков, с тем чтобы их место заняли штрейкбрехеры. На многих электростанциях и шахтах происходили упорные стычки с полицией и фашистскими бандами.

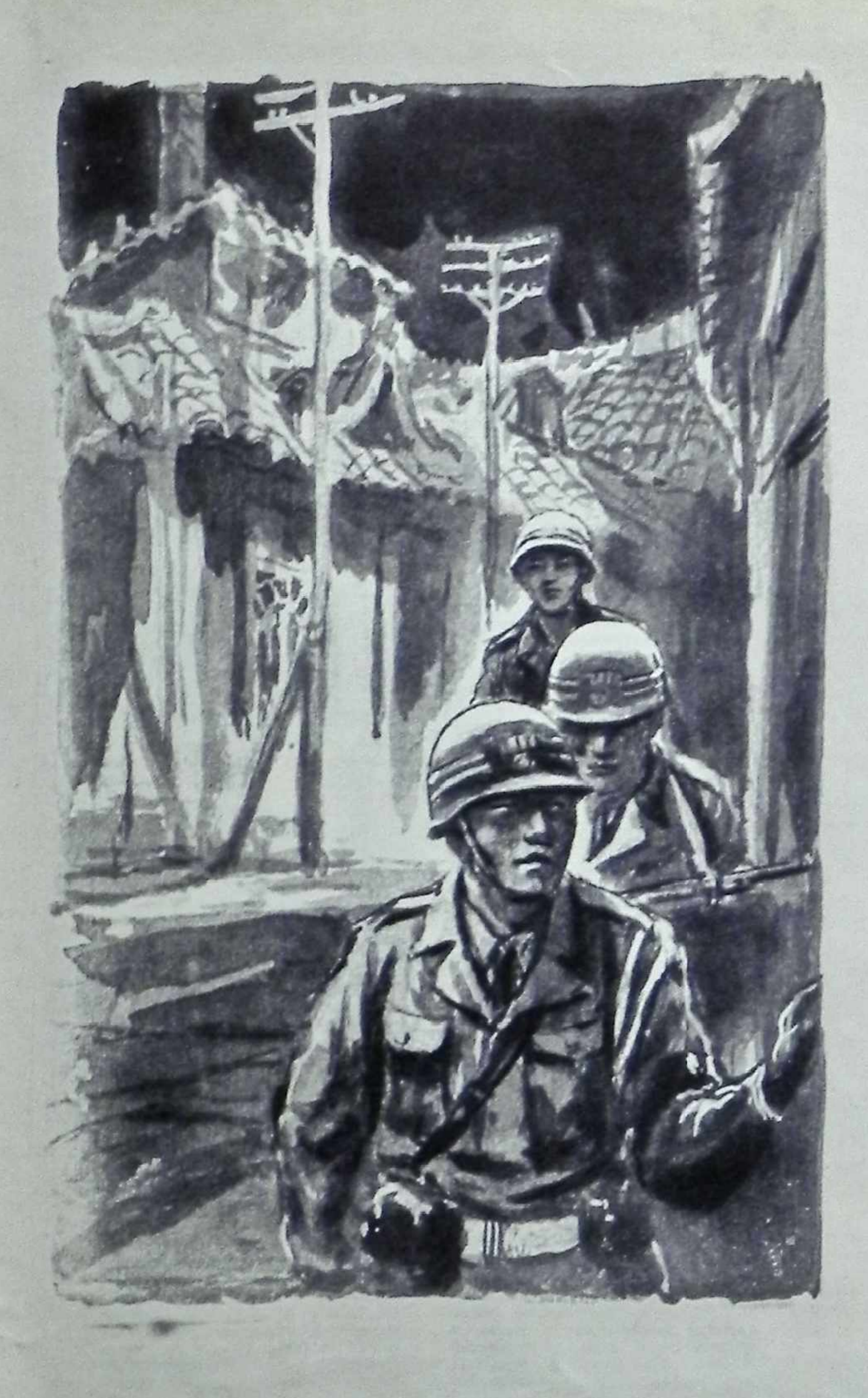
И хотя с помощью реакционных профсоюзных лидеров, принявших компромиссное предложение правительства, забастовка в конце декабря официально была прекращена, на многих шахтах рабочие не отказались продолжать борьбу. По примеру шахтеров и электриков в стачечное движение вступают новые отряды японских рабочих. Среди них десятки тысяч рабочих, обслуживающих базы оккупационных войск. Борьба продолжается.

Токио.

Пикет забастовщиков в котельной токийской электростанции.

← Митинг трудящихся Токио в поддержку требований бастующих рабочих.

ТРОЕ

Быль

Ирина **ВОЛК**

Рисунки В. Высоцкого

Каждый вечер они втроем выходили на темные городские улицы. В молчании шли они мимо разрушенных домов, и топот их тяжелых солдатских ботинок гулко отдавался в тишине замершего города, захваченного врагом.

Шедший впереди щелкал карманным фонариком, и желтый блик ложился на узкий листок бумаги.

— Здесь,— глухо говорил кто-нибудь из них, и все трое входили в дом.

Они уже привыкли к тому, что при их появлении в маленьких домиках воцарялась тишина, прерываемая только всхлипыванием женщин или криком испуганных детей. Они называли имя хозяина дома и показывали приказ об аресте. Потом они молча ждали, пока хозяин одевался. В тяжелые минуты, когда арестованный прощался с семьей, их лица оставались бесстрастными.

И снова один из них шел впереди. Только теперь за ним, понурив голову, следовал арестованный, а чуть позади шли двое остальных.

Так продолжалось ночь за ночью, месяц за месяцем. Они входили в дома, как страшные гости, и навсегда уводили людей в ночную темень. Выполнив свое дело, каждый из них возвращался к себе домой. В их семьях не знали, чем они занимаются. Правда, матери удивлялись тому, что их сыновья днем спят, а по вечерам уходят и возвращаются только под утро. Но так уж принято в корейских семьях: женщина не должна задавать докучных вопросов мужчине. И мать Со Мен Хына ничего не спрашивала. Она только тихонько вздыхала, когда сын возвращался домой бледный, с синяками под глазами.

Однажды она не удержалась. Это было тогда, когда он пришел одетый в новенький мундир, какой носят американские солдаты, хозяйничавшие сейчас в их родном городе. На ногах сына были тупорылые американские ботинки. А в руках — увесистый мешок с рисом и бутыль с жидкой соей.

В первую минуту она обрадовалась: риса давно уже нет в городе, а сою, без которой нельзя сварить обед, становится так трудно доставать. Но взгляд ее остановился на мундире и ботинках. Руки ее разжались, и она едва не уронила тяжелую стеклянную бутыль. Вот тогда старая мать и спросила шепотом:

— Ты поступил к ним на службу, к этим?..

Сын устало махнул рукой и отвернулся.

— Не спрашивай меня,— глухо ответил он.

Она стояла перед ним, опустив голову, такая маленькая и жалкая...

Был вечер, и сын, как всегда, ушел. А она с замирающим сердцем прислушивалась к стуку его новых американских ботинок.

Она верила сыну, верила, как каждая мать. Но почему-то ей не захотелось есть этот рассыпчатый белый рис. Не дотронулась она и до сои.

Из продуктов, принесенных неизвестно откуда, она варила ужин сыну. И, вернувшись под утро, он находил на столе заботливо завернутый в ватник котелок с теплым пабом и кимчу, заправленную соей.

— А ты, мама, ела? — спрашивал он.

И она, пряча лицо, чтобы сын не увидел ее глаз, которые не умели лгать, говорила поспешно:

— Я ужинала, я ведь не могу ждать тебя так долго...

Старая Ок мечтала о том дне, когда она будет нянчить внучат. Но она с горечью замечала, что между Со Мен Хыном и его невестой, ясноглазой, тоненькой О Ден Сук, что-то произошло. Эта девушка, которая раньше часто бывала в их доме, сейчас перестала показываться.

Однажды вечером, сразу же после того, как Со Мен Хын ушел, О Ден Сук проскользнула в дверь. Старая Ок засуетилась. Она занавесила окно тяжелыми циновками и зажгла крохотный свечной огарок, который хранила только для самых почетных гостей. Электрического света в корейских домах не было с тех пор, как город заняли оккупанты, а свечи продавались на базаре американскими солдатами втридорога.

Язычок свечи слабо освещал лицо девушки, но даже в полумраке можно было видеть, как опухли ее глаза, как дрожат яркие губы.

— Я пришла с плохой вестью, матушка Ок,— сказала О Ден Сук, и голос ее дрогнул.

Старая Ок, которая ставила на стол чашу с бережно хранимыми леденцами из виноградного сока, села на циновку рядом с гостьей и положила свою натруженную руку на маленькую руку О Ден Сук.

— Я слушаю тебя, дочка.

И тогда О Ден Сук почти выкрикнула:

— Вы знаете, где работает Со Мен Хын? Вы знаете, что он делает по ночам?

— Как я могу знать об этом, дочка? — сказала Ок очень тихо.

О Ден Сук в отчаянии заломила тонкие руки.

— Он забирает наших людей. Он ходит по домам и крадет у жен, у детей их счастье. Он забыл, что он кореец. Он стал американской собакой!

Ок почувствовала, что сердце ее останавливается.

— Дочка, ты не ошибаешься? — спросила она слабым голосом.

О Ден Сук покачала головой:

— Мама, я спросила его, где он работает. Он засмеялся и не сказал ничего. Но я сердцем чувствовала что-то недоброе. Тогда я стала следить. Я, как мышь, пряталась в подворотни, не дыша, скользила за ним, как тень. И вот вчера Со Мен Хын и двое его друзей пришли в дом Ли Дон Хва, старого рабочего, друга моего отца, и увели его в мрак, в ночь. Когда за ними захлопнулась дверь, я вбежала в дом, и жена Ли Дон Хва подтвердила мне, что это был Со Мен Хын...

Прошло несколько томительных минут. Потом Ок сказала, ласково касаясь черных кос О Ден Сук:

— Не надо плакать, дочка. Разве орлица плачет о змее, которая хотела укусить ее? У меня было три сына. Один погиб, защищая город, другой теперь у партизан, а третий...— Она сухо засмеялась: — Третьего сына у меня нет. Сегодня он еще жив, но завтра его не будет...

Она подошла к старым мешкам сложенным в углу комнаты, и долго копалась в них. Наконец, вытащила какой-то небольшой предмет, завернутый в тряпки, и положила на стол. О Ден Сук дрожащими пальцами развернула сверток и увидела две гранаты.

— Это оставил мне старший сын,— сказала Ок.— Он говорил на прощанье: «Мама, когда будет очень плохо, когда нашему дому будет грозить бесчестье,— брось это в лицо врагам и умри сама...» — Она помолчала.— В наш дом пришло бесчестье. И сейчас настало время бросить это в лицо врагу. Ты поможешь мне, дочка?

Все еще дрожа, О Ден Сук встала.

— Мама, вы хотите...

— Завтра ночью мы пойдем за ними,— твердо продолжала Ок,— мы выследим его. И тогда мы сделаем все, чтобы бесчестье ушло из нашего дома. Так, дочка?

На следующую ночь Со Мен Хын, как всегда, шел впереди. Он слышал, как позади его ступает арестованный, как стучат о камни тяжелые ботинки двух остальных. Время от времени кто-нибудь из троих говорил, грубо обращаясь к тому, четвертому:

— Скорее, скорее!

Со Мен Хын не подозревал, что по пятам, прячась в тени домов, едва дыша, следуют его мать и невеста.

Старое сердце Ок разрывалось. Она знала, что сопровождает сына в последний путь. Иногда она останавливалась, чтобы перевести дыхание, и чувствовала, как маленькая рука О Ден Сук нежно поддерживает ее.

Каждый окрик болезненно отзывался у нее в ушах. Эти трое торопятся. Торопятся убить человека, а потом придут домой и будут есть паб, который старая мать сварит из риса, полученного за то, что они предали свой народ.

Путь был очень долог. Они уже давно вышли из города, и дорога вилась между сопками. Наконец Со Мен Хын остановился и повернулся лицом к арестованному. Остановились и двое других, продолжая держать автоматы наизготовку.

О Ден Сук, прижавшаяся вместе с Ок к скале, принялась дрожащими руками отвязывать от пояса гранаты, которые дала ей старуха. Одну она протянула Ок, другую зажала в руке. О Ден Сук широко открытыми глазами смотрела на освещенное луной лицо Со Мен Хына.

Старая Ок тоже смотрела на сына. Граната казалась ей тяжелой, как мельничный жернов, и она чувствовала, что не сможет бросить ее.

— Ты сделаешь это за меня, дочка, я ведь даже не знаю, как с ней обращаться,— едва слышно проговорила она, но О Ден Сук поняла ее и крепче сжала железное яблоко.

Со Мен Хын шагнул вперед, вынул из кармана какой-то узелок и протянул его арестованному.

— Возьми. Здесь ты найдешь то, что пригодится тебе в пути,— сказал он спокойно.— Иди прямо по этой дорожке, пока не дойдешь до большой сосны, там три раза крикни по-совиному, и тебя встретят партизаны. Прощай, друг. Желаем удачи!

Старая Ок опустила руку, О Ден Сук, вцепившись в ее плечо, смотрела вперед, где трое в американских мундирах крепко обнимали оборванного человека, прощались с ним, как братья. Потом, дождавшись, когда он скрылся в ночной темноте, и вскинув на плечи автоматы, трое повернули назад, в город.

Тогда навстречу им из темноты вышли две женщины. Со Мен Хын узнал мать и невесту. Удивленный, он шагнул им навстречу и вдруг увидел гранаты в их руках. С первого взгляда он понял, что произошло.

— Они припасли нам хороший подарок,— сказал, смеясь, Со Мен Хын своим товарищам и осторожно взял из рук матери гранату.— Эта штучка пригодится нам...

Старая Ок, плача, припала к сыну. Он осторожно обнял ее худые плечи.

Ленинский домик в Ильичево

Широкой асфальтированной лентой вьется вдоль залива Приморское шоссе. Начинаясь у Кировских островов, оно то подходит к самому берегу, то снова удаляется в заснеженную гущу хвойного леса, где мелькают домики дачных поселков, здания санаториев, здравниц...

Остались позади Разлив, Сестрорецк, Солнечное, Репино, Комарово... Вот и Зеленогорск — центр Курортного района. Свернув на Верхне-Выборгское шоссе, мы направляемся вглубь Карельского перешейка. Мелькнул дорожный столбик с голубой стрелкой. На указателе надпись:

«Дом-музей В. И. Ленина».

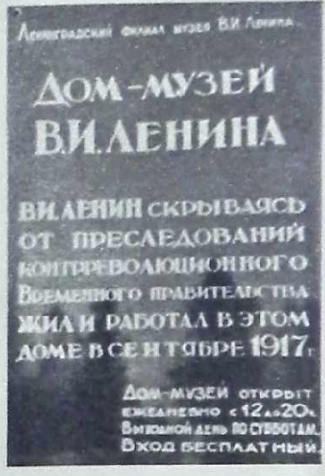
Отсюда начинается проселочная дорога. По этой некогда глухой лесной тропе в первые дни сентября (по новому стилю) 1917 года пробирался в финскую деревушку Ялкала Владимир Ильич Ленин.

То было время, когда партия скрывала своего вождя от преследований контрреволюционного Временного правительства. Жить осенью в шалаше из ветвей за озером Разлив становилось невозможно. Наступали холода, да и выдавать себя за косца по окончании сенокоса было опасно. Товарищ И. В. Сталин организует переезд Владимира Ильича в Финляндию. Ленин из Разлива переходит на станцию Удельная и оттуда нелегально переезжает через финляндскую границу на паровозе в качестве кочегара. Сойдя на станции Териоки — теперь Зеленогорск, — он ночью благополучно пришел в Ялкала.

...Пересекая холмы, автобус с экскурсантами направляется к широкой поляне, расположенной между озерами. На возвышенности, опоясанной деревьями, виднеется деревянный дом с палисадником. На фасаде мемориальная доска с надписью:

«Дом-музей В. И. Ленина
В. И. ЛЕНИН скрываясь от преследований контрреволюционного Временного правительства жил и работал в этом доме в сентябре 1917 г.».

Тогда, более тридцати пяти лет назад, маленький домик, ставший историческим, был отделен от Ялкала сплошной лесной полосой и стоял в малолюдном, глухом уголке. В этом надежном убежище В. И. Ленин жил по паспорту рабочего Сестрорецкого завода Константина Петровича Иванова. Комнатка его представляла собой пристройку к избушке

Мемориальная доска, укрепленная на фасаде Дома-музея.

с узенькими дверьми, низким потолком и двумя крохотными окнами.

В комнате восстановлена обстановка тех лет. Вот железная кровать, кушетка, круглый шахматный столик, простой домашний стол. За ним при свете керосиновой лампы Ленин продолжал в Ялкала работу над своей гениальной книгой «Государство и революция».

В двух других комнатах домика расположена экспозиция материалов Ленинградского филиала Музея В. И. Ленина. Она рассказывает о том, как величайшие гении человечества В. И. Ленин и И. В. Сталин после июльских событий 1917 года готовили партию, рабочий класс к решающему штурму капитализма.

Покинув Ялкала, побывав в Гельсингфорсе и в Выборге, 20 октября Владимир Ильич нелегально вернулся в Петроград.

В зимний воскресный день, когда мы посетили этот памятный уголок Карельского перешейка, мела пурга, всюду лежали высокие снежные сугробы. Но это не помешало станкостроителям Ленинградского завода имени Ильича приехать сюда, в поселок Ильичево, чтобы побывать в Ленинском домике.

Заведующий музеем С. А. Бахметов, десять лет назад воевавший в этих местах, рассказал нам, что в одном лишь 1952 году десятки тысяч людей со всех уголков страны побывали в Ильичево. Особенно людно в Ильичево в эти снежные январские дни.

К. ЧЕРЕВКОВ

Экскурсанты у входа в Дом-музей.
Фото Н. Фетисова

А. Ф. Бурак. ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕЙЗАЖ.

А. Ф. Бурак. НА УГОЛЬНОМ РАЗРЕЗЕ.

Н. Н. Жуков. ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН С ДЕТЬМИ

И. И. Жуков. А КТО ИЗ ВАС В КОШКИ-МЫШКИ УМЕЕТ ИГРАТЬ?

Из иллюстраций к книге А. Кононова «Елка в Сокольниках».

В. Е. Куракин. ОТЧЕТ ПИОНЕРВОЖАТОЙ НА ПЕДСОВЕТЕ.

ПАУТИНКА

Рассказ

С. ЗАЛЫГИН

Рисунки В. Высоцкого

Чем ближе к осени, тем чаще степь закутывается по ночам в туман, и на рассвете не сразу поймешь, какой приходит день — погожий или ненастный?

Вот и сейчас — уже совсем светло, четкий рисунок сигнальной металлической мачты виден на противоположном берегу, холмы, похожие на острова, возвышаются над туманом, а солнца все нет и нет, в небе ни одной краски, и чаша водохранилища кажется заполненной облаками тумана до самого дна.

Но из рубки своего катера Василий замечает, как самый высокий холм светлеет все больше, тонкая розовая полоска очерчивает его, словно затем, чтобы правильный контур холма не потерялся в бесцветном небе...

Теперь, если оглянуться на башни шлюза, наверно, заметишь на них первые солнечные лучи.

Молочно-белые колонны на башнях становятся розовыми, потом оранжевыми, потом окраска их меняется так быстро, словно вместо одних колонн то и дело возникают другие — синие, голубые, снова розовые...

Вот и солнце... Оно перевалило через холмы, поднялось на самую вершину мачты, и тогда теплый многоцветный воздух устремился из степи в водохранилище и разлился по его стеклянной поверхности. Облака тумана поднялись с воды и так быстро исчезли, что здание насосной станции, издали прозрачное и очень похожее на облако, казалось, тоже вот-вот растает...

Василий вышел из рубки, протер снаружи стекло от множества мелких капелек и, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Денек!

И как раз в этот момент кашлянул рупор и голос диспетчера грянул на всю ширину и чуть ли не на всю длину водохранилища:

— Старшина катера триста три! Немедленно явитесь к диспетчеру пристани! Повторяю: старшина катера... немедленно...

Можно было открыть дверь в здании пристани и крикнуть Василию, чтобы он шел. Но порядок есть порядок...

На канале все блестело, все было новым: новые берега, новая вода, пахнущее краской здание пристани, без единого чернильного пятнышка стол диспетчера и сам диспетчер Бурминов. Правда, Бурминову около шестидесяти, у него лохматые сизые брови и красный нос, но на его кителе нет складок, звездочки на погоне и сам погон, обращенный к окну, играют в желтых, а эмблема на фуражке — в красноватых лучах, преломившихся через стекло. Из-под стола довольно далеко вперед выставлены ноги Бурминова в черных форменных ботинках сорок пятого, а может быть, и большего размера, на них успели потускнеть только одни подошвы.

Здесь же, в диспетчерской, сидит старшина катера «Грозный» Олег Ершов. У этого блестят даже подошвы: он сидит у стены на большом диване, закинув одну ногу за другую.

Когда входит Василий, Олег прикасается к козырьку фуражки одним пальцем и еще сосредоточеннее затягивается папиросой.

Василий вздыхает. Он вздыхает всякий раз, как встречается с Олегом. Всем своим видом Олег почему-то напоминает ему об одной старой, невзрачной вещи. Эта старая вещь — единственный в своем роде на канале катер «303», серокоричневого цвета, с потрепанной кормой и сиплой сиреной. Катер в общем неплохой, но он как-то не гармонирует с белыми башнями шлюзов и с другими катерами, только недавно вышедшими из постройки.

Известно, что чем меньше суденышко, тем более громкое имя оно носит. Только катера с машинами в несколько десятков лошадиных сил присваивают себе такие названия, как «Грозный» и «Смелый». Моторные лодки, те идут еще дальше, среди них «Бури», «Штормы», «Бесстрашные» и «Непобедимые» — обычное явление. Конечно, ничего подобного нет среди солидных пароходов. Но и ходить под номером тоже неприятно. Неужели нельзя присвоить катеру название не очень большой реки или города средней руки? Скажем, Льгов? А чем плохи Хвалынск, Батайск, Буй; Можайск? У себя в рубке Василий повесил карту европейской части Союза. Сколько на ней прекрасных, звучных названий!

Олегу же попросту всегда и во всем везет. Когда они кончили курсы, Олег пошел к начальнику кадров и заявил о своем желании ходить на «Грозном». И он стал ходить на нем. Кто откажет стройному, веселому и в то же время такому серьезному парню?

Когда открывали канал, в нарядной свите катеров, сопровождавших флагмана, красовался и «Грозный». Мало того, если вы видели кинофильм, запечатлевший это необыкновенное событие, вы могли заметить «Грозного» дважды: один раз в кильватерной колонне, следующей за флагманом, другой — в том кадре, где показаны строители канала на прогулке: веселые, гордые, они мчатся на «Грозном», победно трепещет вымпел на флагштоке и флаг на гафеле катера, а в рубке за штурвалом можно рассмотреть Олега. Говорят, будто Олег разыскал адреса кинооператоров и написал им письма с просьбой прислать фотографии, на которых «Грозный» был бы виден на первом плане. Если Олег получит такие фотографии, он, конечно, повесит их в рубке.

Катеру «303» никогда не дождаться таких фотографий: во время торжеств он стоял. Но это вовсе не значит, что «303» — плохой катер. На нем машина с хорошо приработанными частями, надежная команда. Для таких ребят командиру всегда хочется сделать что-нибудь приятное...

Вот о чем размышляет Василий, пока Бурминов осторожно расставляет своими огромными руками маленькие пароходики по макету канала, на котором изображены водохранилища, шлюзы, пристани. Бурминов зажимает в кулак два катера — это «Грозный» и «303»,— поднимает голову и говорит:

— Вот что...— С этих слов, нажимая на «о», диспетчер начинает любой разговор.— Так вот что: вы дебаркадер видали? Позавчера привели, новый.

— Дебаркадер видно за десять километров! — пожимает плечами Олег.

— Отбуксировать в верхнее водохранилище! — тем же тоном приказывает Бурминов.— «Триста три»,— он кивнул Василию,— поведешь дебаркадер на двух тросах. «Грозный» — позади, и задним ходом, и тоже на двух тросах. Понятно? — Он выпустил из кулака маленькие модельки катеров и поставил их по обе стороны изящной коробочки, изображавшей дебаркадер.— Вот так! Если дебаркадер занесет в сторону, «Грозный» дает «стоп» или «вперед» и натягивает то левый, то правый трос...

— Через шлюз! — вскочил с дивана Олег.— Да разве такая махина...

— Пройдет! — кивнул Бурминов.— Выполняйте! Вот что.

Старшины вышли из диспетчерской, и Олег сказал:

— Не умеет старик разговаривать по форме! — Потом усмехнулся, посмотрел на Василия: — Зато к тебе он со всей симпатией!

Василий хотел предложить Олегу, чтобы тот пошел впереди и буксировал дебаркадер, а «303» пойдет позади... Но он только подумал так. Хотя вести дебаркадер через шлюз было страшно, Василий никогда не отказался бы от этого.

С первых дней работы на канале ему казалось, что все катера ходят по широким солнечным просторам водохранилищ и шлюзуются в красивых камерах с полным правом, а старенькому катеру «303» сделали одолжение, приписав его к этой пристани. И Василию хотелось сделать такой рейс, чтобы все — начальники шлюзов, матросы, команды других судов и особенно «Грозного» — поняли, что катер «303» вовсе не случайно на канале, что катер «303» и его команда вполне заслуженно записаны на доске показателей выполнения месячного плана...

— Ты забуксируешь,— сказал Василий Олегу,— и выходи на причал, договоримся, как тут действовать.

Олег вытянулся, козырнул:

— Слушаюсь, товарищ начальник! Разрешите идти? — повернулся и ушел.

Василий зажмурился. Страшно смотреть на дебаркадер, каким он сразу представился громадным, широченным... Все пароходы рядом с ним становятся меньше ростом. Он и построен-то вовсе не для того, чтобы шлюзоваться. В большую воду приведут такой к пристани, и стоит он на месте годами, разве что отведут его в затон на зимовку. Если бы стоял этот дебаркадер в низовье реки, и то заслонил бы собой половину русла. А главное — в жизни не приходилось маленьким катером буксировать такой воз, да еще через шлюз!

Ведь вот кто-то привел дебаркадер сюда? Значит, это можно сделать... Привел какой-нибудь седой капитан, вроде Бурминова... И что только будет, если Василий стукнет дебаркадер о стенку? Он будет тогда совсем мальчишкой в глазах Олега и всей команды «Грозного». Ему будет стыдно перед своей командой. Перед Бурминовым очень стыдно. Этот старик, который так неуклюже говорит, никогда не ходил на больших судах, но на маленьких он прошел расстояние большее, чем от Земли до Луны; он плавал по рекам, которые ни в одной лоции не числятся судоходными, и давно мог бы выйти на пенсию, но все ждал, когда построят канал, чтобы поработать на нем.

Между ним и Василием только и знакомства, что один отдает распоряжения, а другой выполняет их, а все-таки Олег прав, когда говорит о симпатии...

Придя на катер, Василий крикнул:

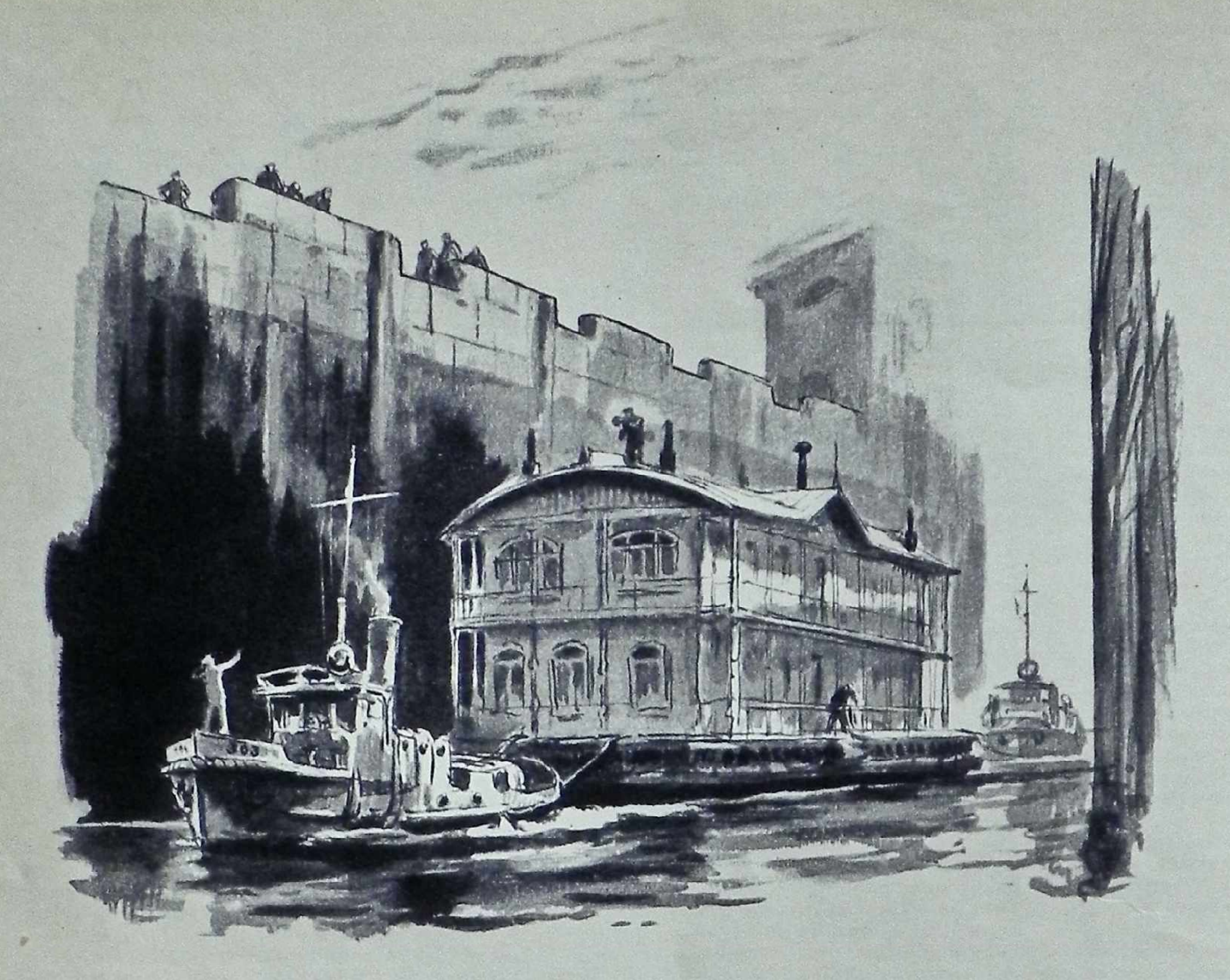
— Давай все наверх!

На нос вышли курчавый и всегда над чем-то посмеивающийся штурвальный Ситников и матрос Ленька. Матросом Ленька стал на прошлой неделе, после того, как ему выдали паспорт, а до этого он ходил юнгой.

Машинная команда была представлена пожилым мотористом Сычевым и его помощником Володей из прошлогоднего выпуска ФЗО речников, оба в синих, еще только слегка промасленных комбинезонах.

Василий принял такой вид, словно рейс предстоял самый обыкновенный:

— Значит, приказано отбуксировать дебаркадер в верхнее водохранилище. Мы букси-

руем, а «Грозный» идет позади, будет подправлять ход.

— Через шлюз! — вскрикнул Ленька. — Не пройдет!

— Пройдет! Вот что! — одернул его Василий и подумал, что сейчас Ситников засмеется над этой нечаянно вырвавшейся бурминовской поговоркой, а Сычев зевнет и скажет: «Начальство все... Все приказы...»

Но никто не произнес ни слова, а все смотрели на дебаркадер, стоящий в сотне метров от катера.

— А «Грозный», значит, позади? — спросил Ленька шепотом.

— Сказано русским языком! — ответил ему Сычев и пошел к машине.

— Слушай, Леонид! — приказал Василий. — Поедешь на крыше дебаркадера. Я буду сигналить тебе, а ты — передавать на «Грозный». Возьми рупор!

И только «303» приткнулся носом к дебаркадеру, как Ленька уже был на самом коньке его крыши.

Когда старшины снова встретились на берегу, Олег имел совсем беспечный вид. Он постучал по крышке портсигара с изображением корабля:

— Закурим! Ленинградский «Казбек».

Василий хотел условиться с Олегом, как им действовать при буксировке, но он и сам не знал, что им придется делать.

— Знаешь что, — предложил он, — пойдем на дебаркадер, посмотрим, как там. Наверно хорошо...

В камбузе дебаркадера жена шкипера жарила рыбу, а сам шкипер сидел наверху, в просторном зале ожидания, обставленном новенькой мебелью, и читал газету.

— Эх, ребята, — тяжело вздохнул шкипер, увидев вошедших, — я вам по совести говорю, ежели вы будете мой дебаркадер калечить, так сначала оглоушьте меня чем ни попало. Лишь бы не слышать мне и не видеть, как от него щепки полетят... Не могу, переживаю за всякую царапину. Да вы посмотрите на него — это же не дебаркадер, а цельный дворец! Мне его поручено доставить к месту в целости-сохранности и работать на нем, а разве я его веду?! Хватило бы силы, так сам бы взялся за трос и повел тихонько через шлюз, вот как осторожно... Аппетит даже пропал, есть ничего не хочется.

— Успокойся, папаша! — бодро заметил Василий. — Все будет в порядке. Ведь сюда-то вас кто-то привел?! Тоже через шлюз, да не через один.

— Сюда, сюда! — сердито передразнил шкипер, и даже рыженькие усики его зашевелились. — Да знаешь ли, кто меня привел сюда? Капитан Чумаков, вот кто! Если хочешь знать, он плоты водит длиной по километру, а уж шлюзовался-то и под Москвой, и на Беломоре, и везде, где только можно!

Василий ничего не ответил. Молча они ходили по тихим помещениям, и только шкипер все вздыхал и даже охал, жаловался на колики в груди.

В номерах гостиницы стояли узкие кровати, заправленные белоснежными простынями, в буфете на круглых столиках уже лежали скатерти. Через окно с балкона заглянули в детскую комнату и увидели там множество игрушек на полу, на полках. Кто-то посадил верхом на спинку кресла плюшевого мишку, он сидел с поднятой лапой и смотрел в окно. Земля в цветочных кадушках была полита, занавески на окнах отдернуты, все ждало пассажиров. Но пассажиров, если не считать шкипера, его жены и матроса, здесь еще никогда не было, и дебаркадер как будто томился в ожидании людей.

— Эх, ребята! — снова не выдержал шкипер и похлопал по тонким колоннам балкона. — Вот что вы в первую очередь покалечите! А резьба-то какая! Какая работа! Я вот сам балуюсь, столярничаю и на токарном могу, понимаю всю тонкость...

— Они не ударятся, — неожиданно заявил Ленька, свесив голову с крыши. — Я уже примерялся — привальный брус подальше выступает, он не даст колонны покалечить!

— Ты, пацан! — пригрозил шкипер. — Стащу вот тебя с крыши! Чего железо топтать? А ежели качнется дебаркадер, тогда что? Тоже не ударятся?

Олег не вмешивался в разговор, он вообще все время молчал, а Василий заторопился:

— Хватит! Пошли!

Когда караван приблизился к шлюзу, на воротах вспыхнул рубиновый свет: камера была занята. Пришлось ждать. Солнце стояло уже высоко, водохранилище все искрилось в его лучах. Было тихо, только чайки кричали в небе.

Кто-то положил руку на плечо Василия. Василий оглянулся: Сычев.

— Я тебе говорю, ты слушай! — шептал моторист. — Самое главное — тихий ход, только чтобы дебаркадер подавался. И не торопись, не рви, чтобы то тихий, то полный. Мне нетрудно в машине переключить, — ты запорешься. Возьми ход, который тебе по душе, и держи его! Управляй им!

В это время стали открываться ворота, и в камере показался «Валерий Чкалов» — пароход скорой московской линии. Когда пароход проходил мимо, он сбавил скорость, чтобы не раскачать караван. С мостика дружелюбно погудели и дали отмашку, на палубе сгрудились до всего любопытные пассажиры, и кто-то высокий в белой рубашке бежал по палубе с носа до самой кормы, то и дело останавливался и фотографировал катера с дебаркадером на буксире.

Пароход прошел, волна улеглась, и Василий скомандовал «вперед». Приближались к причальной стенке. Нужно было двигаться совсем рядом с ней, чтобы потом войти в ворота не под углом, а прямо.

Дебаркадер слегка заносило, и Василий уже видел, как он сейчас ударится кормой о стенку. Не сильно, но все-таки царапнет. В этот момент дебаркадер резко дернуло влево, и он отошел от стенки. Это сделал «Грозный». Василий скомандовал «стоп», выждал, когда дебаркадер снова стал параллельно стенке, и из этого положения дал «вперед».

И снова, когда между причальной стенкой и корпусом дебаркадера почти не было видно просвета, «Грозный» оторвал его. Так повторялось несколько раз. Василий управлял своим катером, а с заднего катера по-своему видели все то, что происходит с дебаркадером, и не давали поставить его рядом со стеной. Расстояние же до ворот все сокращалось. Тогда Василий крикнул:

— Стоп «Грозному»!

— Стоп «Грозному»! — завопил на крыше Ленька, а потом приставил ладонь к уху: с «Грозного» что-то отвечали ему. — Они говорят, — передал Ленька Василию спустя немного, — что выключат машину и пойдут у нас на буксире. Они спрашивают разрешения у вас, товарищ старшина! Разрешите им, товарищ старшина?

— Пускай выключат! Правильно! — ответил Василий.

— Правильно! — еще громче закричал Ленька, обернувшись к «Грозному». — Правильно! Выключайте, чорт подери, свою машину! Полундра! Старшина катера «303» приказывает вам идти на буксире!

Теперь все повторилось сначала: Василий выждал момент, пошел вперед. Дебаркадер качнулся и стал приближаться к стенке носом. Он царапнул, но совсем легко, вскользь и стал отходить. Так он шел, забирая то вправо, то влево, но с каждым разом качания его становились все слабее и слабее, как будто дебаркадер, поразмыслив, соглашался идти по прямой, которую прокладывал Василий.

Вот и распахнутые ворота шлюза и полутьма глубокой камеры. Высоко-высоко над головой стоят и смотрят вниз люди, им, конечно, любопытно, как это такая махина пройдет через шлюз. Там стоят рабочие, вахтеры, матросы, женщины в белых халатах. Может быть, эти женщины будут работать на дебаркадере: в буфете, в детской комнате... Ленька, сидя на крыше, ведет с ними переговоры.

— Мы катер «303»... — говорит он и стучит в грудь.

Василий стоит на носу своего катера, и ему кажется, что он громко кричит, подавая команду. На самом же деле он шепчет, никто не слышит, а командует он руками. Согнув руку в кисти, он шевелит ладонью, как будто манит кого-то, просит подойти.

В рубке у штурвала курчавый, растрепанный Ситников напряженно следит за самыми незаметными движениями руки Василия и медленно-медленно перекладывает руль.

Василий поднимает другую руку, и Володя — помощник моториста — тоже тянется вверх, даже встает на цыпочки. Василий резко опускает руку. «Стоп!» — кричит Володя. Василий показывает рукой. «Задний!» — командует Володя.

Левый трос повис. Чтобы натянуть его, приходится поставить катер почти поперек камеры. Василий предугадывает возможные движения дебаркадера. Вот сейчас его поведет в сторону до того места, где на сумрачной поверхности воды дрожит солнечный зайчик... Повело... Двигается совсем незаметно, но вот трепетное пятнышко вскакивает на привальный брус дебаркадера. Из этого положения можно дать еще «вперед».

Василию кажется, что он держит в своих руках нити тросов, он чувствует, как они натягиваются и как слабеют. Так он управляет, стоя на носу катера, и сверху очень походит на дирижера.

Вот и середина камеры. Летят вверх чалки. Слышно, как вода с шумом устремляется в камеру. Дебаркадер начинает подниматься. Поднимается и катер, но Василий этого не замечает. Он видит яркозеленую крышу дебаркадера, на которой с рупором в руках вертится Ленька. В окнах цветы, резьба балкона словно покрыта чем-то блестящим... Это не дебаркадер, а деревянный дворец стоит под охраной четырех белых башен шлюза.

Так же медленно караван выходит из камеры, и вдоль верхней причальной стенки он двигается со всей осторожностью. Только на просторе верхнего водохранилища Василий решается подать команду:

— Вперед полный!

— Полный! — размахивая руками, кричит Володя прямо в лицо Сычеву, высунувшемуся из люка.

— Полный! — вопит на своем посту Ленька.

Причалив к пристани, Василий выходит на берег. Выходит и Олег. Они снова отправляются на дебаркадер.

Жена шкипера изжарила рыбу и приглашает закусить, но Василий торопится на балкон. Оттуда он заглядывает в детскую комнату: верхом на спинке дивана, все в той же позе, с поднятой лапой, сидит плюшевый медведь и смотрят в окно. Об этом плюшевом мишке Василию хочется рассказать шкиперу, Леньке, Олегу, но вот Олега он стесняется:

— Подумает, что задаюсь... Может, он завидует?

Рейс закончился благополучно, можно бы посмеяться, пошутить, вспомнить, как все было, но Олег молчит. Обижен, что «Грозный» шел позади, да еще и на буксире... Об этом ли сейчас вспоминать? Вот он стоит, красавец-дебаркадер, и радует всех тем, что он цел, невредим. Но Олег молчит. А когда знаешь о человеке, что он веселый, общительный, но вот молчит и молчит, становится очень неудобно. Начинаешь думать, что, может быть, ты его обидел, что и в самом деле радоваться нечему или просто ты против этого человека ростом не вышел и он тебя не замечает.

Сейчас Бурминову, наверно, уже известно, что рейс закончен. Старый диспетчер взял в огромную свою ладонь коробочку, изображающую дебаркадер, поставил ее рядом с пристанью верхнего водохранилища и сказал вслух:

— Вот что! Все в порядке! — И приткнул эту коробочку к пристани верхнего водохранилища.

Теперь, пока Бурминов не пошевелит ее на своем макете, дебаркадеру стоять и стоять здесь. Он наполнится людьми, люди будут добиваться мест в гостинице, сдавать вещи в камеру хранения и беспокоиться о билетах, детишки станут трепать плюшевого медведя, и все это будет высказано в бурминовском: «Вот что! Все в порядке!»

Олег же все молчит.

Зато шкипер очень разговорчив; он недоволен, точнее, делает вид, что недоволен.

— Побил ты меня, катер «303», — вздыхает он. — Раза два так стукнул, думал, костей не соберу. Как скребнет меня, ровно за душу... Ну, ничего — постройка крепкая. Если бы не крепкая постройка, привезли бы кучу дров, уж это как пить дать. Вот капитан Чумаков...

Олег стоит, облокотившись на перила балкона, с таким видом, как будто он что-то внимательно рассматривает. Потом оборачивается, стучит пальцем по крышке портсигара с изображением корабля и угощает шкипера:

— Ленинградский «Казбек». Прошу!.. Не стоит благодарности! Так, значит, здорово вас долбили?

— Уж как здорово! — подхватывает шкипер. — Если бы не постройка...

— И балконом ударялись?

— И балконом тоже. Снаружи-то не видать особых царапин, а внутри дерево-то, наверно, треснуло — не железо ведь!

— И вот кровлей тоже? — показывает Олег вверх. — Кровля выступает даже за привальный брус, ее всю избили.

— Вот-вот! Железо тут особое поставлено, а то бы...

Сверху, с крыши, выглядывает и смеется Ленька. Олег делает ему какой-то знак, быстро тушит свою папиросу и притягивает к себе шкипера:

— А скажи, папаша, как это паутинка удержалась на том месте, которым дебаркадер о стенку бился? Натуральная паутинка!

— Какая? Эта? Ах, эта... — не теряется шкипер. — Ветром нанесло! Сколько теперь паутин летает!.. Вот сейчас и нанесло...

— А паучок под крышей сетку уже свил? А? Нет, ты подожди, подожди ее сметать! Время, папаша, надо за чистотой следить! Подойди-ка, Вася, полюбуйся!

Шкипер хочет уйти, но Олег крепко держит его одной рукой за плечи, другой он легко обнимает Василия; Ленька висит наверху, и они рассматривают паутинку: она тянется с крыши через балкон. Она тонка, почти невидима, но в ней играют все цвета радуги.

Деревья в степи

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ

Им люди ветки подвязали,
Потом поставили в вагон,—
И стал похож на рощу он,
Лишь птицы там не щебетали.

Примчался в степь товарный поезд,
Где тени жаждала земля.
И, о деревьях беспокоясь,
Туда звонили из Кремля.

И вот в степи, в открытом месте,
Дубок поднялся, как стрела,
И вопреки старинной песне
К нему рябина подошла.

Растут они под солнцем южным,
Как на родной земле своей.
И против их надежной дружбы
Бессилен злобный суховей.

Дорогая редакция!

В этом году мы оканчиваем среднюю школу и, мечтая о будущем, все чаще думаем, как воспитать в себе черты настоящего советского человека.

Обращаемся к вам с просьбой: расскажите на страницах «Огонька» о судьбах бывших воспитанников замечательного советского педагога и писателя Антона Семеновича Макаренко.

Мы знаем и любим его чудесные книги: «Педагогическую поэму», «Флаги на башнях», «Марш тридцатого года», «ФД-1»... Уверены, что колонисты-горьковцы и коммунары-дзержинцы стали хорошими людьми, достойными своего незабываемого учителя.

Комсомолки-десятиклассницы: Г. Скворцова, Т. Силантьева, Л. Дубинская, Д. Гаврилюк. Н. Величкина.

г. Куйбышев, средняя женская школа № 15, 10-й класс «Б».

СВЕТЛЫЕ ДОРОГИ

«Не можу без пацанов буты...»

Есть под Киевом станция Мотовиловка, а близ станции детский дом. Живут здесь сыновья и дочери воинов, погибших в Великую Отечественную войну. Если спросить в поселке фамилию директора детского дома, люди скажут: «Семен Афанасьевич Калабалин» — и добавят: «Карабанова помните?» И если вы тоже знаете и любите чудесные книги Антона Семеновича Макаренко, перед вами встанет один из первых воспитанников колонии имени Горького, горячий, шумный, неутомимый Семен Карабанов, тот самый Карабанов, который в конце «Педагогической поэмы» говорит: «Не можу без пацанов буты... Раз вы, Антон Семенович, в этом деле потрудились, так и мне можно!»

С тех пор прошло более двадцати лет. У Семена Афанасьевича теперь серебристые виски. Слову своему он остался верен: все эти годы отдал коммунистическому воспитанию детей. Ленинградский детский дом, Соколовский — в Винницкой области, Барыбинский — под Москвой... А потом война, Семен Афанасьевич ушел добровольцем в армию. Воевал в тылу врага. Когда майор Калабалин демобилизовался, перед ним не встало вопроса: что делать? Он вернулся к детям — воспитывал осиротевших ребят в Кутаиси и Сталинири. Потянуло поближе к родным местам — приехал на Украину, в Мотовиловку.

Здесь он и живет в квартире при детском доме с женой Галиной Константиновной, той самой черниговкой, «донельзя чернобровой и черноглазой», с которой познакомился еще на рабфаке. Плечом к плечу шла она вместе с ним все эти годы. Дети их учатся: Антон — в шестом классе (ребята зовут его, конечно, Антоном Семеновичем, в память о Макаренко), Галя — в восьмом, а Лена кончает в этом году исторический факультет Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина.

Семен Афанасьевич Калабалин со своими воспитанниками.

К Калабалиным приходит много писем. Толстые пачки их лежат в каждом ящике стола. «Дорогие мои, здравствуйте! — пишет Николай Фадеев, бывший воспитанник Барыбинского детского дома, а сейчас токарь по металлу.— Хочу поделиться с вами радостью: у меня сын! Черноволосый, черноглазый. Вес — 3,5 килограмма. Устраиваю праздник по случаю его рождения. Очень хочется, чтобы вы были с нами в этот день...»

Николай Ефремчук — он сам теперь воспитатель в сельском детском доме — рассказывает: «Применяю ваш опыт: учу ребят хорошо относиться к человеку, любить труд и знания. Желаю вам только счастья. Пишите мне: Днепропетровская область, Котовский район, село Гупаловка».

Идут и идут письма. Летчики, учителя, рабочие, врачи... Много хороших людей воспитали Семен Афанасьевич с Галиной Константиновной.

Не раз за эти годы широко распахивалась входная дверь, и дорогие гости вставали на пороге. Были здесь Владимир Густинев, курсант училища морских летчиков, старший лейтенант Борис Тайманов с женой и сыном, Виктор Дурманов — студент...

Случаются и совсем неожиданные встречи. Вошел как-то Семен Афанасьевич в вагон московского метро. Мягко закрылись двери, девушка в красной фуражке подняла диск, и он увидел ее лицо... Девушка тоже обернулась, крикнула: «Семен Афанасьевич!» — но вернуться было нельзя: уходил поезд в Киев.

Нет и трех лет, как Семен Афанасьевич приехал в Мотовиловку, а сколько вокруг перемен! Поднялся над землей молодой сад, зазеленели высаженные ребятами четыре тысячи кустов акации, клены и тополи. На дворе вырос спортивный городок. Есть тут футбольное поле, площадки для волейбола, беговые дорожки, гимнастические лестницы и трапеции, полоса препятствий, шесты и качели. Ребята роют пруд — зимой будет каток, а летом своя рыба.

...Сегодня Семен Афанасьевич едет в Киев. На узкой полоске бумаги длинный список дел. С утра — к студентам: будущие учителя просят его поделиться воспоминаниями о Макаренко. Потом покупки: два фотоаппарата, тридцать пар коньков, лыжи, грузовая машина, нефтяной движок, два велосипеда, киноаппарат, два седла.

А там, дома, жизнь идет своим чередом. Вечер... Снег сыплется за окном. Склонившись над тетрадкой, Галина Константиновна объясняет девочкам непонятную задачу. Тот, кто приготовил уроки, устраивается с книгой, где светлей и тише. Двое сидят за шахматной доской. Сверху доносится песня...

На родной земле

Окраина Харькова. От шоссе уходит мощенная булыжником дорога, а по обе стороны ее — все дубы и дубы в сухих бурых листьях. Огромный, обнесенный оградой, спускается под гору сад, заложенный еще коммунарами. Там, где они жили, стоят теперь заводские дома, неподалеку — завод.

Алексей Никифорович Землянский работает мастером на том же заводе, куда впервые пришел в 1928 году. Он проверяет работу револьверщицы Марии Евтушенко.

Для Алексея Никифоровича Землянского это родные места. Алеша Зырянский — так назван Землянский в книге Макаренко — был бригадиром «славной, непобедимой боевой» четвертой бригады, о которой так тепло и весело рассказали людям «Флаги на башнях». И живет он с женой Анной Александровной Рейдиной, тоже коммунаркой, и сыном, семиклассником Володей, здесь неподалеку, на Старой Шишковке.

Маленький уютный дом, который они недавно с помощью государства сами построили, смотрит окнами в ту сторону, где раньше была Коммуна. Работает Алексей Никифорович мастером на том же заводе, куда впервые пришел в 1928 году. Уже много лет передает он свой опыт молодым. Дома он бережно хранит книжку рационализатора: деталь, которую раньше в цехе фрезеровали, теперь, по его предложению, штампуют.

...Ветер метет сухие дубовые листья вперемешку со снегом. Землянский то и дело приподнимает шапку: много знакомых! Вот широко и быстро шагает прямой высокий человек с книжкой в руке. «Малярик»,— говорит Алексей Никифорович и тут же, спохватившись: «Василий Иванович Коломийцев, главный энергетик завода... А то — старое прозвище, по Коммуне...»

Сворачиваем вправо, поднимаемся по лестнице в чистую, пахнущую свежей краской квартиру. В двух новеньких комнатах живет семья Федора Степановича Заики, еще одного воспитанника Макаренко. Всю войну он прослужил во флоте. Вернувшись в Харьков, опять пошел на завод, где и работает сейчас старшим мастером по сантехнике.

Два письма

Есть в повести «ФД-1», посвященной последним годам Коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, такие строчки: «Швед и Камардинов — почти одно существо. Трудно представить себе более тесную дружбу... Они жить один без

другого не могут, всегда вместе...»

Кем же стали эти друзья, где они, что делали все эти годы? Ведь с тех пор прошло много лет...

Недавно в редакцию «Огонька» пришли два письма: одно из Львова — от А. Н. Шведа, другое из Конотопа — от В. Р. Комардинова (это его точная фамилия).

«До войны я почти все годы работал с детьми,— пишет А. Н. Швед.— Кончил воевать — и опять за любимое дело. Если каждый день отдаешь воспитанию ребят, помогаешь им становиться грамотными, культурными, воспитанными, не любить это дело нельзя. Когда бывает трудно, стараюсь представить себе, как поступил бы Антон Семенович. Хочу и дальше неустанно продолжать дело моего учителя.

Посылаю вам фотографию, где снят вместе с сыновьями. Старший — Валентин, комсомолец, студент медицинского института, младший — Вячеслав. С теплым приветом А. Швед».

А вот что пишет Комардинов: «В коммуне я окончил рабфак, а в 1939 году — Московский государственный институт истории, философии и литературы. В годы Отечественной войны был на фронте, работал агитатором политотдела дивизии. С 1939 года я непрерывно в армии. Все время работаю преподавателем в военных учебных заведениях. Майор Комардинов».

«Посылаю вам фотографию, где я снят вместе с сыновьями. А. Швед».

Шестнадцать лет спустя

Воскресное утро. Дом на улице Красина в Харькове. По лестнице торопливо спускается невысокая молодая женщина, она спешит на репетицию. В «Девицах-красавицах» она играет Веру. Утром в понедельник тоже занята: актерам читают лекцию «Реализм в искусстве». Вот разве ровно в три?

Ровно в три мы встречаемся в пустом зрительном зале. Клавдия Тимофеевна Борискина смотрит на опущенный занавес и вспоминает, как шестнадцать лет назад девочка из Коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, увлекавшаяся драматическим кружком, поступила в студию Харьковского театра русской драмы, а еще через четыре года, уже артисткой, вышла на эту сцену.

Ее любимые роли? Марийка в «Непокоренной полтавчанке», Машенька в одноименной пьесе Афиногенова, Катюша в «Детях Ванюшина», Колька в «Воробьевых горах»...

Вместе с театром в войну она побывала на Дальнем Востоке, в Сталино, Туле, Киеве, Днепропетровске... Приехала в Винницу — здесь Константин Ширявский работает прокурором, в Комсомольске-на-Амуре врачует Николай Шершнев, в Хабаровске встретила Зою Калясникову, во Львове — Игоря Орлова... Она помолчала, потом негромко сказала: «Помните, в «Педагогической поэме»: «Сколько по горьковской только колонии прошло хлопцев и девчат, не названных здесь, но таких же живых, таких же знакомых и таких же друзей?»

К Борискиной часто приходят письма. Судьбой Клавы Кашириной, как названа она во «Флагах на башнях», заинтересовались школьники города Судовая Вишня и просят Клавдию Тимофеевну рассказать о себе. Моряк Николай Пустонайкин пишет ей, что он никогда не расстается с полюбившейся ему «Педагогической поэмой». Студентка пятого курса Кишиневского университета Ирина Вдовина готовит дипломную работу на тему «Проблемы воспитания характера советского человека в «Педагогической поэме» и просит у Клавдии Тимофеевны совета...

Клавдия Тимофеевна Борискина в «Непокоренной полтавчанке».

О чем рассказывает анкета

...Каждому из них мы задали один и тот же вопрос: какое у вас образование, где вы сейчас учитесь, кем работаете? Если рассказать об этом кратким и точным языком анкеты, вот как выглядели бы их ответы.

Салько Лев Михайлович. Окончил рабфак и Московский авиационный институт. Учится в вечернем университете марксизма-ленинизма. Инженер.

Клюшник Василий Илларионович. Окончил рабфак и инженерный факультет Академии бронетанковых и механизированных войск имени И. В. Сталина. В 1952 году прошел курсы усовершенствования офицерского состава при Академии. Подполковник.

Шапошников Василий Федорович. Окончил рабфак, юридическую школу и Харьковский юридический институт (заочно). Учится в вечернем университете марксизма-ленинизма. Народный судья четвертого участка Краснозаводского района Харькова.

Шатаев Федор Васильевич. Окончил рабфак и двухгодичную техническую школу мастеров при заводе. Мастер по холодной обработке металла.

...У каждого из них своя дорога, своя судьба. Но, думая о жизни, все они вспоминают имя человека, учившего их любить Родину, знания, труд, и в мыслях называют его попрежнему тепло и просто, как раньше звали между собой,— «наш Антон».

К. ЯКОВЛЕВА

Фото О. Кнорринга, Н. Козловского и Я. Рюмкина

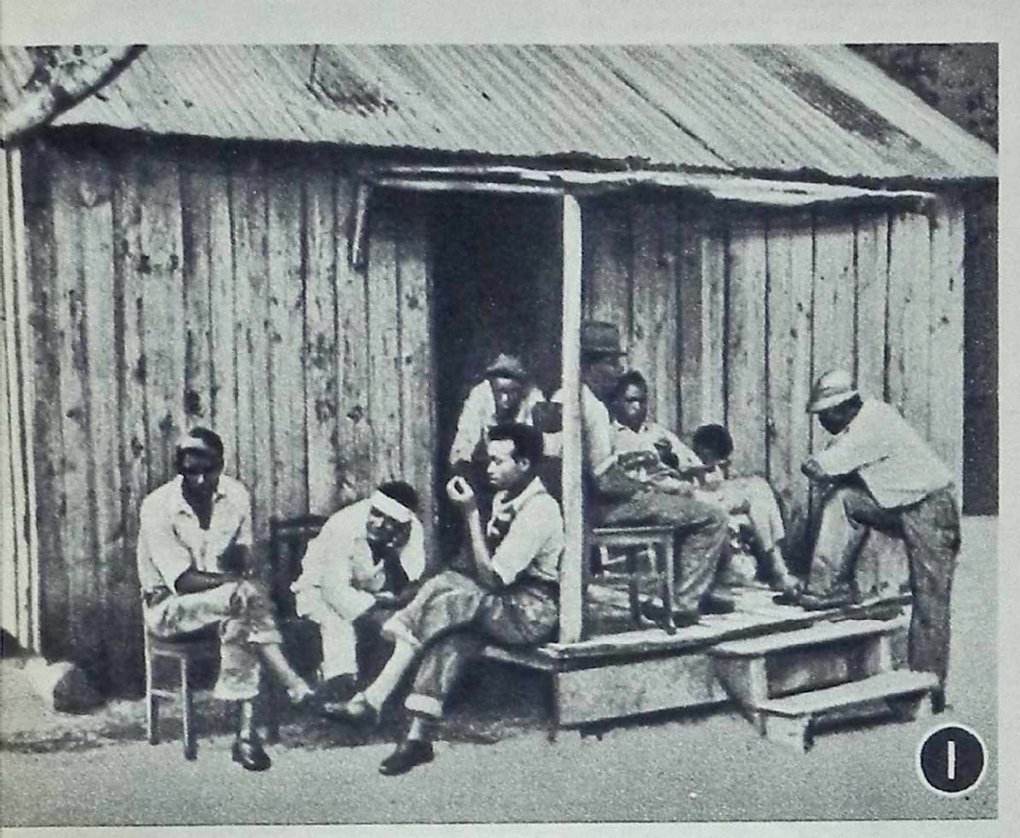
Вот и встретились! Василий Илларионович Клюшник (слева) приехал в Москву на курсы и зашел к своему другу Льву Михайловичу Салько.

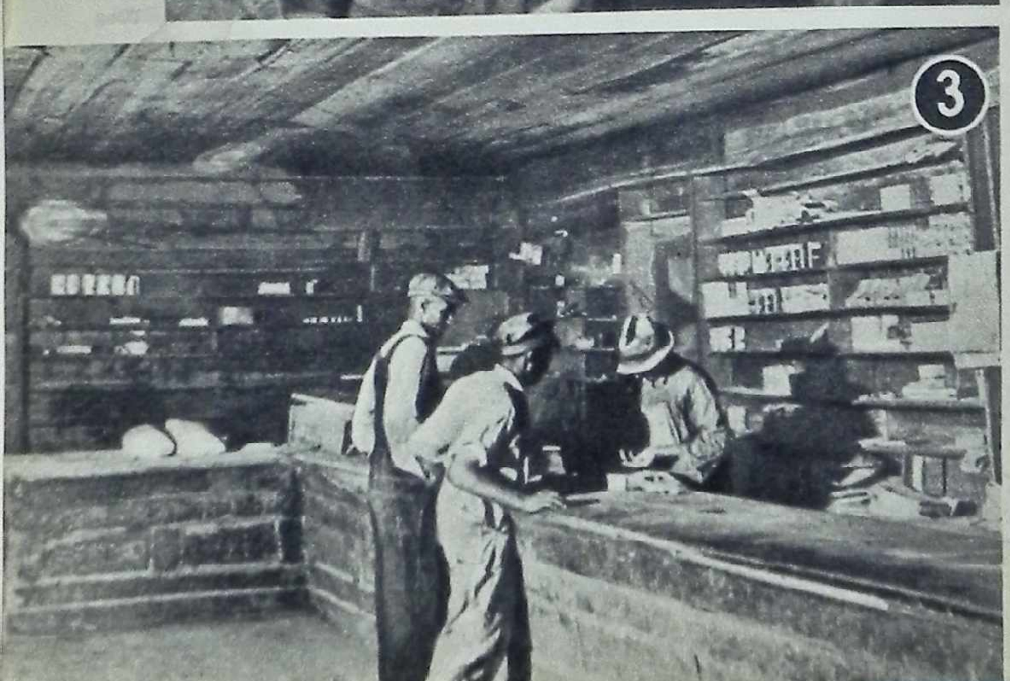
Василий Федорович Шапошников, бывший воспитанник А. С. Макаренко, работает сейчас народным судьей. На снимке: судья выступает с речью. Рядом народные заседатели — Л. В. Резниченко и С. А. Скрипилев.

СВИДЕТЕЛЬСТВО Стетсона Кеннеди

Рабский, принудительный труд, низведение людей, черных и белых, до положения рабочего скота — явление, весьма распространенное в повседневной практике американского бизнеса. Разумеется, официальная пропаганда и печать монополий тщательно скрывают от общественности эту страшную язву «американского образа жизни».

Недавно прогрессивный американский писатель Стетсон Кеннеди обратился с меморандумом именно по этому вопросу к председателю комиссии ООН по расследованию применения рабского труда.

В сопроводительном письме Стетсон Кеннеди говорит:

«Занимаясь поисками материала для моих книг, я собрал доказательства того, в каких обширных размерах существует в Соединенных Штатах принудительный труд, труд невольников. Эти доказательства я могу представить в виде данных под присягой показаний и записанных на пленку бесед с самими невольниками».

Писатель в своем меморандуме приводит много фактов о труде черных и белых невольников в США. Он рассказывает о том, какими методами вербуют людей на работу и потом превращают в доподлинных рабов, в полную собственность работодателя.

Одним из таких человеческих документов является записанная на пленку беседа писателя с рабочим из штата Флорида. Автор по понятным причинам не называет имя своего собеседника, скрывая его под псевдонимом Роберт Грейвс.

— Меня зовут Роберт Грейвс,— отвечает невольник на первый вопрос писателя.— Работаю у господина Уоррена Джонса, владельца предприятия по производству скипидара, в одном из округов штата Флорида... Впервые начал работать на промысле скипидара в местности Блэколи, в штате Джорджиа. Там был большой лагерь, в нем жило много таких людей, как я. Вооруженная карабинами охрана сторожит такие лагери всю ночь, чтобы никто не мог убежать...

— Сколько вы получали в неделю?

— Не больше шести—семи долларов, хотя работа была такой тяжелой, что ее едва можно было вынести.

— Какого рода продовольственные товары вы могли приобрести в магазине лагеря?

— Одни консервы. Свежего мяса не было никогда. Свежих овощей тоже. Цены в таких лагерях всегда выше, чем в городских магазинах...

— Кем вы сейчас работаете?

— Я дровосек. Работаю с семи часов утра до восьми часов вечера. Перерыва на обед едва хватает, чтобы съесть кусок хлеба и напиться воды.

— Как часто вам платят?

— Один раз в месяц. Последний раз нам уплатили за пять недель. Мне следовало получить семьдесят четыре доллара двадцать пять центов.

— За пять недель?

— Да, за пять недель. При этом за содержание у меня вычли шестьдесят семь долларов. В конверте оказалось всего лишь шесть долларов семьдесят один цент; из этого один доллар ушел на освещение, и мне осталось меньше шести долларов.

Роберт Грейвс рассказывает дальше, как, не вынеся рабских условий труда, он бежал из лагеря во Флориду, где работал шофером в фирме «Миддл Флорида сэнд компани». Жена его осталась в прежнем лагере. Так как она отказалась сказать, где находится муж, ее посадили в тюрьму.

— Как долго ее держали в тюрьме?

— Три дня.

— Как вы узнали обо всем этом?

— Я возвратился в прежний лагерь за тем, чтобы забрать жену. Там ко мне подошел один из стражников и арестовал меня.

— За что?

— Он сказал, что арестовывает меня за бродяжничество, хотя у меня тогда была работа.

— Вы сказали ему об этом?

— Да, сказал. Однако в следственной тюрьме сидел три дня, а потом

получил приговор судьи: к двенадцати месяцам заключения.

— За что?

— Не знаю, за что. Знаю, что получил двенадцать месяцев.

— За бродяжничество?

— Не знаю... Сказали: «Двенадцать месяцев». Судья спросил: «Деньги есть?» Я ответил: «Нет, но знаю нескольких белых людей, которые за меня заплатят». Тогда господин Велс, у которого я уже работал однажды, сказал судье: «Я заплачу за него». Однако другой мой бывший хозяин, по имени Дорси, заявил: «Нет, я за него заплачу» — и тут же выписал чек и отдал его судье.

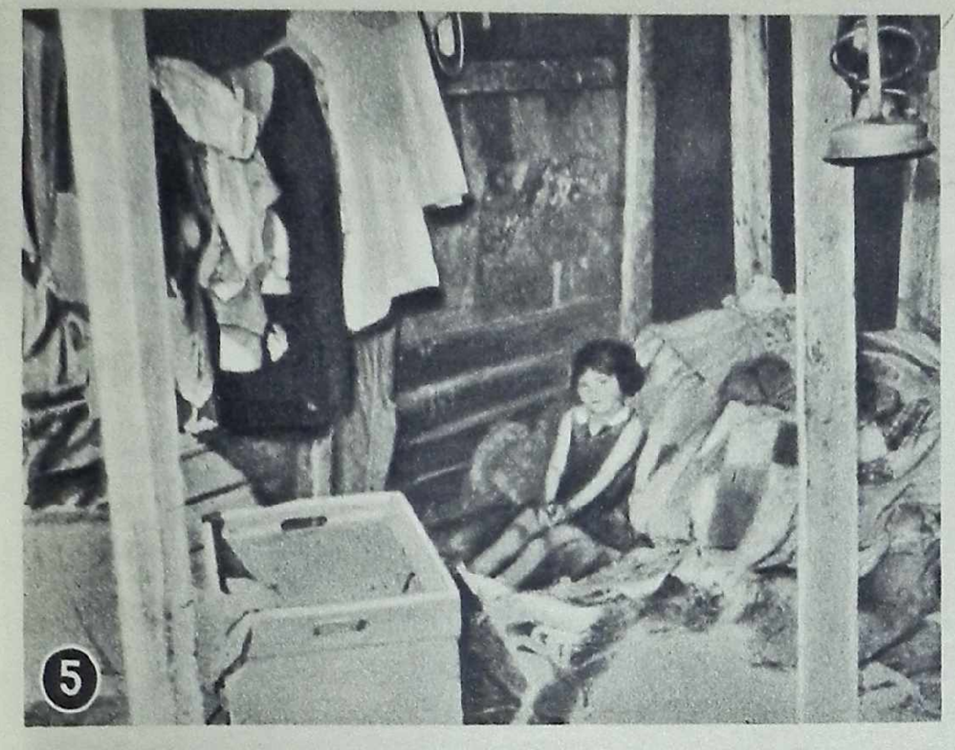
— Какова была сумма, за которую вас купили?

— Сто пятьдесят долларов...

— Так, значит, двое белых людей публично торговались, чтобы купить вас?..

Стетсон Кеннеди проиллюстрировал свой меморандум фотографиями, уличающими американских рабовладельцев. Некоторые из них воспроизведены на этих страницах.

На фото № 1 мы видим один из бараков невольников, принадлежащий скипидарному промыслу «Джексонд Линдсей» в Гросс-Сити, штат Флорида.

«Днем сосны не пускают к нам
солнце,
Ночь мы дрожим в лихорадке», —

такую песенку поют рабы, живущие в этом мрачном лагере.

На фото № 2 — типичное «жилое помещение» для кочующих сельскохозяйственных рабочих и их «имущество». Черные точки на стенах и изнуренных лицах детей — это мухи, обильно размножающиеся в таких жилищах.

На фото № 3 показан лагерный магазин, о котором говорил собеседник Стетсона Кеннеди. Судя по пустым полкам, можно себе представить, как «снабжаются» в лагере подневольные рабочие.

Фото № 4 не может не вызвать чувства гнева и возмущения. Этот ребенок, искусанный крысами, которыми кишат «жилища» невольников, — одна из многих жертв американских рабовладельцев.

Рахит и другие болезни детей — одно из последствий систематического тяжелого недоедания и полного отсутствия медицинской помощи в этих лагерях для рабов. Стетсон Кеннеди приложил к своему меморандуму фотографии № 5 и № 6.

Иногда люди пытаются отказаться от тяжелого рабского труда. За это их не только сажают в тюрьму, но и заковывают в цепи. На фото № 7 — негр Вудро Шропшир. В тюрьме «Миддлебур» его по десять часов держали прикованным к железной решетке. В результате — ампутация ног.

Своих подневольных рабочих владельцы часто сажают за долги в тюрьму. На фото № 8 — батрачка Джорджиа Мессенджер, которая вместе с мужем была посажена в тюрьму на семь лет за долг работодателю.

Фотодокумент № 9 показывает, до чего доходят преступления рабовладельцев, чинимые над лишенными элементарных человеческих прав невольниками. Джордж Дорсэй, его жена, Роджер Малькольм и его жена были застрелены карателями из фашистской банды Ку-Клукс-Клан в штате Джорджиа.

Полиция, вооруженная стража — все это к услугам рабовладельцев. Зверские, кровавые расправы с невольниками — обычное дело в лагерях рабского труда. Об одной из таких расправ, учиненных в лагере Брунсвик, в штате Джорджиа, свидетельствует фото № 10.

Таковы факты и документы, приведенные в меморандуме Стетсона Кеннеди. Таковы некоторые черты «американского образа жизни».

Рассказы Максима Перепелицы

Максим Перепелица — молодой боец Советской Армии. Родом он колхозник из села Яблонивки, с Винниччины. О своей армейской службе, о друзьях-однополчанах, о том, как вчерашний «ветрогон» постепенно приобретает воинскую закалку и становится командиром отделения. Максим Перепелица рассказывает с молодым задором, с лукавинкой, нередко с искренним изумлением перед мудростью армейской жизни и не без некоторого наивного самолюбования, которое, впрочем, познакомившись с героем, охотно извиняешь. В самом деле, удивительно симпатичный хлопец, с веселым характером и открытой душой, так и брызжет обаянием молодости!

Бойца Максима Перепелицу выдумал молодой писатель, офицер Иван Стаднюк. Вернее, не выдумал, а подсмотрел в самой гуще армейской жизни, ибо, как помним мы еще с войны, «парень в этом роде в каждой роте есть всегда, да и в каждом взводе». Подсмотрел, собрал по черточкам, вложил свою авторскую душу — и вылепил образ молодого бойца, одновременно и чем-то очень знакомый и очень своеобразный.

Каковы бы ни были недостатки книги молодого автора (а они есть, и мы о них не умолчим), книга эта — несомненная удача: в ней есть главное — человеческий образ, полный жизни, движения, непосредственности.

Возьмем, например, рассказ «Друг командира». В основе его лежит распространенная и естественная ситуация: друг героя Степан Левада назначается командиром отделения, и это приводит к соответствующим изменениям в жизни самого героя.

Суть не в том, что автор последовательно рассказывает об этих изменениях, которые, право же, нетрудно предугадать, а в том, что рассказывает он об этом так, как мог бы рассказать молодой Максим Перепелица, мысль которого быстра, но еще не глубока, который и во сне славу видит и по природе своей «отличаться должен обязательно», потому что характер у него такой.

Первое чувство, испытанное героем, когда Левада стал командиром отделения,— недоумение; ведь и он, Максим, ни в чем, кажется, от Левады не отстает, и его фотография среди отличников, и, пожалуй, даже «приметнее» он. «Левада быстрее вас командирские качества приобрел»,— разъясняет ему лейтенант Фомин. И герой успокаивается. Не потому, что он понял справедливость этих слов, но просто мысль как-то сама перескочила на другое: ведь если командиром назначен дружок, значит, жизнь потечет вольготнее: и нарядов меньше и увольнений в город побольше.

Читатель может, конечно, предположить, что надежды Максима не оправдаются, что Левада станет требовательным командиром, к другу будет более придирчив, чем к другим, и т. д. Оно действительно так и выйдет. Но рассказы Перепелицы ценны именно тем, что из них видно, как это бывает. Максим переживает свое положение с такой живостью восприятия, с такой ребяческой горькой обидой на строгость бывшего друга и с таким искренним изумлением перед неожиданными, хорошими для него самого результатами «придирчивости», что эта непосредственность чувства невольно захватывает читателя.

Три достоинства, думается нам, отличают рассказы молодого писателя. Это — умение естественно и правдиво передать чувства человека, действующего, как правило, по первому побуждению. Это истинно непринужденная веселость рассказа, юмор. И, наконец, это подлинная влюбленность в умную, чистую, здоровую жизнь нашей Советской Армии, жизнь, которая так пришлась по плечу Максиму Перепелице.

Автору еще порой не удается во всем выдержать тон короткого, остроумного рассказа, не выносящего отступлений и длиннот. Сказывается недостаточная взыскательность в выборе темы. Рассказы написаны в первую очередь для определенного читателя — для молодого бойца,— и этим как бы предопределена их назидательность. Однако, как показывают лучшие произведения Стаднюка, например, «Ветрогон», «Друг командира», «Душа солдата», «Батькова наука», назидательность не противоречит художественности и занимательности, если автора интересует человек, его душевные движения, а не только сам поучительный факт. Более того: именно эти рассказы подлинно нравоучительны. А рассказы вроде «Немокнущих спичек», кроме конкретных советов о сохранении спичек в воде и общего вывода о характере смекалки, ничего не дают; жить они не учат. Подобные рассказы только мешают цельности созданного образа. Неудачен и завершающий книгу рассказ о сватовстве Максима — «Гарбузы». Он веселый, но мысли в нем никакой, и написан он явно для того, чтобы «поставить точку».

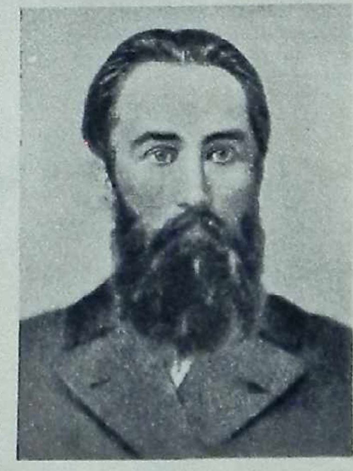
Но мы, например, совсем не уверены в том, что эту точку нужно ставить. Разве герой уже так исчерпал себя? Скорее, при его задатках он еще и не развернулся как следует! И если даже первое знакомство с ним приятно и способно вызвать у читателя симпатию и улыбку, то насколько более интересным могло быть дальнейшее знакомство с ним!

А. МАКАРОВ

Иван Стаднюк. Максим Перепелица. Рассказы. Воениздат. М. 1952. 167 стр.

«Избранное» П. А. Грабовского

В Гослитиздате вышел сборник избранных произведений замечательного украинского поэта и революционного деятеля второй половины прошлого века Павла Арсеньевича Грабовского, жизнь которого трагически оборвалась 50 лет назад в глухой тобольской ссылке.

П. Грабовский прожил всего тридцать восемь лет. Из них двадцать он провел в царских тюрьмах, в отдаленных местах Сибири на поселении и под надзором полиции.

Печататься Грабовскому было трудно. Царская цензура преследовала опального писателя, и ему приходилось прибегать к псевдонимам. Павло Журба, Харко Воля, Харко Вец, Панько — под этими и другими именами появлялись его произведения в разных случайных изданиях.

Излюбленным жанром Грабовского была лирика. Как поэт, он наследовал и продолжал традиции великих русских и украинских революционных демократов, в первую очередь Некрасова и Шевченко. Он звал народ на борьбу против угнетателей, воспевал «будущность Руси родной», предвидя зарю революции. Многие его стихотворения проникнуты великой идеей братства русского и украинского народов, мыслями об их общих целях в освободительном движении. Национальная ограниченность, романтическая условность в изображении Украины были абсолютно чужды духу поэзии Грабовского.

Не все цветами
любоваться
Да воспевать красу
Днепра...

Пора за просвещенье
взяться,
Народу счастье дать пора!

(«Поэтам-украинцам»)

Выражавшая передовые идеалы того времени, поэзия Грабовского звала к благородному подвигу во имя свободы, внушала веру в торжество народной правды:

За годиной черной
славы —
Царство вольности придет,
И возглавит мир по праву
Сам трудящийся народ!

(«Надежда»)

В сборник включено около ста пятидесяти поэтических произведений Грабовского, вошедших в разные книги его стихов — «Подснежник», «С севера», «Кобза» — и отражающих разные этапы творческого развития поэта. В их числе также стихи, не печатавшиеся раньше, стихи последних лет жизни. Такой состав стихотворного раздела сборника позволяет русскому читателю познакомиться с поэзией Грабовского с достаточной полнотой. К сожалению, некоторые из опубликованных в книге переводов дают лишь отдаленное представление о поэтическом почерке Грабовского и не передают своеобразия его стиля.

Великолепны переводы самого Грабовского с украинского. Он переводил Тараса Шевченко, Лесю Украинку, Ивана Франко.

Проза Грабовского представлена в сборнике очерками «Красный кафтан», «С далекого севера», «На далеком севере». Большой интерес представляют его статьи о Чернышевском, Тарасе Шевченко, «Кое-что о творчестве поэтическом» и отрывки из писем Ивану Франко, Василю Лукичу, Б. Гринченко.

П. Грабовский был последовательным защитником общественного назначения литературы и непримиримым врагом теории «чистого искусства», «искусства для искусства». Развивая эстетические взгляды Чернышевского, он выступал в своих статьях за поэзию действенную, революционно преобразующую жизнь: «К каким серьезным действиям или просто мыслям направит он читателя? Какую струну в человеческом сердце своим словом затронет?.. Какую дорогу и цель укажет тому, кто очутился на распутье, не зная куда идти? Вот мысли, которые должен обдумать каждый поэт, выступая со своими произведениями перед обществом, если только он осознает свои высокие задачи...»

С прогрессивных позиций обличал Грабовский буржуазный национализм украинских либеральных народников, назвав «наибольшей из небылиц» утверждение, будто бы Украина, разделенная на классы, была когда-то «единым и неделимым организмом с точки зрения национальных интересов...»

В последние годы жизни политические идеи писателя формировались под влиянием марксизма. В пору реакции, краха народнических иллюзий, политического разброда Грабовский одним из первых в украинской литературе своей эпохи увидел, что «теперь все, что только есть в России живого, подвижного и деятельного, идет под знаком марксизма...»

Выход в свет избранных произведений Грабовского поможет русскому читателю ознакомиться с творчеством одного из славных представителей передовой украинской культуры.

Ю. АКИМОВ

П. А. Грабовский. Избранное. Перевод с украинского. ГИХЛ. М. 1952.

ВЕСЕННЯЯ сюита

В собрании Государственной Третьяковской галереи есть картина Сергея Васильевича Герасимова «Лед прошел». Сюжет ее прост: по Москве-реке отшумел ледоход, унося с собою зиму. На первом теплом ветру радостно зашелестели ветвями озябшие березы. Тает, сбегает с земли последний снег. Все дышит ранней весной... Эта картина пользуется заслуженной известностью. Скупыми живописными средствами и вместе с тем искренне и правдиво передал мастер обаяние русской природы.

Сначала на академической, а затем и на всесоюзной художественной выставке 1952 года появились новые работы С. В. Герасимова — пейзажи, написанные прямо с натуры. Писались они в марте, в апреле, в мае 1952 года. Мы узнаем в них те же места, что и в прежних известных работах художника: снова Москва-река, снова тонкие стройные березы да корявые ветлы. Это родные автору уголки под городом Можайском, где он родился, провел детство, где на всю свою жизнь полюбил русскую природу, научился ценить ее скромную, задушевную красоту.

В новых произведениях то же выразительное ощущение живой природы, то же непосредственное общение с нею. Вот «Март», живо перекликающийся со знаменитой левитановской картиной. Синеют тени на снегу, звонок чистый воздух. Здесь еще последнее торжество зимы. А в «Начале апреля» природа уже изменилась: снег сошел, и, хоть день выдался серый, художник точно передал напряженное ожидание первого тепла, первый, едва приметный приход весны.

Написал Герасимов и ранние весенние цветы — бесчисленные желтые головки,— и прозрачную тишину весеннего утра, и свежую зелень мая, когда весна уже безраздельно вступила в свои права.

Новый цикл работ С. В. Герасимова можно было бы назвать весенней сюитой. В ясной реалистической манере, в традициях отечественной пейзажной школы художник создал произведения, в которых проследил приход этого чудесного времени года.

Е. ХМЕЛЬНОВ

С. В. Герасимов. НАЧАЛО АПРЕЛЯ.

Выставка произведений членов
Академии художеств СССР. 1952 год.

С. В. Герасимов. МАЙ.

С. В. Герасимов. РАННЯЯ ВЕСНА.

С. В. Герасимов. МАРТ.

Сцена из спектакля «В бурю» Т. Хренникова. Крестьяне-ходоки у В. И. Ленина. Фото А. Батанова

ЗАМЫСЕЛ И ВЫПОЛНЕНИЕ

Ан. АЛЕКСАНДРОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Возобновление на сцене театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко оперы Тихона Хренникова «В бурю» вызвало у меня в памяти эпизод, относящийся еще к середине тридцатых годов. Студент Московской консерватории, занимавшийся на композиторском отделении, познакомил меня с фрагментом задуманного им оперного произведения. Фамилия студента была Хренников. Отрывок — сцена встречи двух братьев, Листрата и Леньки, с матерью, вошедшая впоследствии в оперу «В бурю»,— произвел впечатление теплотой, выразительностью музыкальных образов.

Литературной основой замысла будущей оперы послужил роман Н. Вирты «Одиночество». Тихон Хренников стремился раскрыть в опере тему революционной борьбы народа за советскую власть, показать крестьянство, идущее к великой правде Октября. Из эпических музыкальных картин тревожного 1920 года вырастало широкое и драматическое повествование о разгроме кулацкого мятежа антоновцев, свирепствовавших на Тамбовщине. Вместе с тем молодой композитор ввел в свою оперу тему большой, чистой любви, преодолевающей все преграды. Начало было многообещающим.

Вскоре опера Хренникова была закончена, ею заинтересовался Вл. И. Немирович-Данченко и взялся за ее постановку. Сохранились стенограммы проведенных им репетиций, многие его высказывания той поры, представляющие большой интерес.

Постановке «В бурю» Вл. И. Немирович-Данченко придавал принципиальное значение. В этом произведении он усматривал ту особенность, что «мизансцены, характеристики действующих лиц, поведение толпы сближают постановку с драматическим спектаклем. Получается,— говорил он,— как бы спектакль драматического театра, очищенный от натуралистических подробностей и пользующийся огромной, всепобеждающей силой музыкального воздействия...»

В театре, которым руководил Вл. И. Немирович-Данченко, автор оперы встретил самый сердечный прием. Постановщики и солисты театра затратили немало сил, преодолевая старые оперные штампы. Театр стремился создать правдивый, волнующий, очищенный от излишней условности, по-настоящему современный спектакль.

Эта задача была выполнена, и Вл. И. Немирович-Данченко был совершенно прав, считая новую оперу удачей композитора и значительным приобретением для театра. Спектакль понравился публике, оценившей песенный лиризм, сердечность, драматичность музыки Хренникова. Общие симпатии привлекал центральный образ — крестьянина Фрола Баева, ходившего пешком в Москву к Ленину за правдой, вернувшегося в родное село обновленным, настоящим борцом за народное дело и трагически погибшего от руки кулака Сторожева.

Ныне режиссеры П. Златогоров и Н. Кемарская возобновили спектакль «В бурю», сохранив постановочное решение Вл. И. Немировича-Данченко. При этом были предприняты попытки дальнейшего развития его оперно-режиссерских принципов, усиления общего эмоционального звучания произведения.

Композитор также много сделал для совершенствования своего произведения. Лучшие музыкальные эпизоды оперы — ария Фрола Баева в третьей картине, трагическая сцена его гибели в шестой, сцена встречи братьев Листрата и Леньки. Выразительна музыкальная характеристика одного из вдохновителей кулацкого мятежа — Сторожева.

В новой постановке особенно удались массовые сцены, насыщенные действием. С благородной простотой и значительностью осуществлена волнующая сцена приема Владимиром Ильичем Лениным народных ходоков. Артист И. Петров, впервые воссоздавший на оперной сцене образ В. И. Ленина, достиг почти портретного сходства, естественности исполнения.

Многие образы произведения Т. Хренникова нашли в спектакле талантливое воплощение и в вокальном и в драматическом отношениях. В большой мере это относится к молодому артисту Г. Дударову, исполняющему партию Фрола Баева. Певцу, правда, еще не всегда удается вокальными средствами оттенить самобытность характера Фрола, показать его большую духовную силу. Но в сцене героической гибели Баева, смело бросающего в лицо Сторожеву гневные слова: «Меня убьешь, но правду не убить!» — встает мужественный облик этого истинного представителя народа.

Хорошо проводит свою партию В. Канделаки. В сдержанной, лаконичной манере, отчетливо и убедительно выражены артистом характерные черты непримиримого и злобного врага революции Сторожева. Его последний монолог: «Идут с севера люди, идут из Москвы, чтоб сломать мою власть, силу вырвать из рук» — красноречиво говорит об исторической обреченности Сторожева, его неминуемой гибели.

Трогательна и сердечна артист-

Вл. И. Немирович-Данченко с участниками первого спектакля «В бурю». Публикуется впервые.

ка Т. Янко в роли старой Аксиньи. Артисту Ю. Юницкому, уверенно владеющему своим приятным и выразительным баритоном, в роли Листрата недостает драматизма. Правда, в этом повинен и композитор: партия Листрата эмоционально обеднена, построена на маловыразительных речитативах. Значительно свежее и красочнее как в партитуре, так и в исполнении артиста В. Радзиевского образ младшего брата Листрата — Леньки. Горячо и взволнованно проводит партию Наташи молодая певица Д. Потаповская.

Артист Н. Михеев, исполняющий роль бандита Антонова, прибегает к излишним натуралистическим приемам, а порой и к нарочитому шаржированию. Вообще весь лагерь кулацких мятежников выглядит в постановке несколько трафаретным, обрисованным по устаревшим театральным канонам.

Неоправданно затянута последняя картина, в которой авторы либретто А. Файко и Н. Вирта, видимо, пытались «досказать» все, что не получило завершения в сценическом действии. Финал перегружен излишними монологами.

Однако те или иные пробелы и недостатки спектакля могут быть устранены в дальнейшей работе театра и композитора. Гораздо важнее другое — то, что спектакль «В бурю», раскрывающий в ярких симфонических и вокальных образах волнующую тему победы ленинского дела, торжества революции, может и должен послужить для композиторов и музыкальных театров воодушевляющим примером. Создание новых оперных произведений, посвященных нашей современности,— неотложная задача нашего музыкального искусства.

Музыкальная фамилия

Заслуженный деятель искусств Грузинской ССР А. Баланчивадзе слушает исполнение своего нового произведения. У рояля Джарджи Баланчивадзе.

Фото С. Короткова.

Окончены первые два акта «Коварной Дареджан» в постановке Тбилисского театра оперы и балета имени З. Палиашвили. Сегодня вечер памяти автора «Коварной Дареджан», создателя первой грузинской оперы Мелитона Баланчивадзе.

Отрывки из этой оперы впервые прозвучали в Грузии пятьдесят четыре года тому назад. На год раньше их слушала музыкальная общественность Петербурга: грузинский композитор начинал свое творчество вдали от родины. Однако последующая его деятельность — композиторская, педагогическая и общественная — проходила в Грузии.

Мелитон Баланчивадзе умер пятнадцать лет тому назад. Но о нем помнят учителя основанных им музыкальных училищ, строители ЗАГЭСа, о которых он написал кантату. Помнят его крестьяне-сваны: композитор организовал сванский ансамбль и выступал с ним в Грузии и в России. Помнят и студенты Тбилисского университета: для них он написал в день десятилетнего юбилея университета «Студенческую песню».

На вечере памяти Мелитона Баланчивадзе звучат со сцены романсы и песни старейшего композитора. Но вот ведущий программу объявляет произведение другого автора:

— Третий концерт для фортепиано с оркестром композитора Андрея Баланчивадзе.

Это сын Мелитона Баланчивадзе, профессор Тбилисской консерватории, заслуженный деятель искусств. Он написал музыку балета «Сердце гор», симфонические и фортепианные произведения. Дважды присваивалось Андрею Баланчивадзе звание лауреата Сталинской премии.

Но вот у рояля совсем юный исполнитель, ученик Тбилисской центральной музыкальной школы. Пианисту одиннадцать лет, его звать Джарджи Баланчивадзе. Это внук Мелитона и сын Андрея Баланчивадзе. Так мы познакомились с тремя поколениями музыкальной семьи Баланчивадзе.

Исполнявшееся в концерте новое произведение Андрея Баланчивадзе всего лишь несколько дней тому назад было представлено на смотр работ композиторов Грузии. Автор посвятил концерт юным пионерам.

Вот что сказал присутствовавший на этом вечере композитор Шостакович: «Концерт мастерски и образно передает богатый мир советской детворы. Это подлинно художественное произведение, написанное для детского исполнения, интересно не только для детей, но и для профессиональных музыкантов».

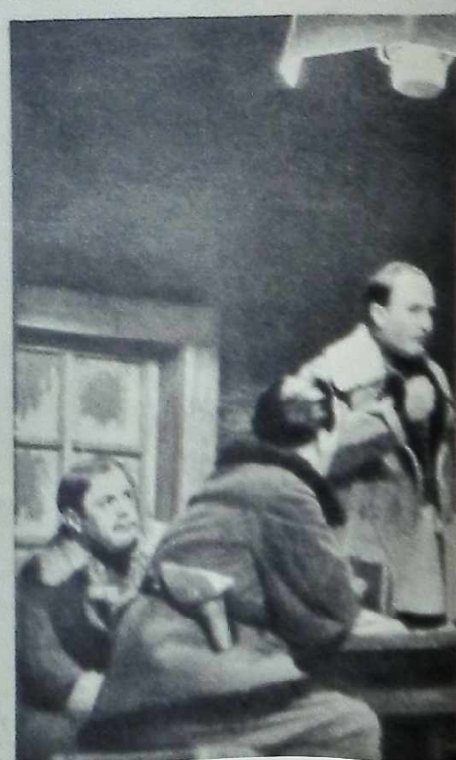
И. МЕСХИ

В бо

Л. ВНУКОВ

Государственный академический Малый театр показал новый спектакль «Северные зори» — инсценировку известного романа Н. Никитина «Северная Аврора». Спектакль посвящен героической борьбе советского народа с американо-английскими интервентами и их пособниками, русскими белогвардейцами, на Севере в 1918—1920 гг. Иностранные захватчики пытались тогда отторгнуть от молодой республики Советов ее северные порты — Архангельск и Мурманск — и нанести затем удар в сердце революции — на Москву и Петроград. Корреспондент «Огонька» обратился к участнику разгрома интервентов, генерал-майору артиллерии в отставке Л. В. Внукову, участнику боев за освобождение Архангельска, с просьбой поделиться своими впечатлениями от спектакля «Северные зори».

События, которые нашли свое отражение в спектакле Малого театра «Северные зори», поныне свежи в моей памяти. В те дни на огромной территории северных районов развернулась одна из самых ожесточенных и упорных битв гражданской войны. Вооруженные до зубов американские, английские и французские войска высадились в Мурманске и Архангельске, соединились с белогвардейскими бандами и предприняли широкое наступление против молодой республики Советов. Наступление развивалось сразу в трех направлениях: вдоль Мурманской железной дороги на Петроград, вдоль железной дороги Архангельск — Вологда на Москву и, наконец, по Северной Двине на Котлас с тем, чтобы выйти к Вятке и пробиваться на соединение с армией Колчака. Силы интервентов быстро возрастали: в Мурманск и особенно в Архангельск беспрерывно приходили их военные корабли с под-

...ях с интервентами

креплениями. Но советские войска, воодушевляемые партией Ленина — Сталина, противопоставили численному превосходству врага свою непреклонную волю к победе. В труднейших условиях бездорожья и студеной северной зимы советские люди проявляли чудеса выносливости, стойкости и храбрости. В сильный мороз, по глубокому снегу бойцы на руках перетаскивали орудия к огневым позициям. Мужественно сражались военные моряки. Население сел поголовно уходило в партизанские отряды.

Об этих днях впоследствии так сказал товарищ Сталин: «...мы не унывали, не падали духом. В огне войны организовали тогда мы Красную Армию и превратили нашу страну в военный лагерь. Дух великого Ленина вдохновлял нас тогда на войну против интервентов. И что же? Мы разбили интервентов, вернули все потерянные территории и добились победы».

И вот на сцене театра оживают события тех исторических дней. Сразу скажу: больше удалось и автору и режиссерам передать то, что труднее всего уловить, — самую атмосферу эпохи, ее характерные черты, ее наиболее примечательные и запомнившиеся краски. Среди героев спектакля многие кажутся нам старыми знакомцами, — хочется поговорить с ними, вспомнить былое. В них узнаешь боевых товарищей тех героических лет.

В первую очередь это относится к артисту М. Жарову, играющему главную роль — комиссара Фролова. Помнится, артиста критики упрекали за то, что он будто бы «недостаточно справился» с решением этой роли, что он будто бы «сух и скован». Думаю, что его игра заслуживает более высокой оценки. За его внешней сдержанностью чувствуется глубочайшая уверенность в победе и огромная воля — именно те качества, которые были типичны для комиссаров Красной Армии в трудные годы гражданской войны. Мне Жаров очень напомнил одного из комиссаров — Федора Ивановича Никулина, вместе с которым я прослужил много лет. Человек этот пользовался безграничным доверием и любовью бойцов. И если образ комиссара в спектакле и вызывает критику, то по несколько иной линии. Мне представляются неверными взаимоотношения между комиссаром и командиром бригады Драницыным, которого играет В. Кенигсон. В одном из эпизодов вопреки уставу комиссар Фролов отдает бойцам приказ в присутствии командира, словно подчеркивая свое недоверие к нему.

Что же касается самого Драницына, то автор напрасно, на мой взгляд, наделяет его сомнениями и колебаниями, вызывая у зрителей известное недоверие к этому безупречно честному человеку, всей душой преданному Родине. Кстати, даже в списке действующих лиц Драницын назван «военспецом», а не командиром бригады, как того требует историческая достоверность. Чтобы исчерпать замечания, связанные с нарушением достоверности, скажу еще, что вызывает изумление эпизод, когда в оперативный отдел штаба бригады врывается группа девушек с песнями. Так быть не могло.

К счастью, подобных эпизодов в спектакле очень мало. В целом же герои Красной Армии и архангельские большевики показаны правдиво, с подлинной жизненностью и яркостью. Бывалый солдат из рабочих Валерий Сергунько (В. Доронин), недавний студент, ставший смелым бойцом Андрей Латкин (Е. Матвеев), Люба Нестерова (О. Хорькова), Егоров (Ю. Аверин), Леля Егорова (К. Роек), матрос Жемчужный (Д. Павлов) — все эти впечатляющие образы рядовых участников великих событий рождают в душе зрителя благодарный отзвук.

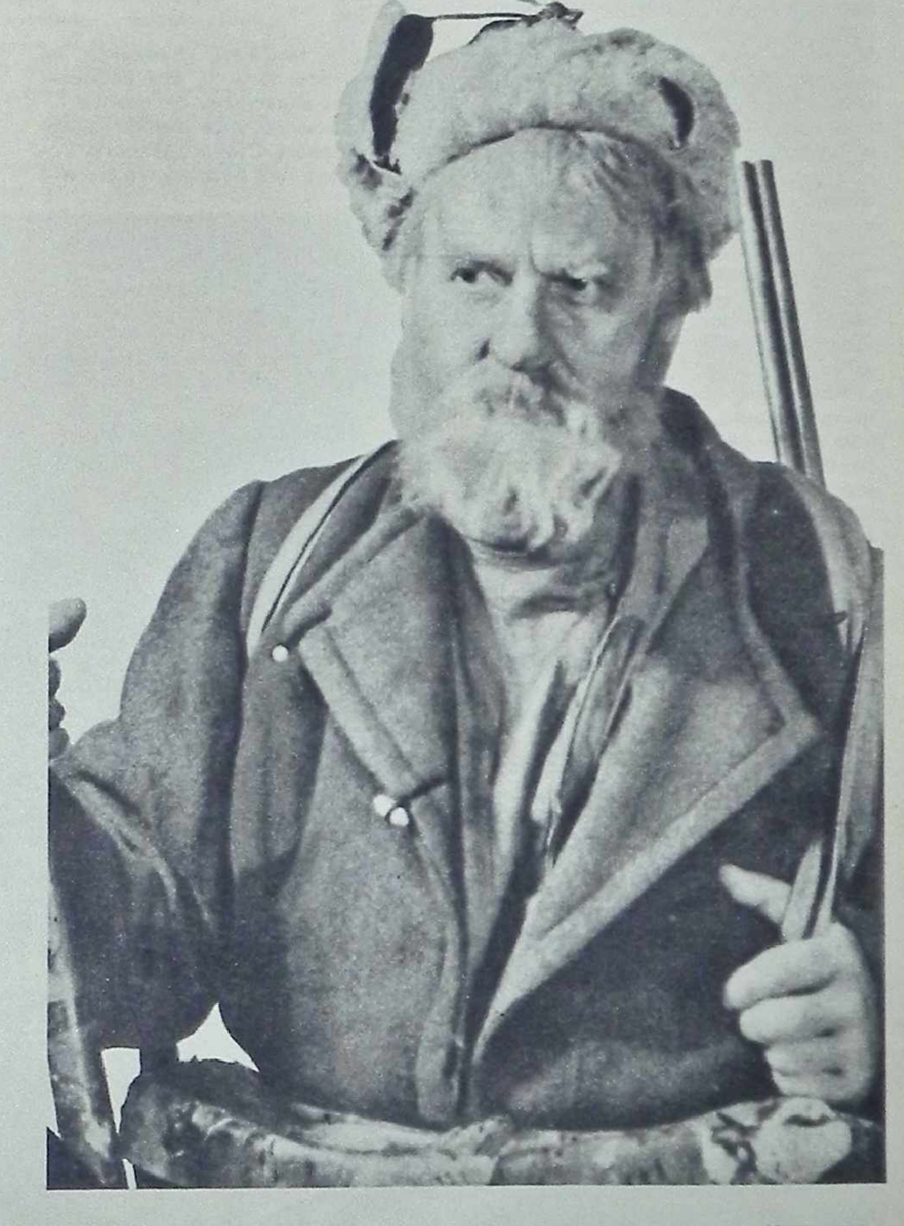
Большого драматизма достигает артист Н. Анненков, играющий крестьянина Тихона Нестерова, ослепленного палачами из американской контрразведки, в сцене, когда он перед деревенской сходкой срывает с глаз повязку и сурово говорит: «Вот оно, граждане, иноземное нашествие!» Столь же сильно проводит Е. Гоголева небольшую роль Абрамовой, пожилой женщины, чью дочь оккупанты опозорили и довели до самоубийства. Гневный монолог матери проникнут истинным трагизмом.

Хорошо написана автором и жизненно правдиво воплощена в спектакле сцена в бараке Мудьюгского концентрационного лагеря. После освобождения Архангельска советскими войсками я побывал на Мудьюге, встречался с людьми, вышедшими из этих страшных каторжных испытаний. Это были подлинные герои.

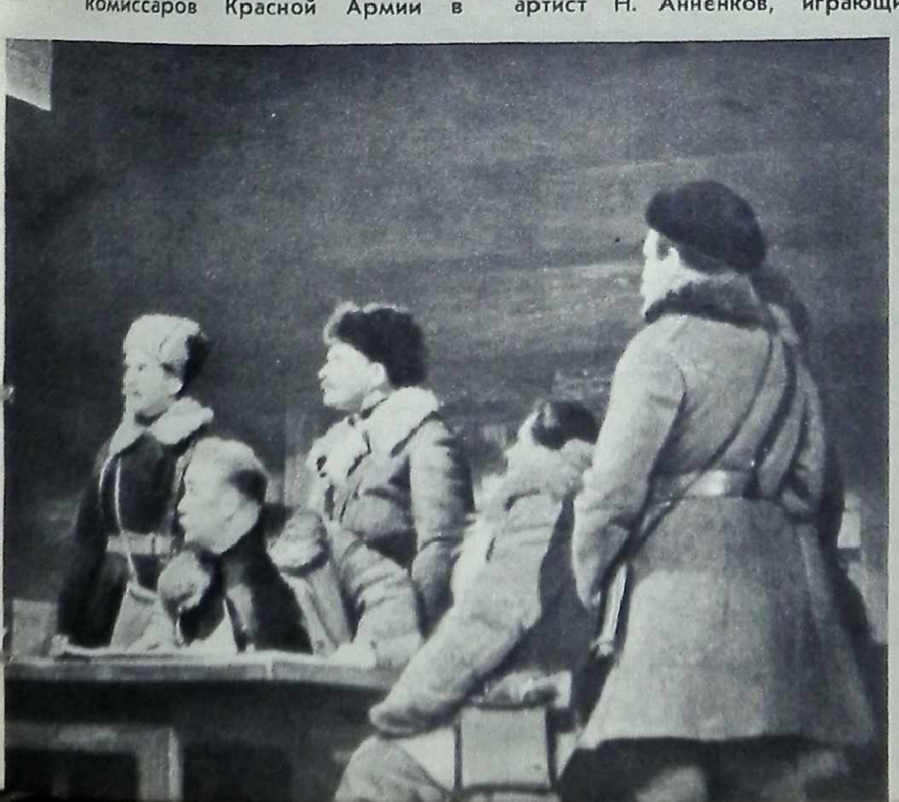
Чрезвычайно досадно, что в инсценировке не воссозданы страницы романа Н. Никитина, посвященные образу организатора Северо-Двинской флотилии большевика Павлина Виноградова, героя гражданской войны на Севере, погибшего в боях с интервентами в районе Усть-Ваги. Виноградов был мужественным и стойким организатором сопротивления оккупантам, и его образ мог бы достойно увенчать спектакль.

Верными, точными штрихами обрисован в постановке К. Зубова и П. Маркова вражеский стан. Айронсайд (артист П. Старковский), Ларри (артист Е. Велихов), американский капитан Роджерс (Н. Афанасьев и С. Конов), белогвардейский генерал Миллер (Б. Бриллиантов) — все это вполне достоверные зарисовки.

В целом спектакль производит сильное впечатление и правдиво воскрешает перед зрителями одну из ярких страниц гражданской войны.

Народный артист РСФСР Н. Анненков в роли партизана Тихона Нестерова.
Фото Б. Рябинина

«Северные зори» Н. Никитина в постановке Государственного академического Малого театра. Сцена в штабе Красной Армии.

Памятные встречи

М. ЯНШИН,
народный артист РСФСР

Помню, сорок лет назад в Москве, на Петровке, в пасмурный осенний день я впервые увидел этого необыкновенного человека. Высокий, красивый, с умным и строгим лицом, он шел, глядя прямо перед собой, и гордо — как мне тогда показалось — нес свою непокрытую голову, уже тогда посеребренную сединой. Шляпу он держал в руке. Все оглядывались на него, кто говорил: «Станиславский!»; кто: «Алексеев!» Тринадцатилетний мальчонка, питомец среднего технического училища, я долго стоял на тротуаре и с восхищением глядел вслед великому артисту.

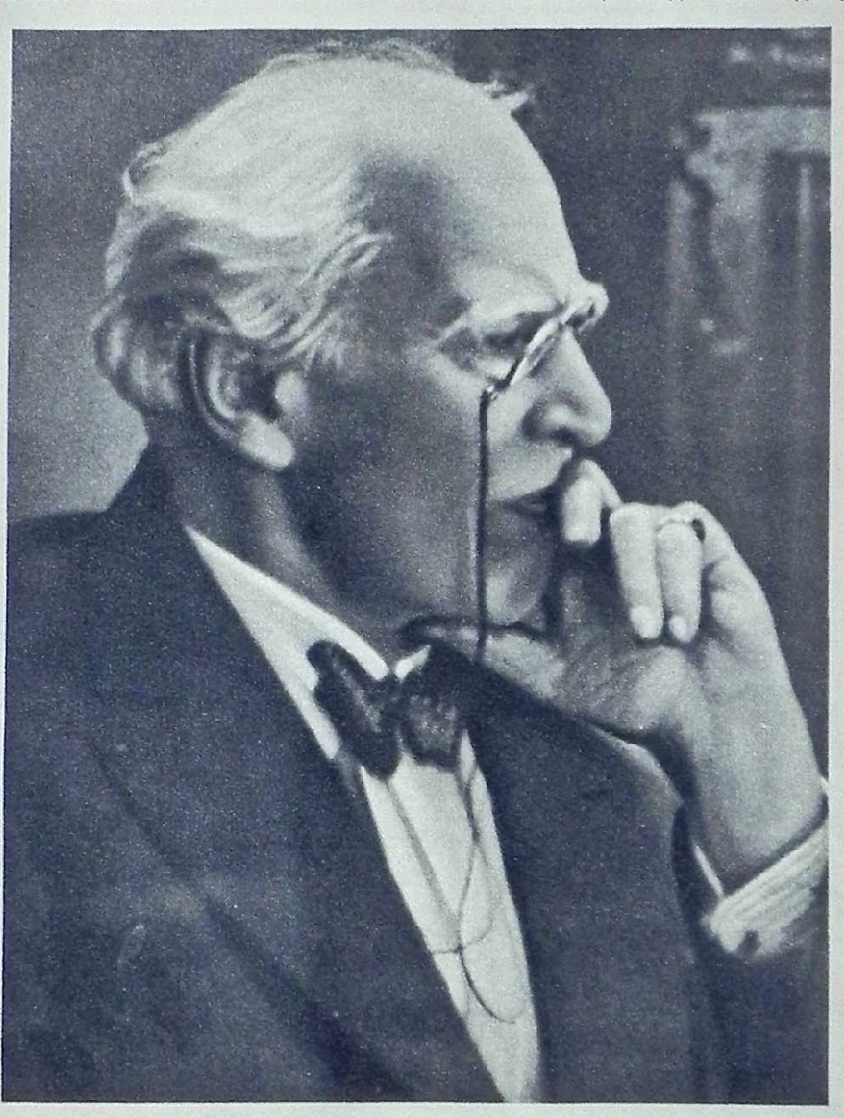
Тогда мне, конечно, и в голову не приходило, что я буду часто с ним встречаться, работать под его руководством. Но и после, когда это стало фактом, когда я, как и все мои товарищи по Московскому Художественному театру, казалось, должен был свыкнуться с мыслью о том, что Станиславский — наш режиссер, наш учитель и даже наш друг, все же каждая, даже самая мимолетная встреча с ним неизменно производила впечатление значительного события.

Всякий раз, поднимаясь по широкой скрипучей лестнице его квартиры на Леонтьевском, мы испытывали чувство, которое лучше всего известно школьникам,— мы шли на очередную репетицию, как на трудный экзамен.

Вот он, знаменитый синий зал с четырьмя белыми колоннами на маленькой сцене! В большом кожаном кресле уже сидит Константин Сергеевич, бодрый, неизменно подтянутый и свежий, с радушной улыбкой на лице. Глаза его испытующе поблескивают: ему не терпится начать работать. А мы, изведавшие неоднократно его беспощадную требовательность, неумолимое стремление все доводить до желанного результата, робко переглядываемся, с тревогой ожидая: с чего он начнет? Не буду греха таить: никому из нас не хотелось первым начинать урок. Впрочем, даже наши старшие собратья, лучше нас изучившие Станиславского и давно уже признанные им, боялись репетиций с ним, как огня. Об этом, помню, говорил Иван Михайлович Москвин. Но, трепеща перед Станиславским, мы одновременно и восхищались им. Никто не умел так, как он, почувствовать, раскрыть и реализовать возможности каждого актера. Мы сами зачастую не подозревали в себе того, что он каким-то вдохновенным чутьем угадывал и обнаруживал в нас. И поэтому любая репетиция со Станиславским, несмотря на все связанные с ней волнения, неизбежно обогащала каждого. Станиславский был и идеальным зрителем. Если кто-нибудь из нас показывался ему удачно, не вызывая критических замечаний, то это было праздником прежде всего для самого Станиславского. Следя за игрой актера в комедийном эпизоде, он сперва улыбался сдержанно и даже чуточку строго, потом улыбка становилась все более открытой, и, наконец, увлекаясь, он смеялся все громче, все веселей, по-детски задыхаясь от хохота.

К сожалению, нам редко удавалось радовать Станиславского. Гораздо чаще нас останавливало его знаменитое «Не верю!». И Константин Сергеевич принимался анализировать исполнение и устранять фальшь с той тонкостью, с тем удивительным проникновением в текст пьесы и в душу актера, которые были доступны лишь одному нашему учителю.

Правда, далеко не все, что репетировалось в Леонтьевском переулке у Станиславского, входило потом в спектакли Художественного театра. Так, множество великолепных по богатству фантазии режиссера и по достигнутым результатам эпизодов «Мертвых душ» осталось вне сценической композиции, осуществленной и поныне идущей в МХАТе. Но время, потраченное на эти репетиции, не пропало даром: каждый из участников спектакля увереннее почувствовал «себя в роли и роль в себе», как любил выражаться Константин Сергеевич; глубже проник с помощью режиссера в самую природу гоголевских сатиры и юмора. И если в спектакле поныне сверкают яркие гоголевские краски, то это в первую очередь результат огромного труда Станиславского.

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ. 1936 год.

И посейчас, наведываясь в дом, где жил и творил Станиславский, где размещается ныне музей его имени, мы с особой остротой ощущаем волнующую атмосферу репетиций «Мертвых душ», спектакля «Три сестры». В этот дом мы входили, как в исповедальню: притворяться перед Станиславским было невозможно. Об этом свойстве Константина Сергеевича очень хорошо сказала однажды старейшая из его учениц — Ольга Леонардовна Книппер-Чехова:

— Константин Сергеевич был совестью каждого артиста, нашей общей совестью.

Заставить Станиславского отступить от своего слова, от того, что он считал правильным и необходимым, было почти невозможно. Он признавал только такие доводы, которые свидетельствовали о твердой убежденности актера в том или ином толковании роли.

Во время подготовки спектакля «Дни Турбиных» произошел такой случай. Я репетировал роль студента Лариосика — забавного, неуклюжего молодого человека, которого, однако, представлял себе внутренне мягким, лиричным. Станиславский просмотрел последний акт и предложил мне ввести несколько более комедийный тон. Все детали, им предложенные, были, как всегда у Станиславского, блестяще придуманы, естественно вытекали из обстановки и, несомненно, вызвали бы в зрительном зале общий смех. Но я не мог принять предложения Константина Сергеевича, так как они отнимали у моего Лариосика лирику. Я так и сказал Станиславскому:

— Да ведь Лариосик страдает: он получил отказ от любимой женщины...

— Он молодой, легкомысленный, он мигом все забудет! — уверял Станиславский.

Но неожиданно для самого себя я упорствовал, и он рассердился.

— Ну, вот что: пропустим эту сцену! — резко проговорил он, отворачиваясь от меня. И до конца репетиции к моей сцене уже не вернулся.

Мои товарищи — Н. Хмелев, Б. Добронравов — пытались меня успокоить.

— Он согласится! — уверяли они.

Но я не верил. На следующий день была генеральная репетиция, на которой присутствовал К. С. Станиславский. Я начал гримироваться в состоянии полной растерянности. И когда в мою уборную вошел Константин Сергеевич, я испуганно вскочил со стула.

— Сидите, сидите! — сказал он сердито.— Все то, что я говорил вам вчера,— это ерунда. Забудьте. Играйте по-своему...

— Что вы, Константин Сергеевич!..— смущенно забормотал я.

— Слушайте меня! — свирепо закричал Станиславский и вдруг, пожелав мне «ни пуха, ни пера», вышел.

Мне сразу стало легко. А после первого акта К. С. Станиславский подошел ко мне, расцеловал и, будто сердясь, сказал:

— Ну вот, только не зазнавайтесь!

Все это с особенной отчетливостью вспоминается, когда проходишь по комнатам Дома-музея К. С. Станиславского, где у входа в синий зал попрежнему висит предупреждающая табличка: «Тише, идет репетиция!»; где все вещи словно сохранили прикосновение его красивых, тонких рук. И словно звучат поныне его слова, которые мы слышали в этом самом зале: «и те из вас, кто молод и только начинает свой путь, и те из вас, кто уже удостоен почетных званий,— все вы, если вы не хотите придти к творческому тупику, должны непрестанно учиться. И прежде всего учиться у жизни, у самой действительности, подмечая новое в ней, насыщаясь ее волнующей правдой! Вы обязаны быть достойными этой жизни, народа, творящего новое!»

Восьмое очко

Екатерина **ШЕВЕЛЕВА**

У каждого вида спорта есть свои болельщики. Очень популярны болельщики футбола. Они, можно сказать, уже вошли в историю, во всяком случае, прочно вошли в фельетоны, в репертуар эстрадных артистов, даже в кинофильмы.

Настольный теннис — молодой вид спорта. И его болельщики пока мало известны общественности. Они обнаруживаются совершенно неожиданно, причем в самых различных местах: в редакциях газет, в цехах заводов, в зубоврачебных кабинетах, за рулем такси, в кабинах летчиков... Как они ведут себя на соревнованиях? Это можно себе представить, если принять во внимание, что игра в настольный теннис — одна из самых быстрых игр — во много раз превышает по темпу игру в футбол. Конечно, соответственно ускоряется и реакция болельщиков. Так что, вообразив себе болельщика футбола как бы в убыстренной съемке, вы увидите перед собой болельщика настольного тенниса.

Значительно труднее, не побывав ни разу на встречах мастеров маленькой ракетки, представить себе, что за игра — настольный теннис. Это бывает трудно не только людям непосвященным, но даже и молодым игрокам.

...Четвертое Всесоюзное первенство общества «Спартак» в Ростове-на-Дону. Чемпион Советского Союза 1951 года Арутюн Акопян показывает динамичную, разнообразную, красивую игру. В зале среди публики новички, приехавшие на первенство другого спортивного общества. Один из них спрашивает меня с восторженным удивлением: «Как называется эта игра?» «А вы во что играете?» — в свою очередь, спрашиваю я. И слышу в ответ: «Я играю в настольный теннис, но сейчас увидел, что пока играю в «пинг-понг».

И действительно, настольный теннис по динамике, тактике, внешнему рисунку и внутреннему напряжению совсем не похож на «пинг-понг», существовавший у нас в стране лет двадцать пять назад. Встречи мастеров маленькой ракетки — красивое, захватывающее зрелище, совершенно не похожее на игру в «пинг-понг» — смесь неподвижности и суетливости. (Так не похожи встречи лучших волейбольных команд на попытки хорошо пообедавших дачников впервые в жизни сыграть в волейбол.) Но по мере того, как начинающие овладевают основами техники игры, они получают все большую нагрузку. Оказывается, надо тренировать правильную работу ног, ставить глубокое, ритмичное дыхание, заниматься подготовительными упражнениями.

«Разве это спорт?» — спрашивают иные скептики. Их суждения, то ли понаслышке, то ли по устаревшим впечатлениям более чем двадцатипятилетней давности, сводятся к следующему:

«Играет только рука (и только одна рука!)». Конечно, ракетку держат рукой. И только одной рукой. Но рука, и плечо, и корпус, и ноги образуют как бы единую упругую пружину. При выполнении атакующих ударов вся эта сжатая пружина распрямляется, при защитных ударах сжимается.

«Слишком мала физическая нагрузка...» На одном из первенств недавно было проведено врачебное обследование участников. И оказалось, что за встречу из четырех — пяти партий участники теряют в весе до 1 100 граммов.

«Играют в маленьких, душных комнатках». Может быть, где-то и играют, но это играют в пресловутый «пинг-понг». Такой «пинг-понг», конечно, вреден. Игра в современный настольный теннис, состоящая из бросков, рывков в пять — шесть метров назад или вбок от стола, просто невозможна в маленьких, душных помещениях.

...С каждым годом улучшается техника настольного тенниса. Так, например, все чаще и чаще контрудар (удар с удара) из виртуозного трюка становится обычным рабочим движением. В этом недавно могли убедиться многочисленные московские болельщики, наблюдавшие в спортклубе «Крылья Советов» встречи представителей молодежи: москвича Николая Леонова с победителем Всесоюзного юношеского первенства литовцем Римасом Пяшкявичусом, мастера спорта Раисы Ушаковой (Москва) с победительницей Всесоюзных юношеских соревнований Хельги Песур (Эстонская ССР).

Еще одна особенность современного настольного тенниса — чередование мощных ударов с внезапными укороченными мячами, опускающимися почти без отскока у самой сетки. Этим приемом успешно пользуется, например, рабочий завода «Динамо» имени Кирова И. Муско, выигравший недавно в Москве у Л. Макарова.

Как и любой вид спорта в нашей стране, настольный теннис воспитывает высокие моральные качества у нашей молодежи — волю к победе, чувство коллективизма, смелость, инициативу. Это особенно ярко проявилось на недавно закончившемся командном и личном первенстве Советского Союза, проведенном в Таллине.

Шестнадцать команд добровольных спортивных обществ боролись за звание чемпиона Советского Союза. Шестнадцать знамен. Громадный зимний «теннисный зал» стадиона «Динамо», переполненный зрителями. Под звуки гимна чемпионы Советского Союза Аста Миттов и Арутюн Акопян поднимают флаг соревнований.

Борьба за командное первенство шла остро и напряженно.

Во время полуфинальной встречи с командой «Калев» капитан команды «Спартак» Вилюс Варякоис по болезни выбыл из игры. С большим трудом спартаковцы одержали победу в полуфинальных соревнованиях. А назавтра предстояла финальная встреча с еще более сильной командой спортивного общества профсоюзов Литвы — «Жальгирис».

В составе команды «Жальгирис» мастер спорта В. Дзиндзиляускас, мастер спорта О. Жалевичуте, победитель Всесоюзных юношеских соревнований Р. Пяшкявичус и еще два опытных игрока.

Против этой сильной пятерки команда «Спартака» вынуждена играть вчетвером, ибо Варякоис играть не может. И, очевидно, победа достанется команде «Жальгириса».

У команды «Спартак» в шумных спорах рождались планы победы — рождались и тут же отбрасывались. Вечером команда вышла к столу, решив играть вчетвером и выиграть.

Каждая командная встреча на первенство СССР состояла из пятнадцати игр — девяти мужских одиночных, четырех женских одиночных, одной парной мужской и одной смешанной. Победителем встречи считался коллектив, набравший 8 очков из 15.

Капитан команды «Спартак» Варякоис подсчитал шансы и поставил перед участниками задачу: набрать 8 очков в одиночных встречах, набрать наверняка, не доводя до того, чтобы исход борьбы решали парные встречи.

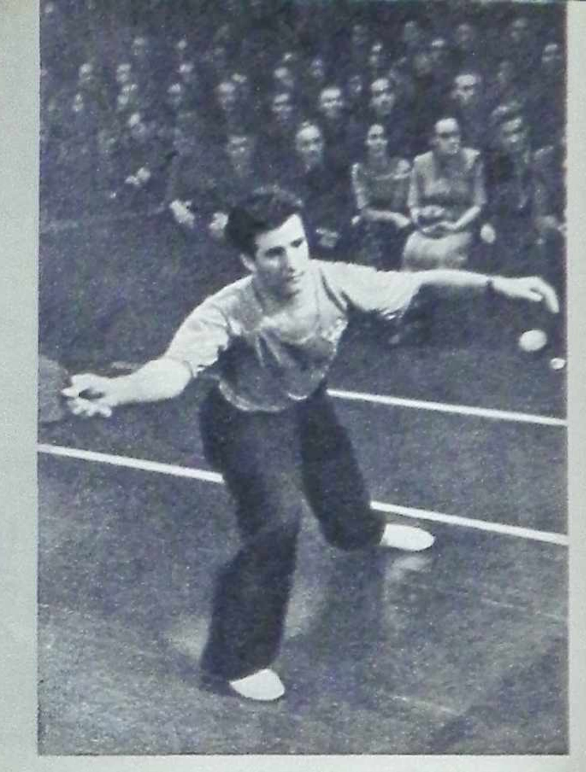
Необходимо восемь очков. Как их добиться?

Три очка должен дать чемпион Советского Союза Арутюн Акопян. В прошлом году он выиграл 89 встреч из 89. Сегодня он должен выиграть 3 встречи из 3!

Пять очков должны дать все остальные участники команды.

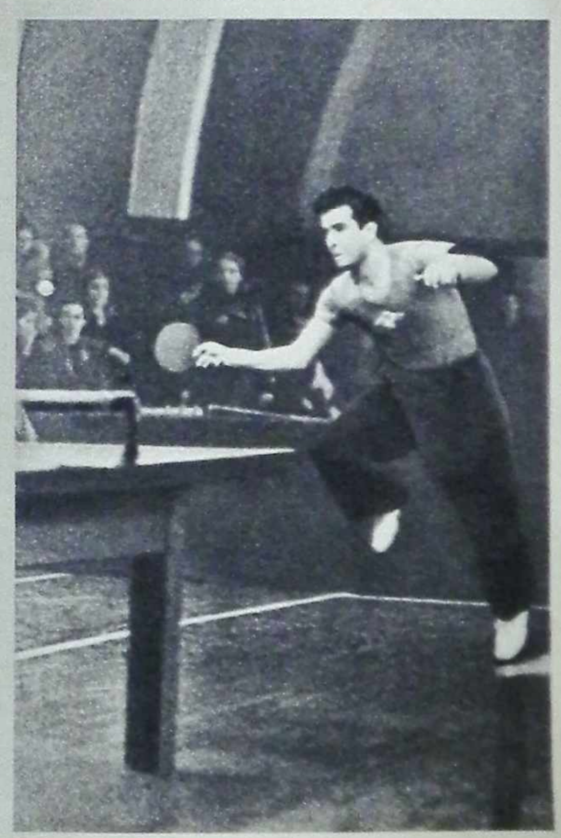
Неявка к столу даже по болезни засчитывалась как проигрыш. Таким образом, хотя первая игра закончилась победой спартаковцев, на зеленом демонстрационном щите появился счет не 1 : 0 в пользу спартаковцев, а 1 : 1. Это мастер спорта капитан «Спартака» Варякоис, сидя на скамейке с перевязанной ногой, проиграл свою первую встречу.

Чемпион страны спартаковец Арутюн Ако-

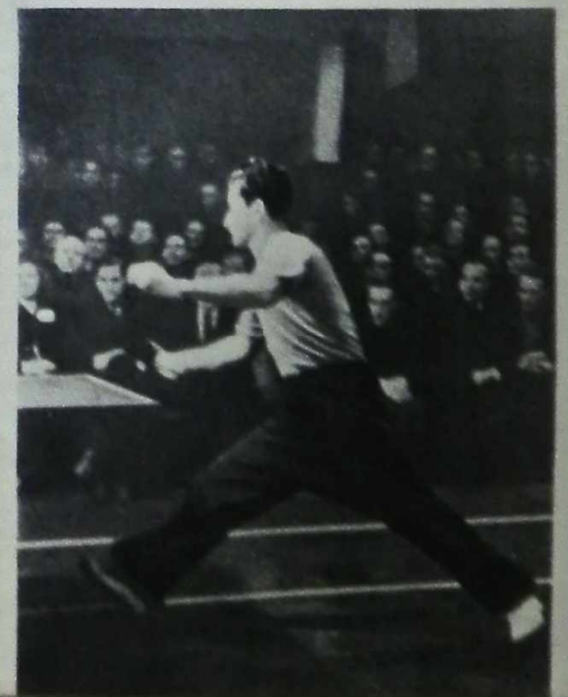

Командное первенство Советского Союза по настольному теннису. На наших снимках — моменты игры Арутюна Акопяна.

1. Мяч принят вдалеке от стола.

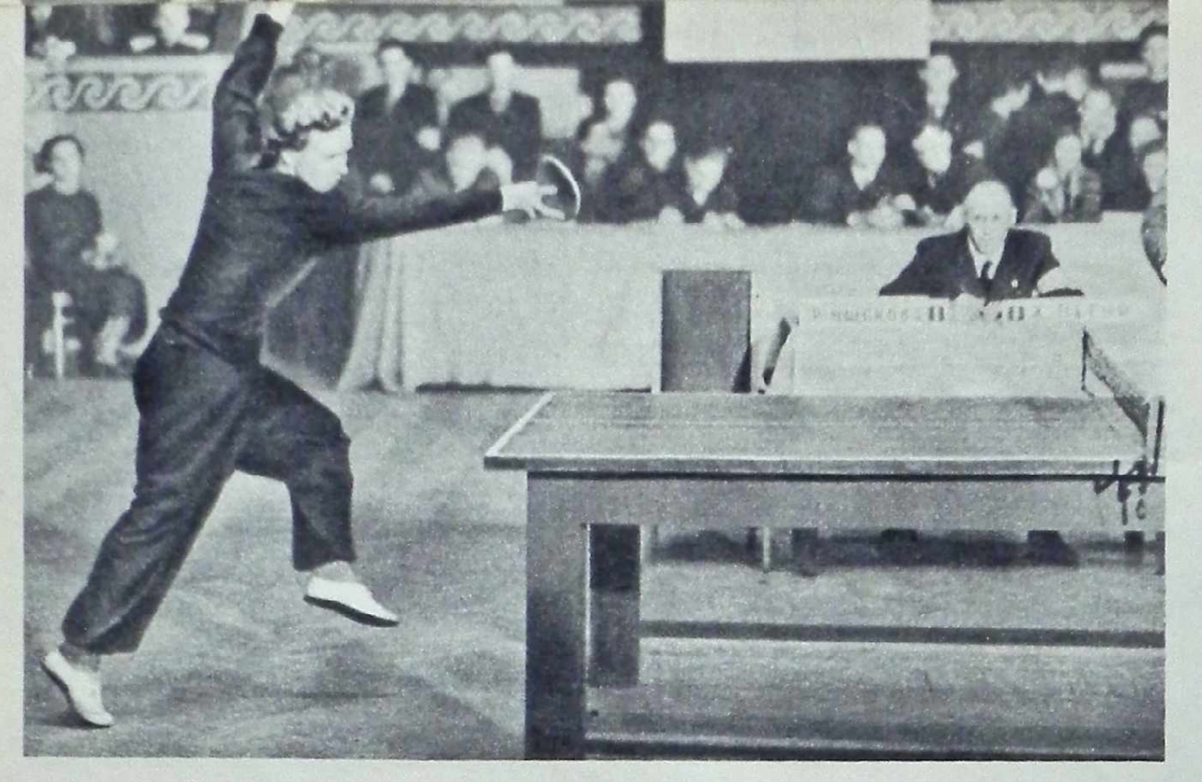

2. Удар с прыжка.

3. Рывок к столу.

Фото Г. Вайдла

Р. Ушакова в игре.
Фото Н. Волкова

пян выигрывает у Олега Онуфриенко. Но на демонстрационном щите появляется счет не 2 : 0 в пользу «Спартака», а 2 : 2. Это капитан команды «Спартака», не подходя к столу, проиграл свою вторую встречу. И после третьей победы «Спартака» общий счет становится 3 : 3.

К столу выходят А. Акопян и Р. Пяшкявичус. Акопян играет осторожно, слишком осторожно. В решающей партии он впереди — 15 : 9, 18 : 14. Более решительно он играть не может: видимо, не хочет рисковать. Акопян почти не бьет. Разрыв в счете медленно сокращается: 16 : 15, 18 : 17, 18 : 18. Кажется, что маленький белый целлулоидовый мячик, попадая на половину стола Акопяна, становится свинцово тяжелым. При счете 21 : 21 Акопян вдруг решается на внезапный удар. Пяшкявичус не был готов к нему. Но Акопян бил, не будучи в позиции. Тактическая ошибка влечет за собой фактическую ошибку — промах. Еще ошибка. И зрители приветствуют победу волевого молодого спортсмена «Жальгирис» Римаса Пяшкявичуса.

Команда «Спартака» потеряла верное, планированное ею очко! И тут же следует еще одна неудача: женская одиночная встреча мастеров спорта О. Жалевичуте и Б. Балайшиене заканчивается неожиданной и вместе с тем убедительной победой Жалевичуте («Жальгирис»). Счет командного состязания становится 7 : 4 в пользу «Жальгириса». Спартаковцам, для того чтобы выйти победителями, уже нельзя больше проиграть ни одной встречи. «Жальгирису» же для победы нужно всего одно очко...

Бывает так в жизни: человеку (а иногда и коллективу) кажется, что уже все сделано, что победа уже пришла, до победы остался еще шаг. И иной раз этот последний шаг оказывается самым трудным. Возможно, что игрокам «Жальгириса» на какую-то минуту показалось, что победа уже пришла. Но это было не так! Две оставшиеся одиночные встречи, а затем и мужскую парную выигрывают спартаковцы.

Общий счет становится равным — 7 : 7.

И вот решающая встреча в борьбе за решающее восьмое очко. Спартаковцы Б. Балайшиене и А. Акопян играют против чемпионов страны в смешанном парном разряде О. Жалевичуте и В. Дзиндзиляускаса.

В парной игре в отличие от тенниса партнеры отбивают мяч строго по очереди, а не когда кому удобно. Тут особенно важна сыгранность пары, точность передвижений... В зале слышен только сдержанный голос судьи. «Жальгирис» ведет, счет уже 19 : 17 в пользу литовской команды. Разыгрываются последние мячи партии.

Спартаковская пара играет свободно и наперекор обстоятельствам уверенно. Плавно и спокойно возвращаются остро пласированные мячи. Каждый удар встречается прочной защитой. Контратаки Акопяна с броском издалека к «укороченному мячу» удаются ему безошибочно. Вот Дзиндзиляускас успевает взять мяч. Балайшиене резким ударом бьет слева по линии. Жалевичуте все-таки успевает отбить, но мяч не долетает до сетки. Счет 19 : 18.

Дзиндзиляускас явно начинает нервничать. Хочется скорее выиграть, и это приводит к проигрышу. Мяч в воздухе. Доля секунды уходит на волнение, доля секунды — на колебание: бить или не бить? Ритм движения нарушен, удар запаздывает — мяч уходит за стол. Такой великолепный техник, как Дзиндзиляускас, сделал ошибку в выполнении простейшего правого удара! Счет 19 : 19. Еще два удара подряд выигрывают спартаковцы — и воля коллектива побеждает. Спартаковцы выигрывают партию со счетом 21 : 19, а вместе с этой партией выигрывают и командную встречу со счетом 8 : 7.

Так первая команда «Спартака» заслуженно стала чемпионом Советского Союза, обладательницей переходящего приза Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта.

Победа досталась спартаковцам ценой огромного напряжения, и труднее всего было капитану команды Варяконсу, который вынужден был проиграть все свои встречи, не подходя к столу. Ему было труднее всего, ибо самое трудное для советского спортсмена, для советского человека — бездействие!

Боксер-ваятель

Ко дню рождения своего тренера — заслуженного мастера спорта Бориса Семеновича Денисова—Володя Локштанов вылепил фигуру боксера.

Борис Семенович был удивлен этим подарком: он не знал, что его ученик увлекается ваянием. За три года до этого пятнадцатилетним юношей Володя Локштанов пришел в школу молодых боксеров. У худенького, физически слабо развитого подростка, казалось, не было никаких данных, чтобы стать боксером. Но Володя с таким упорством начал тренироваться, так быстро овладевал техникой бокса, что уже через два года стал победителем первенства столицы для юношей.

Окончив десятилетку, Локштанов решил пойти учиться в школу тренеров. Сколько интересного узнал он на занятиях! Как увлекательно проводили свои уроки заслуженные мастера спорта Константин Градополов и Виктор Михайлов! Однако будущего тренера можно было увидеть не только на ринге, но и в библиотеке. Особенно углубленно изучал Локштанов анатомию. Она интересовала его не только как тренера, но и как скульптора.

Молодой спортсмен принялся за свою первую большую скульптурную работу.

Острый момент боя. Один из боксеров — в защите. Вытянув вперед правую руку и прикрыв левой рукой подбородок, он напряженно следит за своим соперником. Такова была композиция, исполненная Локштановым.

В. Локштанов показывает В. И. Мухиной один из вариантов своей скульптуры «На ринге».
Фото Н. Кузнецовой

Скульптор-самоучка побывал у народного художника СССР В. И. Мухиной, показал ей свое произведение. Вера Игнатьевна указала на серьезные недостатки в его работе, дала юноше ряд советов.

...Закончен физкультурный институт. Два года уже работает Локштанов преподавателем физкультуры, успешно выступает он и на ринге, завоевав в прошлом сезоне третье место во всесоюзных соревнованиях на первенство профсоюзов и став чемпионом общества «Строитель» во втором полусреднем весе. Страсть Владимира Локштанова к ваянию не угасла. Он попрежнему много времени уделяет лепке, занимаясь в изостудии при заводе «Компрессор». После трехлетней работы закончена и отлита в гипсе скульптура «На ринге». Сейчас Локштанов завершает работу над скульптурной фигурой гимнастки.

В. МАРЬЯНОВСКИЙ

Ксантопсия

Арк. ВАСИЛЬЕВ, Борис ПРИВАЛОВ

Расстановка мебели проходила в условиях взаимопонимания и обоюдного доверия. Мирно закончились подвеска люстр и развешивание семейных фотографий. После этого был объявлен перерыв на обед.

Первая стычка супругов Веревкиных в новой квартире высотного дома началась за компотом.

Надо заметить, что Клавдия Ивановна Веревкина во время крупных семейных событий, очевидно, вспоминая свою бывшую профессию стенографистки, всегда начинает изъясняться на языке протоколов. И на этот раз она, сменив половник на авторучку, достала из сумочки листок бумаги и произнесла:

— Сначала уточним списочный состав гостей. Я планирую человек шестнадцать.

Артемий Несторович, отказавшись от безнадежной попытки раскусить черносливовую косточку, возразил:

— Мало! Только одних моих сослуживцев будет не меньше двенадцати. Ведь все-таки, как-никак, грандиозное событие: новоселье. Ну, и плюс твои родственники...

— Кого же из них персонально? — спросила Клавдия Ивановна.— Катю с мужем, Колю с женой...

— Васю без жены и Зину без мужа,— шутливо добавил Артемий Несторович, принимаясь за разборку книг.

Но Клавдия Ивановна шутить не была склонна и внесла поправку:

— Вася холостой, а Зина — еще девушка. И они, конечно, будут. И я обязательно приглашу Маргариту Карповну.

Артемий Несторович сел на «Техническую энциклопедию»:

— Кого угодно, но только не Маргариту Карповну. Ей не место в высотном доме.

— Не понимаю, что ты имеешь против этой славной женщины? Тетя она мне или не тетя? Она, конечно, со странностями, но надо же уметь снисходительно относиться к родственникам.

Не будем рассказывать, как капитулировал Артемий Несторович, а лучше перейдем ближе к делу и посвятим наши дальнейшие строки торжественному событию в квартире Веревкиных.

Гости стали съезжаться с девяти.

Первыми явились Катя с мужем. Катин муж, снимая с жены шубу, недовольно сказал:

— Кто же это в такую рань на новоселье собирается! Выспаться не дали...

Не успели они как следует похвалить уютную кухню, как раздался звонок: поднялись Коля с женой. Затем звонки участились: лифт доставлял гостей с быстротой пушечного ядра.

Каждая новая партия гостей экскурсию по квартире совершала по твердо выработанному Артемием Несторовичем маршруту. Исключение пришлось сделать лишь для Васи без жены и Зины без мужа. Молодые люди уселись друг против друга в кабинете хозяина, около книжного шкафа, делая вид, что их больше всего на свете интересует вторая часть «Белой березы».

Последней явилась Маргарита Карповна. Увидев, что все гости уже за столом, она сразу надулась и с ходу объявила хозяйке выговор:

— Не могли родную тетю подождать! Я, как вам известно, персональной машиной не располагаю...

Поправив прическу и накрасив сморщенные губы, Маргарита Карповна втиснулась на самое почетное место — рядом с хозяином, немедленно принялась за маринованные грибы и прислушалась к шумному разговору. А разговор, как водится на новоселье, шел о новой квартире.

Катин муж, пораженный миллионами огней Москвы, переливавшимися за окнами, без устали повторял:

— Какой вид! Какая красота!..

Маргарита Карповна, прожевывая корнишон, вступила в беседу:

— А все-таки счастья в этой квартире не видеть.

Гости поперхнулись, а хозяин дома, не выдержав, пошел на кухню искать штопор. Только одна Клавдия Ивановна сохраняла спокойствие. Стараясь улыбаться как можно ласковее, она спросила:

— Разрешите узнать, на каком основании покоится ваше утверждение, дорогая тетя?

— Этаж-то тринадцатый! Из стольких этажей не могли другого выбрать!

Вся компания, приняв выходки Маргариты Карповны за милую шутку, весело рассмеялась. Вася без жены поднял свой бокал, нежно посмотрел на Зину без мужа и произнес:

— Выпьем за счастье!

Но вскоре гости поняли, что Маргарита Карповна не шутит. Несмотря на то, что в комнате было почти двадцать градусов, она томным голосом обратилась к племяннице:

— Клэр! Очень прошу, принеси пуховый платок.

Она закуталась в платок, прижалась спиной к батарее отопления и начала долгий рассказ о беседе с одним очень, очень крупным специалистом, который по секрету рассказал ей, что в высотных домах никогда не будет тепло.

— Да и откуда ему, теплу, взяться? Котлы отопления внизу. Пока вода бежит по трубам, она обязательно остынет. И этот ветер. Слышите, как он воет?

Притихшие гости начали вслушиваться в вой ветра. Но воя не было. Слышно было только, как Артемий Несторович уговаривал в передней своего заместителя:

— Ну вернитесь, голубчик! Я этот фонтан скоро прикрою...

Войдя в столовую, Артемий Несторович застал следующую сцену. Дорогая тетя стояла около балконной двери. В руках она держала привязанную за нитку вилку. Вилка слегка раскачивалась, как маятник. Вокруг толпились гости. Маргарита Карповна торжествующе говорила:

— Видите? Качается. Это на тринадцатом этаже! А что делается выше?

Вася без жены, держа под руку Зину без мужа, громко смеялся и повторял одно и то же:

— Боже мой, какая глупость! Вы сами качаетесь.

Маргарита Карповна смерила Васю презрительным взглядом и желчно отпарировала:

— Не сваливайте с больной головы на здоровую. Я не в пример всем выпила только одну рюмку портвейна. А дом все-таки качается. Он не может не качаться. Знакомый инженер рассказывал мне лично, что в фундаменте чего-то не хватает, каких-то слоев.

Артемий Несторович включил радиолу. Но было уже поздно. Супруги Лаврентьевы заспешили домой, так как у мнительной Ларисы Львовны закололо под ложечкой и началось головокружение.

Проводив Лаврентьевых, хозяева, войдя в столовую, услышали, как Маргарита Карповна разносит скоростной лифт. Она при этом показала блестящие познания в области электротехники:

— Что такое лифт? Это такой же электронагревательный прибор, как плитка или утюг. Я сама видела: он ходит на спиралях. Машина, конечно, несколько солиднее, чем на плитке, но все равно спирали. В один прекрасный миг спираль — фук — перегорит и лифт застрянет часов на шесть... Нет, уж извините! Я выше пятого этажа даже в бесплатной квартире жить не буду...

Артемий Несторович сразу оценил обстановку и решил действовать без промедления. Он отвел Васю без жены в сторону и зашептал ему на ухо:

— Дорогой! Выручи. Я тебе этой жертвы вовек не забуду. Займи ее чем-нибудь. Выдумай ей что-нибудь сверхъестественное. Припугни чем-нибудь. Иначе она весь вечер испортит.

Вскоре притихшая, недовольная Зина без мужа скучала в обществе двух плановиков и одного статистика, а Вася без жены сидел рядом с Маргаритой Карповной и, незаметно подливая ей в рюмку мадеру, рассказывал об эпидемии ксантопсии, охватившей недавно одну отдаленную местность, где-то между Беринговым проливом и Азорскими островами.

Маргарита Карповна, разбиравшаяся во всех болезнях не хуже любого гомеопата, крайне заинтересовалась новой для нее хворобой.

— А какие, Васенька, у ней основные симптомы?

Вася еще раз наполнил Маргарите Карповне рюмку и начал популярно объяснять:

— Ксантопсия — это значит видение предметов в желтом свете. Наблюдается при отравлении некоторыми кислотами, сантонином, при желтухе и при некоторых других заболеваниях. Желтовидение — это, так сказать, первая стадия. Если болезнь запустить, желтый цвет переходит в черный, и человек все видит только в черном цвете, короче говоря, слепнет. Больному прежде всего необходим покой. Особенно вреден яркий электрический свет. Спать надо ложиться при заходе солнца и абсолютно исключить алкоголь...

Маргарита Карповна отодвинула недопитую рюмку, протерла глаза и скороговоркой заявила племяннице:

— Клэр! Я пойду прилягу...

Встреча друзей в квартире Веревкиных была спасена.

* * *

Тетя уезжала домой на рассвете. Клавдия Ивановна проводила ее до такси и очень удивилась ее тихому, ласковому взгляду. Отъехав два шага, Маргарита Карповна начала рассказывать водителю о проведенной ночи:

— В гостях была. У племянницы. Можно только позавидовать — живут на тринадцатом этаже. Какой вид! Какая красота! Какая квартира! Теплынь! А лифты!..

Машина повернула вправо, и высотный дом открылся во всей своей прелести. Он стоял могучий, как утес, красивый, как сказка.

Маргарита Карповна протерла глаза и сказала:

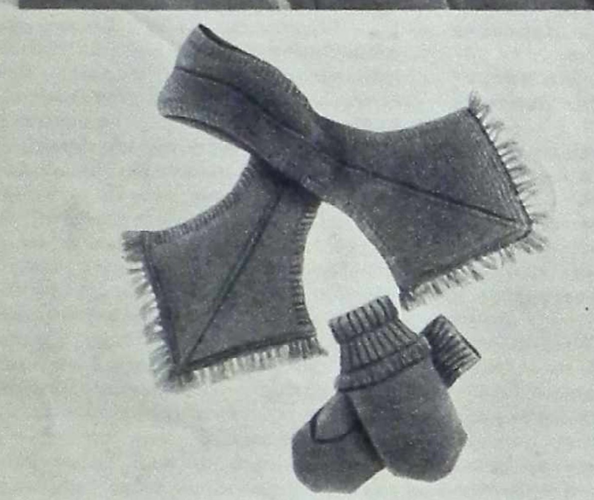
— Не качается!

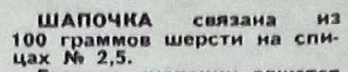

Рисунки А. Каневского

ШАПОЧКА, ШАРФ И ВАРЕЖКИ

ШАПОЧКА связана из 100 граммов шерсти на спицах № 2,5.

Головка шапочки вяжется резинкой 2 × 2 (две лицевые и две изнаночные петли чередуются до конца ряда). Связав 12 сантиметров в высоту, следующие 4 сантиметра вяжут резинкой 1 × 1. Дальше до конца головки — чулочной вязкой.

Бортик шапочки высотою в 12 сантиметров вяжется отдельно резинкой 2 × 2. В край бортика вшивается проволока. Отделана шапочка двухцветным шнуром, сплетенным на пальцах.

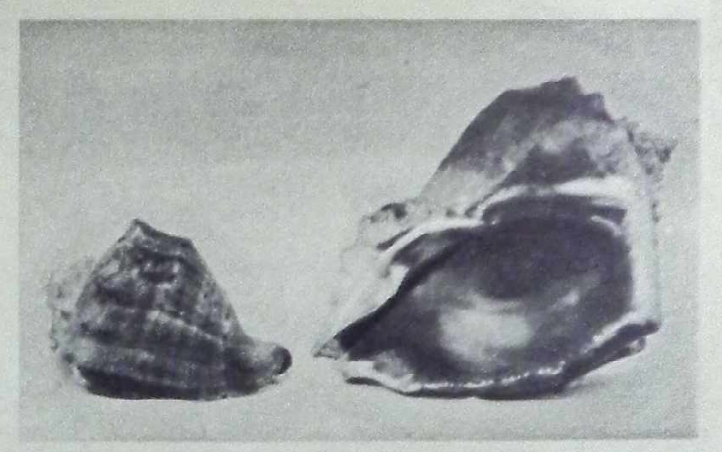
ШАРФ связан также на спицах № 2,5 из 80 граммов шерсти.

При вязке шарфа набирается нечетное количество петель (в данной модели — 69 петель). Первые два ряда вяжутся «веревочкой», то есть и по лицу и по изнанке работы — лицевыми петлями. С третьего ряда первые три петли с обоих краев шарфа — «веревочкой», остальные — по лицу лицевыми, по изнанке изнаночными петлями. Три серединные петли — 34, 35 и 36-я — вяжутся так: 34-ю и 35-ю петлю снимают непровязанными с левой спицы на правую и переставляют 35-ю петлю на место 34-й, после чего все три петли провязываются вместе. С изнанки работы эта петля снимается непровязанной. Такое убавление петель производят в каждом лицевом ряду. Когда на спицах останется 29 петель, в каждом лицевом ряду после первых трех петель «веревочкой» и перед последними тремя петлями «веревочкой» делают накид, который с изнанки провязывают изнаночной петлей.

Шарф отделывается кисточками из шерсти того же цвета.

ВАРЕЖКИ вяжутся на чулочных спицах и отделываются частыми короткими кисточками.

Э. ЛАЗЕБНИКОВА

Новый обитатель Черного моря

В последние годы курортники, возвращающиеся с Черноморского побережья, стали привозить затейливые раковины. Эти раковины завернуты спиралью, окрашены в бурый, а изнутри — в оранжевый цвет. Поверхность их испещрена коричневыми черточками. Они похожи на другой вид раковин, которые мы уже видели на столах в качестве пепельниц или безделушек-украшений.

Новая для нас раковина — подвижная крепость крупного брюхоногого моллюска — рапаны из семейства пурпуровых улиток, — обитающего в дальневосточных морях. В Черном море этот моллюск впервые был обнаружен в 1947 году у Новороссийска. Прежде чем попасть сюда, он должен был проделать длинный путь через моря и океаны. Ученые предполагают, что этот путь проделал не сам моллюск, а его икра, отложенная на подводную часть какого-либо судна во время стоянки в одном из дальневосточных портов. Возможно также, что личинки рапаны были завезены судами в балластной воде.

В Черном море икра или личинки рапаны нашли благоприятные условия для своего дальнейшего развития. Сейчас новых черноморских обитателей ловят и в Сочи, и в Гагре, и в Гудауте.

Поведение рапаны в Черном море, ее распространение и возможности использования изучаются специалистами. Рапана — хищный моллюск. Он уничтожает устриц и мидий, которые имеют промысловое значение. Но сам он, повидимому, тоже может служить предметом промысла: на побережье Японского моря, например, его употребляют в пищу. Крепкие и красивые раковины рапаны могут быть использованы на различные поделки. Между прочим, в древности в Египте, Греции и Риме из моллюсков этого семейства добывали пурпур — краску багряного цвета для окрашивания тканей, которая в те времена ценилась очень высоко.

Б. АЛЕКСЕЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Советский писатель. 6. Ленинградский завод, выпускающий мощные гидрогенераторы. 9. Рамка. 11. Союзная республика. 12. Персонаж из романа «Отверженные» В. Гюго. 16. Помещение на корабле. 17. Отдел высшего учебного заведения. 18. Химическое вещество. 19. Действующее лицо в комедии «Недоросль» Д. И. Фонвизина. 20. Сложный вопрос. 22. Сорт конфет. 23. Основная тема. 24. Пушной зверь. 25. Рассказ М. Горького. 27. Кулинарное изделие. 29. Остановка в пути. 30. Вид сельскохозяйственных работ. 31. Род опоры в здании.

По вертикали:

1. Сосуд для производства химических реакций. 2. Выносливость, стойкость. 3. Сорт моркови. 4. Река в Европе. 5. Трикотажное изделие. 7. Спортсменка. 8. Создание нового. 10. Прекращение военных действий. 13. Изделия из глины. 14. Злободневная острая статья. 15. Персонаж в драме А. П. Чехова «Три сестры». 21. Небольшое музыкальное или литературное произведение. 26. Составной элемент крови. 27. Мастер-кулинар. 28. Лечебный ил. 29. Первый звук гаммы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали:

5. Протоплазма. 8. Родник. 10. Апогей. 12. Артык. 14. Желатин. 15. Гималаи. 18. Показ. 20. Затопек. 21. Бажов. 22. Спектр. 23. Уссури. 25. Пятов. 27. «Холопка». 28. Налог. 32. Писарев. 33. Синоним. 34. Колос. 36. Лощина. 37. Власов. 38. Транспортир.

По вертикали:

1. Франция. 2. Итака. 3. Табак. 4. Аммонит. 6. Морава. 7. Декада. 9. Штопор. 11. Мероприятие. 13. Лаборатория. 16. Раствор. 17. Лексика. 19. Запев. 21. Буран. 24. Модель. 26. Очаков. 29. Аносов. 30. Селитра. 31. Кипарис. 34. Канна. 35. Свирь.

Их образ жизни

ПУШКИ ВМЕСТО ШКОЛ

В США многие школы ютятся в старых, пришедших в полную негодность или в совершенно неприспособленных для занятий зданиях. Сенатор Гемфри пишет по этому поводу в газете «Вашингтон пост»:

«В небольшом поселке штата Айдахо школа находится в помещении, настолько обветшалом, что дети сквозь щели в стенках видят небо. Местные власти приняли решение не открывать школы в сильно ветреные дни. И как бы это ни показалось фантастичным, но все же остается фактом сообщение, полученное ведомством народного образования, что одна школа помещается в... курятнике. Или, как вам понравится, что в одном селе в штате Техас родители вынуждены посылать детей в школу, устроенную в автобусе?»

В этом номере помещены репродукции картин художников С. В. Герасимова, А. Ф. Бурака, В. Е. Куракина, рисунки Н. Н. Жукова и две страницы цветных фотографий.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

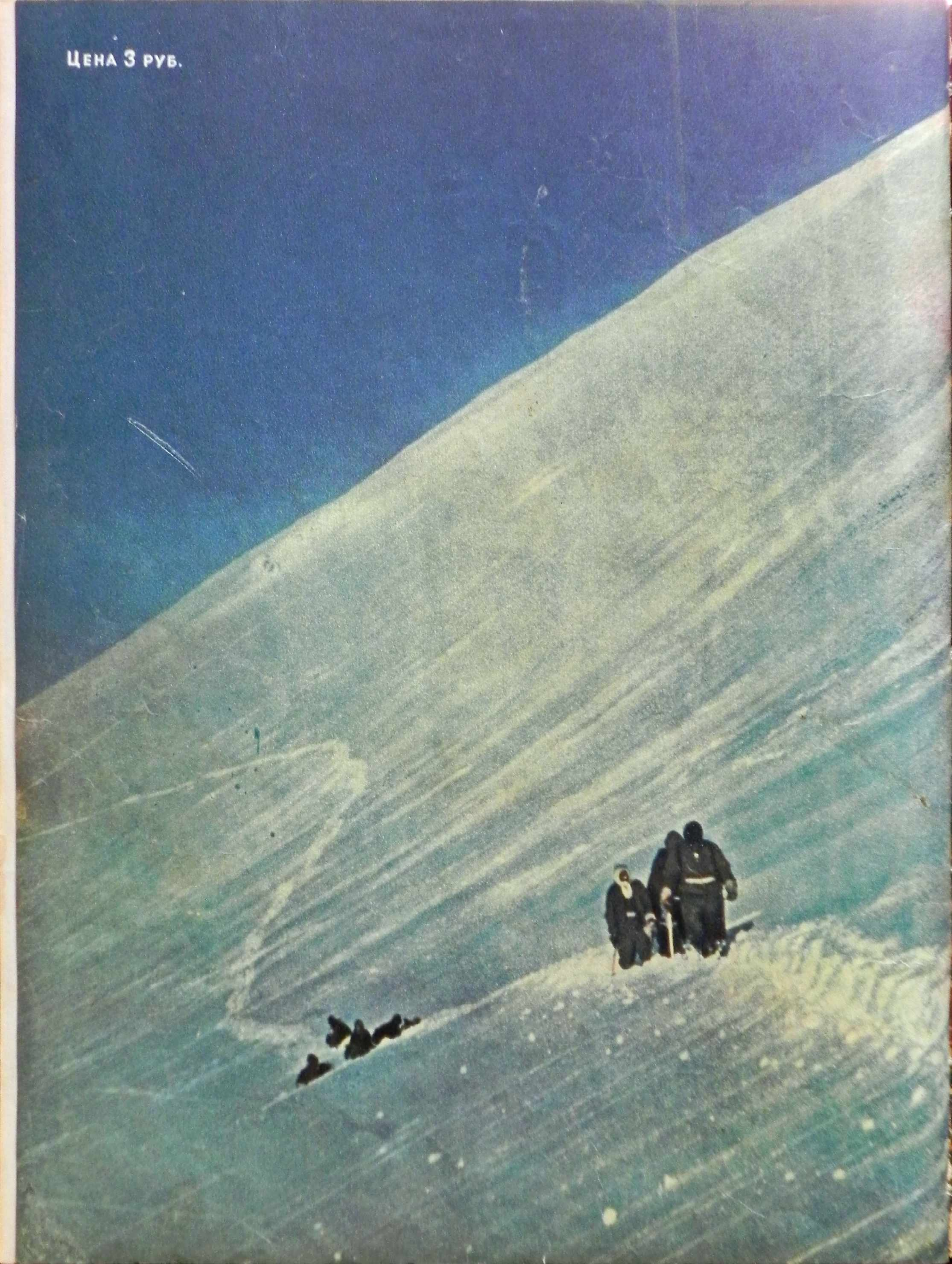
А 01703. Подп. к печ. 13/I 1953 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 71. Заказ № 3272. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ЗИМНИЙ ДЕНЬ.

Фото Н. Калинина (Алтайский край).

ЦЕНА 3 РУБ.